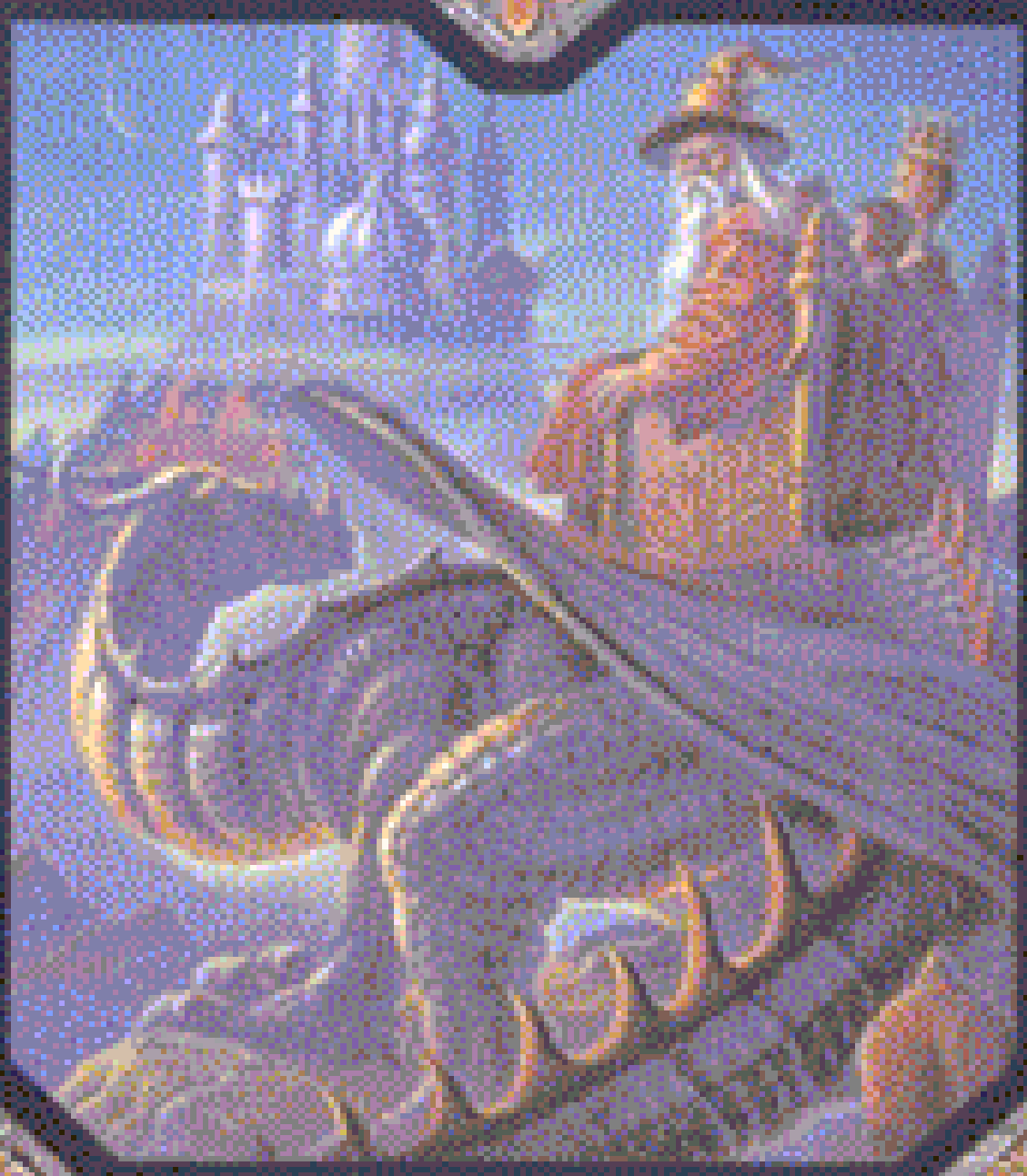

ҒАҒАП

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙВЕЛ
Сказание
о Мануэле

Сказание о Мануэле

Annotation

Джеймс Брэнч Кейбелл (1879-1958 гг.) – писатель, незаслуженно забытый в наши дни, однако в свое время считавшийся одним из ведущих мастеров американской «литературной легенды» первой половины XX в.

Кейбелл создал немало произведений, однако наибольшую известность ему принесла масштабная и изысканная фэнтези-сага «Сказание о Мануэле»!

Джеймс Брэнч Кейбелл

Кое-что о Еве

Часть I

Книга исхода

Хорошо там, где нас нет

Глава I

Как пришел искуситель

После того как Силан материализовался и стал воспринимать человеческими чувствами, он решил выждать несколько мгновений. Он молча разглядывал очень занятого рыжеволосого молодого человека, сидевшего на расстоянии вытянутой руки за письменным столом. Паренек был столь прискорбным образом поглощен литературным творчеством, что не заметил своего призрачного посетителя. И Силан ждал...

И как всегда, для постороннего наблюдателя движения творческого письма являли тот налет гротеска, который накладывается на любую разновидность процесса порождения. Силан с тревогой взирал на судорожные гримасы паренька, которые казались фантому странными и жутковатыми. Ибо сей смертный мир, как хорошо помнил Силан, был необычайно богат предметами, доставляющими удовольствие, когда их держат в руках или пробуют на вкус – мир, в котором этот задумчивый паренек теребил и покусывал кончик черной ручки. За пределами этой душной комнаты были звезды, солнечные закаты или громадные горы, видимые почти с любого места в смертном мире, который пытливому существу, ищущему подходящие места, мог предоставить также такие восхитительные запахи, как аромат вербены и пачули, и тлеющих благовоний, и скошенных полей под огромной луной, и сосновых лесов, и крепкие соленые запахи ветра, веющего с моря.

Более того, в этот самый момент в чудесном мире за пределами этой довольно-таки душной комнаты вы могли бы повстречать те более нежные, просто младенческие ветерки, которые сейчас, на исходе апреля, постоянно шептали в верхушках деревьев о прелестях мира сего; либо вы могли услышать безумно милый голосок птицы, неуверенно взывающей весенней ночью со странной и пронизывающей сладостью; или, если бы вы зашли чуть дальше в поисках приключений, вы могли бы услышать бархатный, негромкий, сладкий голос женщины, с поддельным смущением пытающейся воспрепятствовать вашим домогательствам... Наконец, за пределами этой заваленной книгами комнаты был тот незабвенный мир смертных, в котором восприимчивый молодой человек мог припеваючи жить как король, располагая лишь наследственным достоянием всякого – пятью человеческими чувствами.

И вот, в столь прекрасно организованном мире, этот худой рыжеволосый юноша напряженно (при помощи той самой весьма обгрызанной черной ручки) покрывал бумагу маленькими царапинами, большую часть которых он немедленно замарывал другими царапинками, все это время сохраняя вид человека, занимающегося чем-то умным и действительно важным. Поэтому сей Джеральд Масгрэйв казался выжидающему призрачному Силану смертным исключительно глупым, чтобы так бездарно транжирить краткое время юной жизни в полной сил молодой человеческой плоти, среди множества легкодоступных предметов, которые такой паренек, как он, мог бы постоянно видеть, пробовать на вкус, нюхать, слушать и вертеть в руках с непреходящим восторгом. Но Силан с легкой печалью думал также и о том, что его собственная юность была уже далеко в прошлом. В самом деле, прошло уже почти шестьсот лет с тех пор, как он был по-настоящему молод, добрых пять с половиной столетий с тех пор, как юный Гуврич и девять его рослых приятелей в легендарном содружестве наслаждались в своем наследственном

владении пятью человеческими чувствами и промотали это наследство весьма примечательным образом. Да, он начинал сдавать, думал Силан; он почти потерял соприкосновение с образом жизни этих современных молодых людей.

Это было, наверное, неизбежно, что за долгое время с тех пор, как он бродил по этому миру в физическом человеческом теле, слабости людской юности стали несколько чужды ему; и в конце концов не для того, чтобы оценивать расточительность писателей, вы проделали долгий путь от Кэр Омна до Личфилда под предводительством другого писателя, намереваясь вывести этого обреченного рыжего паренька за пределы мира живых.

Силан заговорил...

Глава 2

Эвелин из Личфилда

Силан заговорил. Он говорил довольно долго.

И некоторое время спустя молодой человек за письменным столом, поднявшись с легким испугом, который эти сверхъестественные посещения неизменно у него вызывали, выслушал предложение Силана.

— И кто же это, — сказал Джеральд затем, — подбивает меня на эту жертву и на такое частичное уничтожение?

Силан ответил:

— Имя, которое я носил в бытность мою смертным — Гуврич, но сейчас меня называют Глом Взгляд Одержимого.

Это было странное имя, и предложение, которое делал этот туманный призрак в человеческом обличье, тоже было странным, — предложение, решил Джеральд Масгрэйв, над которым стоило, по крайней мере, поразмыслить...

Ведь, будучи исследователем магии, Джеральд Масгрэйв в свое время имел дело со множеством демонов, но ни один из них до этой последней ночи в апреле 1805 года не делал ему столь странного и в то же время разумного и даже приятного предложения, как то, что было сделано только что. Джеральд отодвинул в сторону рукопись своего неоконченного романа о Доне Мануэле из Пуактесма, расправил кружевное жабо на шее и на мгновение взвесил это действительно довольно-таки заманчивое предложение... Большинство демонов были одержимы идеей купить у него душу, о наличии у себя которой Джеральд, в этот век Разума, не имел надежных свидетельств. Но Глом Взгляд Одержимого, казалось, был в силах и имел желание избавить Джеральда от всех телесных обязательств и принять физическую жизнь Джеральда в том состоянии, в котором она была, — даже при всех мучительных затруднениях запутанных отношений Джеральда с Эвелин Таунсенд.

— Я некогда был человеком, — сказал Силан, — и носил физическую телесную оболочку. А старые привычки, в таких мелочах, как облачение, привязчивы. Иногда я чувствую, даже сейчас, спустя пять столетий беззаботной жизни Силана, что мне не хватает человеческих привязанностей.

— А я нахожу их, — заявил Джеральд, — в величайшей степени обременительными. Искренность ничуть не более приятна, чем скрытность, когда то или иное не к месту. А проклятие всех моих родственников — чрезвычайно пагубная искренность. Они не скрывают от меня ничего, кроме того почтения и зависти, с которыми они могли бы при желании взирать на мои хорошие манеры и благородные качества.

— Так обстояли дела со всеми родственниками, Джеральд, со времен Каина и Авеля.

— Я все еще, может быть, в состоянии, хотя и только как бедствие, терпеть моих братьев. Я мог бы вместе со своими сестрами строить грандиозные и унылые планы на мое будущее. Я мог бы даже пойти так далеко в самоотречении, чтобы прощать — по четвергам раз в две недели — хор нежно любящих тетушек, которые вещают от лица моего собственного блага.

— Первым, кто претендовал отстаивать чужое благо, Джеральд, был Змей в Раю, и всегда с тех пор

такие речи оказывались ядовиты.

– Но все эти пытки я мог бы, – сказал Джеральд, – по крайней мере, предположительно, вынести, если бы только занятиям моим искусством не воспрепятствовало и покой моего тела не разрушило величайшее блаженство, которое может выпасть на долю человека.

– Вы, полагаю я, – сказал Силан, – намекаете на любовь хорошей женщины?

– Именно это и есть незаслуженное и неустранимое счастье, которое в конечном счете, представьте себе, может сократить меня до простой дроби самоубийства.

Теперь Джеральд умолк. Он глубоко откинулся в кресле. Он задумчиво свел вместе кончики мизинцев, а затем один за другим кончики других пальцев, пока его большие пальцы не соприкоснулись, и разглядывал результат в целом с неудовольствием.

– Всякий брак создает проблему по меньшей мере для одного человека, – философствовал он, – и не всегда для жениха. Видите ли, сэр, к величайшему несчастью, эта Эвелин Таунсенд уже замужем, поэтому наш союз с необходимостью оказался прелюбодеянием. Трагедия моей жизни состоит в том, что я встретил свою кузину Эвелин слишком поздно, чтобы жениться на ней. Любой женатый человек, неглупый и достаточно терпеливый, может заставить свою жену развестись с ним. Но для джентльмена с Юга не существует известного мне способа избавиться от дамы, которой он овладел незаконным образом, до тех пор пока она не соблюдет приличия, устав от него. А Эвелин, сэр, предпочтя продолжать свои безнравственные отношения со мной, повела себя очень дурно, о да, очень дурно...

– Все женщины... – начал было Глом.

– Нет, давайте не будем рассуждать в духе эпиграмм и афоризмов и с поверхностным легкомыслием о пороке, который докучает мне превыше всякой разумной меры терпения. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что всякая красивая женщина должна рано или поздно вспомнить, чем она обязана своему мужу и своим брачным обетам, и поступить соответствующим образом. Раскаяние в любовной связи, когда оно своевременно, доставляет счастье всем окружающим. Но некоторые женщины, сэр, некоторые женщины в любви бывают более навязчивы, чем анаконда. Они рыдают. На каждую попытку своих беспомощных любовников высказать разумное суждение они отвечают: «А тебе верила! Я отдала тебе все!»

Глом не без сочувствия кивнул.

– Я тоже в свое время выслушивал такой довод без всякой радости. Я думаю, на это нечего возразить.

Джеральд содрогнулся.

– Для джентльмена с Юга, во всяком случае, единственным приемлемым ответом является убийство. А против такого решения существует, разумеется, довольно распространенное предубеждение. Поэтому женщина этого вздорного типа демонстрирует верность, выдвигает всякого рода немыслимые требования и доводит вас до безумия, всегда на том неопровержимом основании, что ей следует рассчитывать на вашу благодарность и на вашу неизменную покорность во всем. О, уверяю вас, мой добрый друг, не существует более разумного дружеского совета, чем седьмая заповедь!

– Ваши изречения более или менее истинны, и ваши затруднения я могу понять. Тем не менее...

– И вы тоже отлично понимаете нас, Масгрэйвов! – воскликнул Джеральд. – Но я думаю, вы сейчас хотите втянуть меня в это дело, ставя препятствия на моем пути.

– Я всего лишь хотел высказать ту простую мысль, что, несмотря ни на что, может быть, разумнее было бы мирно поладить с вашей Евой.

– Ее имя – Эвелин, – поправил Джеральд.

На это Силан улыбнулся.

– Ну да, конечно же! Женщины различаются по именам. Было бы мудрее для вас мирно поладить с Эвелин, чем для исследователя магии с таким небольшим опытом, как у вас, блуждать по ненадежному пути, который ведет в Антан.

– Но сэр, у меня душа художника! Когда-то, – Джеральд указал на рукопись, – это было малое

искусство сочинительства. Теперь, в результате моего знакомства с Гастоном Балмером, который несомненно вам известен...

– Полагаю, я не имел такого удовольствия.

– Вы меня удивляете. Я мог бы предположить, что имя Гастона Балмера повседневно произносится во всех кругах Ада, потому что милый старый прохвост является адептом, сэр, разносторонних способностей, хорошего вкуса и здравого смысла. И опять же, поскольку миссис Таунсенд его дочь, он приходится мне в некотором смысле приемным отцом по всем практическим соображениям. Но о чем это я? Ах да! Благодаря Гастону Балмеру, повторяю я, я был посвящен в величайшее из всех искусств. Я полагаю, что малое искусство сочинительства мне не удастся, что проза моя утратила величавость и свою захватывающую дух прелесть, потому что сердце мое более не принадлежит писательству по причине моего неутолимого желания оживить в своей прежней полноте славы гораздо более благородное и – во всяком случае, в Соединенных Штатах Америки – незаслуженно пренебрегаемое искусство волшебства. И от кого же еще – как вы наверное уже догадываетесь, мой дорогой друг – от кого же еще, если не от Магистра Филологии, могу я заполучить величайшие и наилучшие заклинания? Можете ли вы ответить мне на этот простой вопрос?!

– Разумеется, ни от кого иного...

– Вот видите!

– Однако Магистр Филологии теперь человек женатый и во всем подчиняется своей супруге. А эта королева Фрайдис обладает зеркалом, в которое, как говорят, должны взглянуть те, кто стремится к цели всех людских богов...

– Это зеркало тоже, – с оживлением промолвил Джеральд, – может мне понадобиться. Зеркала используются во многих разновидностях магии.

Теперь Глом заговорил с серьезностью гораздо большей, чем к тому можно было усмотреть повод. И Глом сказал:

– Что до меня, то я не стал бы связываться с этим зеркалом. Даже в стране Дэрсам, где зеркала священны, мы не желаем иметь никаких дел с Зеркалом Пропавших Детей и с теми странными отражениями, которые добро или зло являют в нем.

– Я посмотрюсь в Зеркало Пропавших Детей, – сказал Джеральд, с вызовом поднимая голову, – и если я усмотрю в том особую необходимость, то унесу это зеркало из Антана. Когда гражданин Соединенных Штатов Америки начинает заниматься искусством, сэр, он берется за дело всерьез.

– Что до меня, – ответил Силан, – то я много веков назад устал от всех видов волшебства и жажду, скорее, материальных жизненных удовольствий. Ведь более пятисот лет моей беззаботной жизни в Кэр Омне, в стране Дэрсам, я царил среди снов Божества.

– Но каким же образом достались вам эти сновидения?

– Они покинули его, Джеральд, когда пробил его час войти в Антан.

– Это выражение, сэр, мне непонятно.

– А вам и необязательно, Джеральд, понимать его. Так или иначе, я должен признать, что жизнь Силана лишена риска, Силану нечего бояться, а во мне присутствует частица смертного, для которой невыносимо состояние нерушимого довольства. Понимаете ли, я тоже некогда был смертным человеком с его заблуждениями, страхами и сомнениями, которые придавали пикантность моему вынужденному почтению к неизменной глупости моих друзей и неизменной жестокости времени и случая. И насколько я помню, Джеральд, тот Гуврич, которого люди столь нелепым образом называли Мудрым, от своих уверток и компромиссов получал больше жизненной энергии, чем я извлекаю из беззаботного и довольно скучного прозябания в течение двадцати четырех часов каждого невыносимого дня. Поэтому, я повторяю, я приму у вас ваше физическое тело...

– Но это, мой дорогой друг, оставит меня без какой-либо плотской обители.

– Я, Джеральд, однако же, удивлен таким скептицизмом в вас, в человеке, который столь регулярно

уплачивает церковные взносы! Старая добрая традиция учит нас, что у каждого человека есть тело физическое и тело духовное.

Джеральд покраснел. Он почувствовал, что его эрудиция и благочестие были подвергнуты сомнению. И он с раскаянием сказал:

– Действительно, как член Протестантской Епископальной Церкви, я знаком с Погребальной Службой. Да, вы правы. Я не желаю спорить со Святым Павлом. Религия моих отцов уверяет меня, что я обладаю двумя телами. Я могу жить только в одном из них в одно время. Для всякого неженатого человека несколько неприлично жить на два дома. Итак, давайте продолжим.

– Поэтому, повторяю я, я приму у вас физическое тело, подобно тому, как тот первый Глом однажды принял мое тело, и я приму у вас все ваши телесные затруднения, даже касающиеся вашей возлюбленной, с которой вряд ли будет много труднее поладить, чем с семьей официальными женами и тремястами пятьюдесятью с лишним наложницами, от которых я избавляюсь.

– Вы, – сказал Джеральд угрюмо, – не знаете Эвелин Таунсенд.

– Я полагаю, – заявил Силан с большей долей галантности, – что удостоюсь этой чести завтра.

Таким образом, сделка была заключена. И затем Силан, которого звали Глом Взгляд Одержимого, сделал все, что требовалось.

Глава 3

Два Джеральда

Силан, которого звали Глом Взгляд Одержимого – повторим это, – сделал все, что требовалось. Для Джеральда как исследователя магии большая часть процесса была вполне знакома, и если некоторые необычные заклинания и были для него, возможно, новыми экскурсами в искусство волхвования, то это не было заботой Джеральда. Достаточно было того, что, когда Силан закончил, никакого Силана видно не было. Вместо этого в библиотеке Джеральда Масгрэйва стояли лицом к лицу два Джеральда, каждый в синем кафтане и золотисто-желтом жилете, каждый в высоком белом воротничке с кружевным жабо у горла, и каждый был облачен во всех отношениях точно так же, как другой.

Эти два худощавых, рыжеволосых Джеральда не отличались и выражением лица. Каждый улыбался другому одним и тем же изящно изогнутым, очень женственным ртом, расположенным над тем же самым выступающим длинным подбородком, и каждый обнаруживал одну и ту же самую ленивую и слегка насмешливую иронию в больших и очень темных, почти фиолетовых глазах другого.

Один член этой странной пары в данный момент сидел за письменным столом. Поигрывая лежащими на нем бумагами, он взял страницы неоконченного романа Джеральда Масгрэйва о возвышенной любви его знаменитого предка Дон Мануэля из Пуактесма к мадам Ниафер, дочери Солдана Варвара. Джеральд начал эту повесть в те дни, когда он намеревался одарить Америку литературой лучшей, чем в других странах, однако уже несколько месяцев пренебрегал ею. Фактически, с тех пор как Джеральд занялся изучением магии, он, отдавая каждый свободный момент рунам, колдовским знакам и воскурениям, и не имел времени вернуться к какой-либо серьезной работе над своим романом.

Затем сидящий Джеральд с почти печальной улыбкой посмотрел на своего двойника.

– Так это было, – сказал сидящий Джеральд, – очень давно, в Эше, когда два Гуврича стояли лицом к лицу и ожесточенно боролись за контроль над физическим телом Гуврича Пердигонского. Все, что я потерял в тот день, в результате моей сверхчеловеческой привязанности к Двум Истинам, я возвращаю теперь, спустя пятьсот лет приятного времяпрепровождения в стране Дэрсам. И я застаю это мое второе физическое тело за сочинением еще более приятной чепухи не о ком ином, как об этом вечном Мануэле Пуактесмском! Я нахожу это тело очарованным фиговым листком любовной истории!

– Я, может быть, не понимаю вашего сравнения, – сказал стоящий Джеральд, – но в Соединенных Штатах Америки фиговый листок является, скорее, прекрасным символом благопристойности, которая,

разумеется, есть альфа и омега демократической морали.

– Несмотря ни на что и благодаря всему этому, – ответило в тот момент одержимое демоном тело Джеральда Масгрэйва, – фиговый листок – это любовная история, при помощи которой человеческий оптимизм прикрывает те две вечные, неизменные и весьма неприглядные истины, в которых только и может быть уверена любая наука.

– Вот теперь я понимаю! И хотя я и не согласен с вами полностью, я не могу отрицать, что в вашей метафоре что-то есть. Однако, должен сказать вам, сэр, что я, возможно, особо уполномочен иметь дело с Дон Мануэлем по той причине, что сей знаменитый герой был моим прямым предком.

– О, ну разумеется, мой бедный Джеральд, он был им!

– Да, как по линии Масгрэйвов, так и по линии Аллонбай. Ведь отцом моей матери был Джеральд Аллонбай...

И Джеральд приготовился пуститься в подробное объяснение связей, которыми семья Масгрэйвов справедливо гордилась. Но невосприимчивый Силан, облаченный в данный момент в добрую плоть и кровь Масгрэйвов, из всех мыслимых замечаний сделал следующее:

– Я вам искренне соболезную. Ведь предков нельзя подбирать, как землянику. А моя участь была даже худшей, поскольку я принадлежал к содружеству Мануэля. Я знал самого этого долговязого щеголя в течение всей его непутевой жизни. И я могу вас заверить, что, помимо его сверхчеловеческого таланта держать рот на замке, в этом косоглазом седом обманщике не было ничего замечательного.

Эти известия были удивительны. Однако Джеральд понимал, что демон, в порядке вещей, встречал многих людей при обстоятельствах, в которых лучшая сторона их натуры была не на переднем плане. Поэтому Джеральд стал защищать честь своего рода весьма учтиво.

– Мой предок, во всяком случае, пережил свое жульничество. Он умер в доброй славе у своих близких. А так, вы можете заметить, обычно и бывает с гражданами Соединенных Штатов Америки. И я, в свою очередь, уверяю вас, что мой отчет о великих подвигах Мануэля станет, по завершении, исключительно прекрасным романом. Это будет повесть, которой нет равных в Америке. В каждой странице ее кроется очарование, озаряемое неугасающим блеском остроумия. Сквозь освежающий поток эпиграмм под зонтом изысканного стиля маршируют потрясающие и оригинальные мысли, в то время как неиссякаемая фантазия скачет легким галопом по самым возвышенным областям любовной истории. В самом деле, это повесть, которая, как вы можете убедиться, захватывает читателя. Невозможно представить себе читателя, который не увлекся бы мгновенно моим изысканным описанием смелости и геройских достоинств Дона Мануэля...

– Однако, – сказал Силан с притворной учтивостью, – Мануэль был вечно простужен. Никто не может искренне восхищаться пожилым господином, который постоянно чихает и харкает.

– В достойных уважения образцах американской литературы ни одно человеческое существо не имеет выделительных функций. Если бы вы поразмыслили над этим утверждением, вы бы пришли к выводу, что это единственный подлинный критерий утонченности. На эту сторону порнографии могут пролиться, самое большее, несколько слезинок или одна-две капельки пота. Таковое правило в особенной степени применимо к любовным историям, по соображениям, в которые нам едва ли следует вдаваться. А мой роман, разумеется, является историей любви Дона Мануэля к прекрасной Ниафер, дочери Солдана Варвара.

– Ее отец был конюхом. У нее была кривая нога. Она не была красавицей. Ее лицо было плоским как блюдо, она была, несомненно, уродиной, не говоря уже о ее жажде всех переделывать и всем докучать своей респектабельностью.

– Вера, любовь и надежда суть три главные добродетели, – промолвил Джеральд с укором, – и, я полагаю, джентльмен должен выказывать все три, именно в такой последовательности, когда обсуждает происхождение, внешность или ножки любой дамы.

– И от нее дурно пахло. Казалось, с каждым месяцем от нее пахнет все хуже. Я не знаю почему, но я думаю, что графиня просто-напросто ненавидела купание.

– Мой дорогой друг! Сейчас я могу только отослать вас к сказанному мною выше правилу как к анатомии романа. Героиня, которая каждый месяц дурно пахнет... нет, честное слово, в этой идее я не нахожу ничего заманчивого. Я скорее бы обыграл иную и более привлекательную идею, чем мысль, настолько лишенную соблазнительности. Ибо рукопись, лежащая перед вами, это не показание под присягой, но роман. Это такой роман, который не имеет аналога в Америке. Поэтому я полагаю, что проявляю большое великодушие, предоставляя вам эти, ровным счетом, девяносто три страницы и позволяя вам дополнить сей роман и получить доверенность на написание его целиком. Да! Ваш портрет будет в газетах, и ученые профессора будут комментировать ваши любовные интрижки, а грядущим векам станут известны все подлости, которые вы когда-либо совершили.

На это Силан ответил:

– Без сомнения, я доведу до конца вашу галиматью, поскольку все ваши функции теперь перешли ко мне. Я закончу ее, если только мой здравый смысл, опыт пяти столетий жизни среди самых очаровательных снов Божества и, что самое главное, полученная мною из первых рук информация об этих людях не воспрепятствуют моей задаче приписывать человеческим существам великие добродетели.

– Я завидую вашей задаче, – промолвил Джеральд глубокомысленно, – но подобно тому, как моему знаменитому предку было предназначено судьбой составить величину в этом мире, так и я ощущаю точно такое же побуждение в себе. Мне суждено достигнуть совершенства в моем искусстве, а чтобы совершить это, я должен произнести величайшие и наилучшие слова Магистра Филологии.

С этими словами Джеральд вышел из комнаты через ход, о существовании которого он не знал до этого вечера.

Глава 4

Дьявол в Библиотеке

И все-таки Джеральд оглянулся на мгновение на несчастного дьявола в облике степенного рыжеволосого юноши, который остался в библиотеке. Сейчас этот Джеральд Масгрэйв выглядел как чудаковатый знакомый, в котором Джеральд не был, в конечном счете, глубоко заинтересован.

Ибо сей Джеральд Масгрэйв, который остался в библиотеке, был и в самом деле смешон почти что во всех отношениях. В том Джеральде, который сейчас – пожалуй, не без благородства – предпочел скорее отдать свою жизнь, чем нарушить кодекс чести джентльмена, и который сейчас покидал Личфилд, чтобы стать квалифицированным чародеем, не было ничего смешного. Этот Джеральд был достойным и интеллигентным человеком, преследующим возвышенную и разумную цель.

Но та часть Джеральда Масгрэйва, что осталась позади, та его часть, которая уже выстраивала все большее множество слов, дабы произнести еще более помпезную надгробную речь о подвигах Дона Мануэля из Пуактесма, казалась смешной. Для этого рыжего паренька не было, за единственным исключением, никакой веской побудительной причины марать чернилами чистую бумагу, когда он мог бы в тот самый момент уютно выпивать за обедом у Вартрея, либо получать приятное возбуждение от капризов фортуны в казино Дорна, либо развлекаться в веселой компании в четырех спальнях.

Но вместо этого он сидел в одиночестве, окруженный вздымавшимися со всех сторон пыльными книжными полками – весьма приземистыми книжными шкафами, на верхушках которых громоздилась милая сердцу орда фарфоровых и бронзовых статуэток, изображающих ту или иную зверушку, птицу или рептилию. Посреди блестящих игрушек, которые сами по себе свидетельствовали о его ребячестве, паренек по своей собственной воле сидел столь одиноко. И его ужимки, бесспорно, были комичны. Он нервно поеживался. Он ерзал на стуле. Он грозно склонялся, словно охваченный внезапным приступом ярости, над лежащей перед ним бумагой. Он запрокидывал голову, чтобы пристально уставиться на белую китайскую курочку. Он теребил мочку левого уха, а затем неистово ковырял в ухе мизинцем.

В промежутках между этими физическими упражнениями он, столь ненадежным образом расположившийся на поверхности непредсказуемо раскачивавшейся в пространстве планеты, своей

сильно обкусанной черной ручкой делал на лежащей перед ним бумаге маленькие царапинки, большую часть которых он тотчас же замарывал другими царапинками, все это время сохраняя выражение человека, занимающегося каким-то умным и действительно важным делом. Зрелище было странным и невыразимо безумным, поскольку, как всегда, для постороннего наблюдателя движения творческого письма являли тот налет гротеска, который накладывается на всякую разновидность процесса порождения.

Но важнее было то, что Джеральду было искренне жаль наследника физического тела Джеральда Масгрэйва. Ибо Джеральд, расставаясь с жизнью из уважения к кодексу чести джентльмена, испытывал облегчение гораздо большее, чем он мог позволить Силану заподозрить. И бедный дьявол, который столь неосмотрительно взял себе эту жизнь, мог – каким бы острым ни был его дьявольский ум, – он тоже мог, в конце концов, думать Джеральд, оказаться бессильным против этой безрассудной Эвелин Таунсенд и еще более неблагоприятного джентльменского кодекса.

Никто, бежала вперед мысль Джеральда сейчас, когда он нашел себе великолепную идею для игры, ни один человек, который не был замешан в опасную любовную интригу в Личфилде, не смог бы вполне понять безнадежность положения несчастного дьявола. В куртуазном Личфилде 1805 года прелюбодеяние было обставлено неизбежным этикетом. Подробности ваших взаимоотношений с женщиной в маленьком городке были общественным достоянием, известным каждому, но ни один житель Личфилда никогда бы не признал формально, что таковые отношения существуют. Взгляды могли встречаться с совершенным взаимопониманием, но с породистых губ ни одного южного джентльмена или благородной женщины никогда бы не сорвалось ничто большее, чем мягкое и безмятежное «Эвелин и Джеральд всегда были такими хорошими друзьями». Начнем с того, что вы троюродные брат и сестра: а в Личфилде (где, как и везде в этом человеческом мире, большинство людей искренне недолгоблюдали, принижали своих кузин и кузенов и старались держаться от них подальше) такое родство считалось естественной причиной для вас обоих проводить много времени вместе. Более того, всякая женщина в Личфилде, по другому весьма распространенному общественному соглашению, считалась прекрасной, образованной и целомудренной. Это предположение не требовало доказательств: для всех землевладельцев-южан это была просто аксиома в обширном кодексе благородства.

Отсюда следовало, что как только вы однажды оказывались вовлечены в любовную связь, вашим единственным спасением становилась надежда, что ваша партнерша по беззаконию охладит к вам и перестанет настаивать на том факте, что она вам доверилась и отдала вам все. Это, разумеется, по предписаниям южного рыцарства, оставалось в любом случае ее привилегией, но в данном случае неосмотрительная женщина продолжала испытывать к Джеральду все более и более нежные чувства и повторяла ужасные слова все чаще и чаще... И оставалось также привилегией формально оскорбленного мужа затеять с вами ссору, с тем единственным условием, чтобы в перечне поводов для таковой ссоры ни при каких обстоятельствах не упоминалось имя его жены. Затем, опять же по установленным правилам личфилдского этикета, должна была состояться дуэль. После дуэли вы либо оказывались прискорбным образом мертвы, либо, в противном случае, если бы вы остались гораздо более несчастным победителем, вы были бы обречены, просто в силу всеобщего молчаливого убеждения в том, что джентльмен не может поступить иначе, жениться на вдове. Поступить так было, в широком смысле, вашим общественным долгом, возмещением ущерба, который вы причинили репутации дамы тем, к чему она, довольно-таки странным образом, по единодушному мнению была совершенно непричастна. Ибо никогда, при любом исходе, нельзя было допустить, чтобы случилось что-либо «неправильное» – и ни малейшего намека на саму возможность совершения дамой прелюбодеяния не должно было содержаться в каком бы то ни было высказывании или поступке благородного личфилдского помещика.

Между тем вы оказывались в ловушке. Не оставалось никакого способа избежать этого проклятого «О! Я доверилась тебе! Я отдала тебе все!» У вас даже не было привилегии избегать женщины. Считалось по-человечески невозможным, чтобы вас утомляло, а временами безумно раздражало общество прекрасной, образованной и целомудренной дамы, которая удостоила вас своей дружбы. Напротив, вас повсюду преследовала молчаливая, но огромная сила всеобщего убеждения, что ваш долг перед ней никогда не сможет быть полностью уплачен. Плачевная, и иногда также довольно милая, неспособность любящей женщины держать руки прочь от вас сознательно не замечалась. Поэтому ваша кузина Эвелин прилюдно лапала вас, хозяйки, улыбаясь, сводили вас вместе, другие мужчины при вашем появлении

любезно оставляли вас наедине. Муж ее не был исключением: Фрэнк Таунсэнд также добродушно допускал (вопреки всяческому благоразумию, которое мог бы частным образом сохранить мужчина) как аксиому, что «Эвелин и Джеральд всегда были такими хорошими друзьями».

Разумеется, Джеральд отдавал себе отчет в том, что в высших кругах лучших южных семей это был исключительный случай. Снова и снова Джеральд начинал завидовать десяткам других молодых людей Личфилда, которые поддерживали свои внебрачные связи с большей удачей. Ведь дамы либо уставали от них, либо оказывались своевременно поражены приступом раскаяния, и эти веселые парни с легким сердцем переходили в объятия других в формальном отношении прекрасных, образованных и целомудренных подруг. Но Эвелин проявляла упорство, которое угрожало быть вечным: Эвелин не охладевала к Джеральду; она лапала его; она совала ему в руку записки; она почти каждый день произносила свои невыносимые обвинения, нарушая его спокойствие и комфорт, а он со всей горячностью проклинал свое роковое обаяние, которое держало его в столь отчаянном одиночестве.

В одиночестве, потому что ни убогие удобства откровенности, ни даже какие-либо поиски сочувствия не были вам дозволены. Благородный человек не может целоваться и рассказывать об этом; более того, он не может даже сказать, что поцелуи стали адским мучением. Ни братья, ни сестры ваши (даже когда ваша праздность и полная никчемность вынуждают Агату с хныканьем цитировать Новый Завет или заставляют ее со скрипом мельничного колеса бормотать зловещие пророчества) никогда бы не обвинили вас открытым текстом в том, что вы и кузина Эвелин состояли в недозволенной близости. И ни один из ваших родственников никогда бы не стал даже рассматривать возможность, что вы сами, в свою очередь, можете открыто говорить об этом или каким-либо иным образом нарушить нормы поведения, установленные для всякого джентльмена безумным и величественным кодексом Личфилда.

Ибо он был, все-таки, по своему величествен, тот кодекс, по которому эти болваны Масгрэйвы (которые делили с вами кровь, текущую в ваших жилах, но не разделяли ни одной мысли в вашей на удивление умной голове) совместно со всем остальным храбрым и глупым Личфилдом жили день за днем и уносили добродушное, ничем не омраченное самоуважение с собой в могилу. Этот кодекс не обходил стороной, насколько мог судить Джеральд, ни одной разновидности проступка или преступления, но он показывал вам каким образом, с подобающими и наиболее изящными жестами, по возникновении надобности совершить любое из них способом, предписанным для благородного южного джентльмена. Да, на самом деле, Джеральд понимал, что кодекс этот был довольно красивой идеей, чтобы с ней «поиграть». Быть джентльменом – это прекрасно, но в конце концов это всегда оказывалось фатально по той простой причине, что ни одна дама джентльменом не является.

Однако теперь именно бедный дьявол в библиотеке становился вовлеченным в опасную задачу поддержания внебрачных любовных отношений в Личфилде по законам благородных людей. Именно ему на ухо все еще очень милая, но чертовски навязчивая Эвелин будет каждый день снова и снова повторять, что она доверилась ему и отдала ему все. А сам Джеральд, который изящно предпочел отказаться от жизни, нежели нарушить этот ужасный джентльменский кодекс, был сейчас, безусловно, больше занят тем, чтобы стать квалифицированным волшебником.

Никогда не будет он снова сидеть и писать, окруженный книжными полками и погруженный в себя, потирая лоб или подбородок, почесывая голову или ковыряясь в ухе мизинцем, либо переваливаясь с одной ягодицы на другую, в многообразных попытках как-нибудь ускорить ход застопорившейся мысли. Он больше не застынет неподвижно, подперев подбородок (как правило, неприятно влажной) ладонью, устремив бессмысленный взгляд на ту или иную из фарфоровых либо бронзовых игрушек, которые он, как идиот, собирал, чтобы оживить вид своих книжных полок. Все эти нелепые упражнения, выполняемые последние несколько минут физическим телом Джеральда Масгрэйва, как мог видеть стоящий в отдалении Джеральд, явно не составляли заманчивого и здорового способа проводить вечер в этой несколько душной комнате.

Нет, теперь он навеки благополучно покончил со всей этой проклятой гимнастикой. Отныне только физическому телу Джеральда предстояло корчить эти дурацкие гримасы писательства перед сообразно безумной аудиторией маленьких слоников и собачек, попугайчиков и курочек, в этом совершенно милом юношеском устремлении окончить роман о Доне Мануэле Пуактесмском... Да, оставалось лишь пожелать бедному дьяволу получить радость от своего бремени! И более не имело никакого значения, что все,

принадлежавшее Джеральду Масгрэйву, было довольно смешным. Так решил Джеральд, отворачиваясь и удаляясь от этой рыжей головы, склонившейся над беспрестанно скрипящим пером.

Часть II

Книга молнии

Дареному коню в зубы не смотрят

Глава 5

Крещение Жеребца

Джеральд спустился на девятнадцать ступенек вниз, и в полумраке обнаружил стоящего в ожидании рядом с оседланным конем еще одного молодого человека, с волосами такими же рыжими, как и у самого Джеральда Масгрэйва.

– Для того, чтобы ты мог быстрее свершать свое странствие к предназначенной тебе цели по дороге, где любят разгуливать женщины, – начал незнакомец, – я раздобыл для тебя коня.

Говорящий не был незнакомцем в полном смысле слова. Изучая магию, Джеральд уже имел дело с рыжеволосым Горвендилом – Лордом Предместий Антана.

И Джеральд сказал с благодарностью:

– Как это мило с твоей стороны. Даже если это просто дань уважения коллеге по искусству, это все равно весьма любезно.

– Любезности между коллегами по искусству обычно бывают обоюдоострыми, – отпарировал Горвендил, – а об эту можно порезаться глубже, чем ты можешь предвидеть.

– Однако же ты привел мне этого огромного сияющего коня, который не может быть не кем иным, кроме как самим Пегасом...

– Является или нет этот божественный скакун тем самым Пегасом, который уносит романтиков прямо к последней цели их мечтаний, зависит от всадника. Пророчество, однако, гласит, что Искупитель Антана и монарх, который воцарится в стране за пределами добра и зла после свержения Магистра Филолога, приедет верхом на серебристом жеребце, имя коего не Пегас, а Калки.

– Ага! – воскликнул Джеральд; он на мгновение задумался над тем, каким удивительным образом обернулось дело. Воцарение в Антане определенно не входило в его скромные планы, но он сразу же понял, насколько более подобающим было бы, и как лучше подходило к его настоящим заслугам – въехать в Антан, не встречая сопротивления, в качестве его бесспорного наследника, на серебристом жеребце, воспетом в древних пророчествах, нежели в качестве просителя, умоляющего подать ему несколько слов.

– Все образованные люди, – сказал Джеральд, – должны уважать пророчества. Вот только действительно ли этого коня зовут Калки? Потому что, видишь ли, Горвендил, это, кажется, самая суть пророчества.

Горвендил ответил весьма парадоксально:

– Является или нет этот божественный скакун тем самым Пегасом, который уносит романтиков прямо к последней цели их мечтаний, зависит от всадника.

Джеральд решил, что понял изречение, улыбнулся и заметил:

– Ага! Теперь я тебя понимаю. Всадник и владелец любого коня, естественно, в праве назвать животное как ему угодно. Ну что же, прекрасно! Я назову этого коня Калки. Да, Горвендил, по зрелом размышлении, я принимаю трон Антана, несмотря на мои личные предпочтения и всю мою неприязнь к тщеславию и хвастовству, только ради того, чтобы пророчество исполнилось, ибо для пророчеств это всегда хорошо.

– Раз ты так решил, Джеральд, то после того как ты принесешь присягу, тебе остается только без

промедления сесть на коня. И божественный скакун понесет тебя не по обычной дороге, но – так как он божественный – по дороге, которой шествуют в Антан боги и мифические существа.

– Разумеется, мне подобает путешествовать по дороге, предназначенной для высших классов. Тем не менее, я полагаю, это была бы прекрасная идея...

– Тем не менее, также, – сказал Горвендил, – в то время как ты разглагольствуешь здесь о прекрасных идеях, надо еще принести присягу; и более того, сейчас, на первой стоянке в Дунхэме тебя с нетерпением ожидает принцесса. Можно без преувеличения сказать, что она жаждет встречи с тобой.

– Однако же ты говоришь мне все более приятные вещи! – заметил Джеральд. – Теперь, когда я принял обязанности монарха и ответственность за все величайшие и наилучшие слова Магистра Филолога, мне – тому, кто фактически является царствующей особой – совершенно не подобает игнорировать принцессу. Между монаршими домами существуют дружеские отношения, которые необходимо поддерживать. Ужасные войны вспыхивали из-за того, что о таких дружеских отношениях забывали. Итак, веди меня вперед к этой нетерпеливой принцессе, но сначала назови мне обожаемое имя ее высочества!

Горвендил ответил:

– Принцесса, которая ожидает тебя сейчас – это Эвашерах, правительница первой водной стоянки Дунхэма.

– Я признаю, что сведения, которыми я обладаю сейчас, очень мало о чем говорят мне. Тем не менее, веди меня к водной стоянке этой принцессы!

– Однако, я повторяю, для тебя было бы благоразумнее, прежде чем покинуть это место, принести присягу его правителю.

– Но, Горвендил, название этой тропической, влажной и столь необычно пахнущей местности несомненно лучше известно тебе, чем, каюсь, мне.

– Это место никак не называется на человеческом языке. Это область Колеос Колерос.

Услышав имя, Джеральд склонил голову и, так как он изучал магию, сделал соответствующий знак.

И Джеральд сказал:

– Ужасно имя Колеос Колерос! И даже если бы я не был прихожанином Протестантской Епископальной Церкви, я не принес бы присяги Колеос Колерос. И я, определенно, не стану задерживаться здесь, чтобы принести какую-либо клятву, когда меня ожидает принцесса! Более того, я намереваюсь поспешно проехать через эту страну болот и кустарника и покинуть эти несколько негигиенично пахнущие места, где, полагаю я, обитают некоторые заблудшие особы.

Ибо эти два молодых человека не были одни в сей сомнительной долине. Сквозь сумерки Джеральд мог разглядеть, как множество женщин крадучись пробирались к темной лавровой роще, а из рощи доносилась странная музыка.

И тогда Горвендил повел речь об этих женщинах.

Глава 6

Эвадна – царица сумерек

Акомпанементом к рассказу Горвендила служила странная музыка, доносившаяся издалека, и Джеральд был обеспокоен. Он был так близок к тому, чтобы начать тревожиться, как вообще когда-либо себе позволял. Ибо Джеральд на самом деле не любил какого бы то ни было беспокойства и прямо говорил, что находит его неподобающим.

– Но они, – снова и снова повторял Джеральд, – все они, мой милый друг, как я полагал, давным-давно вымерли.

– Ты странствуешь, Джеральд, по пути великих мифов. Такие мифические существа быстро не

исчезают. И кроме того, в окрестностях Антана ничто не истинно. Все есть подобие и эхо, и благодаря этой видимости люди познают неправду, которая делает их свободными. Следовательно, по моему разумению, эти женщины являются флейтистками Колеос Колерос. Ныне они, вечно неудовлетворенные, служат ненасытной, косматой и вечно вожделеющей богине, которая не может вкусить наслаждения, пока не прольется кровь.

– Да, я читал, – вставил Джеральд с видом человека, который не хочет выставлять напоказ свою ученость, – что эта Колеос Колерос – та самая противоречивая богиня, которая с большим или меньшим постоянством выказывает свою похотливость и изощренность...

– Да! Но эта Колеос Колерос – богиня очень могущественная! – продолжал Горвендил. – С виду она морщинистая и жирная, но даже самые стойкие герои не в силах противостоять ее обаянию. Младенцы гибнут в ночи в ее мрачных подземельях, мор и чума обитают там...

Но Джеральд снова прервал его:

– Однако, я слышал также, что эта наискромнейшая богиня вечно жаждет остудить пыл своих поклонников и что – если уж добродетель как таковая заслуживает похвалы – в своей битве со всеми мужчинами, которые осмеливаются ей противостоять, она великодушно принимает и с любовью обнимает именно того соперника, который наиболее часто и с наибольшим рвением на нее нападает.

И тут Горвендил вытянул руку. Он прикоснулся кончиком указательного пальца к кончику большого и сказал: – Она – как Луна, меняет свой облик. К тому же это маленькое божественное чудовище является подателем жизни и хранителем всяческого счастья. Она околдовывает вопреки разуму. И где бы она ни появилась, в окружении своих распаленных, огненных и ужасных жриц, мужчина волей-неволей делит с ней ложе.

– Ага! – сказал Джеральд, и поскольку он изучал манию, он снова сотворил соответствующий знак:

– Ага! Похоже, эта Колеос Колерос – весьма могущественное божество!

– Так вот, – продолжал Горвендил, – все здешние служительницы этой капризной богини – милый и необычайно счастливый народ. Их любвеобилие, не отравляемое здесь назойливым порицанием, никогда не имеет нужды опасаться ни наказаний закона людского, ни проклятий какой-либо религии в укромных чашах и низменностях влажной страны Колеос Колерос. Но посмотри-ка: эти сказочные существа, что играют сейчас на флейтах внутри и вокруг святилища морщинистого божества и которые за много веков изощрились во всех родах наслаждения, мало-помалу начинают волноваться...

– О каком волнении ты говоришь, Горвендил? Ибо мне кажется, что ты имеешь в виду, скорее, возбуждение... А меня гораздо более интересует эта принцесса...

– Я имею в виду, что их религия, которая ставит наслаждение превыше всего, не позволяет ни одному мужчине пройти мимо неудовлетворенным. В соответствии со своими религиозными убеждениями, они посвящают свою жизнь усердному познанию всех присущих женщине чар, и в особенности того, как эти чары применяются на практике...

– Проще говоря, они занимаются духовными упражнениями, сэр, ибо я вполне понимаю вас.

– Отсюда следует, что вкус этих женщин становился все тоньше. В силу осознания своего женского очарования и в результате тщательного и ревностного сопоставления собственной привлекательности с прелестями своих соперниц на службе у морщинистого божества, они стали знатоками присущих своему полу достоинств. Они достигли такой утонченности вкуса...

– Достигнуть утонченности – это весьма похвально. Ах, мой милый друг, если бы ты знал, какие удручающие образчики безвкусицы мы, короли, постоянно наблюдаем у наших сикофантов! И я припоминаю, ты что-то говорил о принцессе...

– Они научились презирать суетливое, грубое и – между нами – очень часто весьма разочаровывающее поведение мужчин в постели...

– Ах, ну да, конечно же! – сказал Джеральд. – Мужчины – это неудачный выбор. Но мы говорили о принцессе.

– И они любовно изобрели гораздо более забавные и изощренные развлечения, не требующие грубой мужской помощи. Также они с восторгом играют с различными дрессированными животными: с козлами, крупными псами, ослами и – как они мне рассказывали – с баранами и быками. Так что удивительные и загадочные страсти, которые полыхают в сердцах этих флейтисток, весьма изысканны и жестоки.

На это Джеральд заметил, что ласковое отношение к бессловесным животным в Соединенных Штатах Америки всегда считалось наилучшей чертой человеческой натуры. Но принимая во внимание тот факт, отметил Джеральд, что во всех областях этой просвещенной и гостеприимной республики принцесса...

– Однако, – продолжал Горвендил, – эти ученые женщины в своей погоне за чувственным наслаждением не забывают о своем религиозном долге – не дать ни одному мужчине уйти неудовлетворенным. Ступай же к ним, и тебя примут с распростертыми объятьями. Там, в этот самый момент, готовится религиозное празднество. Там ждет тебя сладкоголосая Левкозия, в этих краях именуемая Эвадной.

– Но я не имею чести знать эту Эвадну.

– Ее легко узнать по фиолетовым волосам и острым зубам. Более того, Джеральд, ее мудрые сестры – Телес и Парфенопа, Радна, Лигейя и Мольпе – все они восторженно приветствуют тебя. Они не утаят от тебя ни одного из своих благочестивых обрядов. Они трепетно поделятся с тобой своими эзотерическими утехами. Они закружат тебя в своем хороводе в самом «святая святых» капища Колеос Колерос.

– Но послушай, любезный друг мой! Я напрочь лишен музыкальных способностей. В любом хоре мое присутствие совершенно неуместно.

– Но эти флейтистки чрезвычайно находчивы. Они подыщут для тебя какой-нибудь подходящий инструмент. И на этом празднестве оживут причудливые гармонии, и будет раздаваться дружелюбный смех: все пирующие станут совершать обильные возлияния, а кубки будут наполняться и осушаться до самого рассвета. Тебе будут предложены благовония и венки из роз, самые утонченные вина и изысканные блюда, а также всевозможные деликатесы. *Piece de resistance* будет приготовлено для тебя девятнадцатью различными способами. Необходимая присяга Колеос Колерос будет принесена.

– Тем не менее, – сказал Джеральд, – мне не дает покоя одна фраза...

– Та тенистая лавровая роща служит залом для благочестивого пира. На этом празднестве ты ни в чем не будешь испытывать недостатка, если отнесешься к нему с должным благоговением; и ты откроешь в себе возможности, которые удивят тебя.

– Да прекрати же, наконец, Горвендил! Да, у меня полный набор мужских способностей; у меня этих способностей на двоих хватит. Тем не менее, существует патристическое изречение, которое не дает мне покоя, и это изречение гласит: «*E pluribus unum*». Ибо у меня есть убеждения, Горвендил, которые звучат как вольный перевод этой фразы, а именно: «Из многих – одна».

– Это изречение кажется мне вполне безобидным, даже в твоём переложении. Гораздо больше вреда будет, если эти ученые дамы попытаются стащить тебя с божественного скакуна, чтобы присовокупить его к своему зверинцу.

– О да, да, конечно! – воскликнул Джеральд. – Но ведь это бессмыслица! Всадник верхом на Калки и никто другой должен исполнить это почтенное древнее пророчество, и чего стоит женская лесть, когда такое прекрасное королевство, как у меня, поставлено на кон против обычного поцелуя или, может быть, нескольких слезинок!

– Это мы в свое время увидим. Я могу только повторить, что если ты не принесешь мужскую присягу правительнице этого места, то оскорбленное божество, без сомнения, отомстит за себя.

– Сэр, – отвечал на это Джеральд с достоинством, – я, как и мои предки, являюсь прихожанином Протестантской Епископальной Церкви. Мыслимо ли, чтобы человек, исповедующий таковые убеждения, поклонился божеству темного язычества? Ответьте мне только на этот вопрос!

– В Личфилде, – парировал Горвендил, – следовать вере отцов считается благопристойным. В этих краях так же, как и в любом другом месте, благопристойность поневоле является религией любого мудрого

человека. В противном случае ты поступил бы вопреки тому, чего ожидают от потомков Мануэля и Юргена, и у тебя всегда будет причина пожалеть об этом.

Но Джеральд думал о своей религии, и о ее милых обычаях вроде органной музыки и днях святых, о широте взглядов, о восхитительных епископах в облачениях с длинными рукавами и о величественных ритуалах. Он размышлял о свежeweымытых мальчиках из церковного хора и о чудесных, переполняющих уста речениях из его молитвенника, о молебнах и постных днях и о Троицыном Дне. Он думал о кафедрах и молитвенных подушечках, о витражах и пономарях, и о Тридцати Девяти статьях, и о непредсказуемой величественной математике, которая всякий раз в начале весны в сотрудничестве с молодой луной дарила ему Пасху, и от этих вещей Джеральд не мог отречься.

И он сказал:

– Нет. Нет, Горвендил! Я не принесу присягу морщинистой богине.

– Это решение дорого тебе обойдется.

– Ну и пусть! – гордо подняв голову, ответил Джеральд. – Ибо добрый христианин не усматривает в раздражительности никакой языческой богини ничего такого, отчего могли побледнеть его щеки, и что могло бы вызвать трепет в его сердце.

Но все это время он нежно вглядывался в темноту.

– Впрочем, я признаю, – сказал Джеральд, пожав плечами, – что как бы ни была тверда моя вера, и даже при том, что меня ожидает принцесса, я испытываю соблазн. Ибо вон та флейтистка, которая все еще медлит присоединиться к своим подругам – которые сейчас, несомненно, уже начинают свои игрища друг с другом и со своими зверушками, – обладает известным обаянием. Да, у нее есть обаяние, которое придает моим мыслям, как бы сказать, эдакое религиозное направление и создает впечатление, что познакомиться с ней – довольно неплохая идея. Прискорбно, конечно, что ее ноги покрыты перьями. Но при этом, в своем досужем уединении, она являет, как можешь заметить и ты, избыток той наиболее заманчивой красоты, благодаря которой Афродита некогда заслужила эпитет «Каллипиги». С какой – то благочестивой радостью созерцаю я изгибы плеч, белизну и чистоту кожи и грациозность сих великолепных очертаний, которые, не имея ни избытка, ни недостатка, обретают свое завершение в этих прекрасных лунах-близнецах...

Немного помедлив, Джеральд сказал:

– Однако есть что-то смутно знакомое, нечто вызывающее у меня легкий озноб...

Затем Джеральд подумал и продолжил:

– Или, скорее всего, в то время как она неспешно удаляется от нас, их колебания, их прелестное подрагивание, их колыхание, подергивание, когда они нежно пульсируют, как будто покрываясь рябью, – скорее всего эти чарующие движения серебристо-лунных округлостей напоминают моему затуманенному взору беспорядочные улыбки озаренной солнцем поверхности моря, которые, как ты, конечно, помнишь, Горвендил, так прекрасно живописал старик Эсхил. Полагаю, я мог бы сочинить недурной сонет, посвященный этой самой прекрасной из всех задниц. Нет ничего более поэтического, чем зад обнаженной женщины, которая удаляется от тебя. Его движения пробуждают все томления элегического стиха... И я не сомневаюсь, сэр, что спереди эта дамочка с оперенными ножками не менее очаровательна, чем сзади. Да, я могу представить себе, что фасад обладает своими собственными, особенными достоинствами, и я, одним словом, признаю, что мне хотелось бы встретиться с ней лицом к лицу...

Горвендил взглянул на единственную женщину, которая все еще оставалась в пределах досягаемости.

– Это Эвадна, которую в дни ее морских странствий звали Левкозией. И совершенно очевидно, что она ожидает, когда страсть разгорится и возвысит тебя до удовольствий более практичных, чем вся эта болтовня.

– Она ожидает напрасно, – ответил Джеральд. – С такого расстояния это представляется весьма заманчивой идеей, но если подойти поближе, то она окажется всего лишь еще одной раздетой женщиной. Более того, сэр, я уважающий себя прихожанин Протестантской Епископальной Церкви, и помимо этого я теперь понимаю, что смутно угадываемые очертания этой женщины напоминают мне формы Эвелин

Таунсенд. Такое сходство способствует развитию всяческих добродетелей и заставляет остепениться. Я слишком хорошо знаю, что бывает, когда позволяешь женщине довериться тебе и отдать тебе все. И кроме того, я призван исполнять более почетные и ответственные обязанности в предназначенном для меня королевстве. И наконец, я уж лучше разочарую этих дамочек и буду любоваться ими с такого расстояния, на котором краска смущения на моем лице не будет заметна. Нет, Горвендил, нет! Меня все еще преследует это изречение – *E pluribus unum* – и я не собираюсь прямо сейчас принести присягу Колеос Колерос на виду у такого количества флейтисток. Кроме того, ты утверждаешь, что меня ожидает принцесса, перед которой я хотел бы предстать в качестве представителя другого королевского дома во всей полноте власти и способностей. Таким образом, я не предрасположен в данный момент участвовать в этих – с позволения сказать – несколько неамериканских методах религиозной практики. Напротив, я прошу тебя проводить меня к нетерпеливой принцессе, о которой ты продолжаешь твердить с таким упрямством, что, я полагаю, у меня нет ни малейшей надежды заставить тебя остановиться.

Вот так Джеральд начал свое путешествие с того, что нанес оскорбление Колеос Колерос.

Часть III

Книга Дунхэма

*Женский язычок семи дюймов в длину валит с ног мужчину
шести футов ростом*

Глава 7

Эвашерах – хозяйка первой водной стоянки

– Доброе утро, мадам, – начал Джеральд. Конь его был привязан к пальме, Горвендил ушел, и теперь можно было сосредоточиться на принцессе. – Чем могу служить?

Однако голос его дрожал, когда он стоял рядом с алебастровым ложем... Ибо Джеральд был восхищен. Принцесса Эвашерах была этим великолепным ранним майским утром так изумительно хороша, что превосходила всех женщин, которых он когда-либо видел. Лицо ее было правильной формы, повсюду подходящего цвета, и соответствующее количество волос украшало ее чело. В ее чертах невозможно было усмотреть ни малейшего недостатка. Цвета обоих глаз прекрасной молодой девушки замечательно сочетались, а ее нос располагался точно между ними. Под этим находился ее рот, и еще у нее была пара ушей. In fine – девушка была молода, у нее не было никаких уродств, и влюбленный взгляд молодого человека не мог обнаружить в ней никакого недостатка. Впрочем, она напоминала ему кого-то, кого он знал раньше...

Такие пламенные мысли проносились в голове у Джеральда, пока он произносил эту вежливую фразу: «Доброе утро, мадам. Чем могу служить?»

Но принцесса, со свойственной царственным особам стремительностью, не теряла времени на формальные условности, которые были более или менее обыкновенны в Личфилде. И хотя республиканское воспитание Джеральда было слишком очевидным, чтобы он мог правильно себя вести в монархических семействах, он был до глубины души поражен живостью и искренностью, с которой его здесь встретили. Невозможно было усомниться, что принцесса склонялась к тому, чтобы довериться ему и отдать ему все.

– Но, мадам, – сказал Джеральд, – вы меня неправильно поняли!

Теперь он догадался. Эта женщина была необычайно похожа на Эвелин Таунсенд.

Джеральд вздохнул. Весь пыл покинул его. И при помощи нескольких тщательно выбранных слов он поставил их отношения на более приличную основу.

Сейчас принцесса Эвашерах, та самая прекраснейшая Хозяйка Водного Пространства, лежала точно так же, как и когда Джеральд пришел к ней впервые, как раз после восхода солнца. Она лежала на алебастровом ложе, четыре ножки которого были сделаны из слоновьих бивней. На ложе было покрывало из зеленого атласа, расшитого красным золотом. На покрывале возлежала принцесса Эвашерах в короткой рубашке из шелка абрикосового цвета, а над всем этим нависал шафрановый балдахин, украшенный фиговыми листочками из жемчужин и изумрудов. Кроме того, ложе было покрыто тенью трех пальмовых деревьев, а стояло оно неподалеку от берега реки Дунхэм. И струящиеся потоки этой глубокой реки – как объяснила принцесса Эвашерах вскоре после того, как она и Джеральд достигли полного дружеского взаимопонимания без всякой там неамериканской чепухи – скрывали резиденцию принцессы, в которой они в настоящий момент завтракали.

– Но у меня, – сказал Джеральд немного удрученным тоном, – сейчас совсем нет аппетита.

– Это неважно, – ответила принцесса и рассмеялась безо всякой на то причины.

– А жить под водой, мадам, представляется беспрецедентной разновидностью царственной причуды.

– Ах, я должна поведать тебе, о, князь мира сего и самый упорный отвергатель всех, кто стремится соединиться с тобой, что очень давно, по причине детской влюбленности в одного молодого человека, имя которого я позабыла, я была в пламени низвержена из Дома Небожителей в воды этой реки. Ибо я нанесла оскорбление своему отцу (да святится имя его!), похитив шесть капель другой воды – влаги Океанической Пены.

– Ты имеешь в виду божественную амриту?

– О, сад радости моей и вершина мудрости, – заметила принцесса, – ты учен! Ты обладаешь знанием вещей небесных, ты пересек Девять Пространств. И я думаю, что ты, кто, отягощенный бременем неотзывчивости, странствует по этой дороге богов – тоже замаскированный бог.

– О нет, мадам. Просто каждый, кто занимается магией, подбирает какие-то крупницы сведений. Я – подлинный престолонаследник, и честно не могу сказать о себе ничего более этого. Ныне я держу путь в свое царство, но это, я совершенно уверен, не Царствие Небесное.

Принцессу было не переубедить.

– Нет, мой наставник и мой единственный идол, ты, несомненно, бог, равно совершенный как в красноречии, так и в любезности, соблазн для влюбленных, кажущийся земным раем для жаждущих. Во всяком случае, здесь, в силу крайнего моего уважения к твоим добродетелям и в обмен на эту твою огромную неуклюжую лошадь, в каждой черте которой сквозит ее полнейшая непригодность к соприкосновению с божественными ягодицами, здесь, в этом флаконе, еще остались пять капель...

Джеральд изучал маленькую бутылку с такой же недоверчивостью, с какой принцесса отнеслась к его заявлению, что он не бог.

– По мне, мадам, так это обыкновенная вода.

Она пролила одну каплю на кончик пальца и нарисовала у него на лбу треугольник мужского начала и треугольник женского начала, таким образом, что одна фигура накладывалась на другую, и призвала Монахиэля, Руах, Ахидеса и Дегалиэля. Всякий, кто изучал магию, смог бы признать в ее действиях любопытный, хотя и неканонический вариант Пентакля Венеры.

Затем принцесса Эвашерах весело рассмеялась. – Теперь, о друг мой сердечный, теперь, когда ты пообещал мне эту наипрезренную лошадь, я сорвала с тебя маску. Теперь я вижу, что ты, о мой повелитель, предсказанный в пророчестве Спаситель Антана.

– Довольно, мадам, я уже знаю...

– Короче, – сказала принцесса, – ты – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей, скрытый в человеческой плоти, человеческой забывчивости и в совершенно нечеловеческой холодности. Но вскоре сила амриты возвратит твоим мыслям неиссякаемую живость, и свора воспоминаний вот-вот загонит зайца твоей бесценной славы.

– Хорошо сказано, мадам. Сказано с прекрасным чувством стиля. И хочу также заметить, что, хотя лучшие стилисты обычно забывают об этом ингредиенте, сказанное не лишено смысла... Однако вы намекаете на мои рыжие волосы, но ведь заяц моей бесценной славы, о котором вы также упоминаете, это не волосы, а – если продолжить игру в метафоры – животное. Вкратце, вы утверждаете (по-восточному живописно), что я снова и снова буду припоминать нечто, о чем я позабыл. Но что это, мадам, что, как вы с такой уверенностью ожидаете, я вспомню?

– Мой князь, асте моего счастья, ты вспомнишь ту любовь, что была между нами в пору младенчества сего мира, когда ты не отвращал от меня вдохновляющих взглядов, исполненных нежной страсти. Ибо ты, о светловолосый, сияющий, без сомнения – Возлюбленный Небожителей. Я прекрасно помню тебя, твой вздернутый нос, твой выступающий подбородок и еще одну выдающуюся часть тела, чьи благородные пропорции приводили меня в глубочайший восторг, когда я гостила в твоей райской Дирге, и которая, думаю я, по-прежнему героически не знает поражений.

Джеральд мягко, но решительно взял ее за руку. Ему казалось, что настал подходящий момент.

Тогда прекрасная госпожа Водного Пространства, которая могла бы быть так восхитительна, если бы

только все более и более не напоминала Джеральду Эвелин Таунсенд, стала рассказывать о том, чего Джеральд и в самом деле не помнил.

Она говорила о высоком золотом доме Джеральда, в котором, казалось, эта принцесса доверилась Джеральду и отдала ему все. Она рассказывала также о непреодолимом человеколюбии, которое побудило Джеральда покинуть этот благородный дом среди безмятежных лотосовых прудов Вайкантхи, о девяти других случаях и о девяти его замечательных подвигах на пути искупления.

Она рассказывала о том, как Джеральд являлся людям, когда в своем настоящем героическом и элегантном облике, когда в виде отвратительного карлика, а в иных случаях – в образе черепахи, кабана, льва или огромной рыбы. Его вкус в одежде был столь же переменчив, сколь постоянной была его щедрость. Ибо многократно, говорила принцесса, проявлялось могущество Джеральда как Помощника и Хранителя, который спас несколько народов и одну-две династии богов от полного истребления демонами, коих Джеральд сам уничтожил. Именно Джеральд, как он узнал сейчас, таким же образом спас Землю от полного опустошения и неведения, когда, во время первого великого потопа Князь Третьей Истины, воплотившись в огромную рыбу, вынес из потопа семь брачных пар и четыре книги, в которых содержались сливки литературы Земли. А позднее, во время еще более страшного потопа, Джеральд взял Землю между своих клыков – это было, конечно же, когда он воплотился в кабана – и, плывя таким образом, уберечь оказавшуюся в опасности планету от заплесневения.

А еще Эвашерах рассказала о том, как в то время, когда Джеральд был черепахой, он создал первого слона, первую корову и первую совершенно привлекательную женщину. Тогда же, добавила она, он сотворил Луну, и гигантский алмаз Каустубха, и дерево, именуемое Парьята, которое производила все что пожелаешь, и именно тогда Светловолосый Ху, Возлюбленный Князь Третьей истины, изобрел опьянение. А всего, подвела итог Эвашерах, в то время Джеральд изобрел девятнадцать высочайших и бесценных благ, но она призналась, что не способна по памяти перечислить их все.

– Достаточно, вполне достаточно! – заверил ее Джеральд со всецело дружеским снисхождением, – а не то, мадам, мне придется составить каталог моих скромных добродетелей.

Но Джеральд, хотя и сказал это шутливым тоном, затрепетал от самодовольной гордости за свое прошлое. Разумеется, он не был на самом деле удивлен, поскольку сама логика подсказывала, что правитель Антана, естественно, должен быть божественной личностью с именно таким величественным прошлым. Быть богом казалось ему прекрасной идеей. Итак, он для начала спросил, что означает тот череп, там, на траве. Принцесса разъяснила, что это не ее череп, но один посетитель оставил его там примерно два месяца тому назад. Тогда Джеральд, согласившись с ней в том, что людям следовало бы повнимательней относиться к своей собственности, продолжил говорить о том, что действительно было у него на уме.

– Во всяком случае, мадам, – рискнул он, неуверенно покашливая, – между нами, кажется, были нежные отношения и до сего утра.

– Я поверила тебе! Я отдала тебе все! – воскликнула она с упреком. – А ты, податель божественных наслаждений, прекрасный сосуд души моей, забыл даже то, каким способом ты добился моего доверия. Ибо как скромность хрупкой женщины может устоять против грубой силы решительного мужчины!

– Нет, Эвелин, не сегодня – прошу прощения, мадам. Я не то хотел сказать. Я имел в виду, что на самом деле должен просить вас перестать... Напротив, моя милая леди, наша любовь незабываема. Я помню каждое ее мгновение, я помню даже тот сонет, который я сочинил для вас в день моего первого робкого признания в вечной любви.

– Ах, да, тот чудесный сонет! – ответила принцесса с беспокойством, которое испытывает любая нормальная женщина, когда мужчина начинает говорить о поэзии.

– А в доказательство я сейчас же прочту этот сонет, – сказал Джеральд. И прочел.

Однако голос его так дрожал от избытка чувств, что, закончив восьмистишие, Джеральд замолчал, так как был не в силах сопротивляться красоте возвышенной мысли, когда она столь адекватно выражена в безупречном стихе. Итак, мгновение он стоял в молчании.

Он взял мягкие и беспокойные руки принцессы Эвашерах, своей порывистой и находчивой леди, которая столь тревожным образом напоминала ему Эвелин Таунсенд, и прижал эти руки к своим дрожащим губам. Эта прелестная девушка, возвращенная ему почти что чудесным образом, казалось, несмотря на его почти забытое прошлое, намеревалась не просто еще раз довериться ему и отдать ему все. Она надеялась, как чувствовал Джеральд с той глубокой проницательностью, которая свойственна божественным существам, ввести его в заблуждение и причинить ему какой-то материальный ущерб. Что именно принцесса хотела у него выкланчить, было не совсем ясно. Несмотря ни на что, он чувствовал, что Эвашерах пытается так или иначе обмануть его. Возможно, что ни ее объяснение насчет того черепа, ни даже ее кажущиеся такими чистосердечными восторги по поводу его мудрости и приятной наружности не были полностью искренними. Ибо таковы женщины: они не всегда говорят то, что думают, даже когда беседуют с богом. Поэтому, решил Джеральд, богам приходится выполнять чрезмерно болезненные обязательства.

Затем он вздохнул и продолжил читать свой сонет тоном высокого самоотречения, смешанного с определенно справедливым одобрением действительно хорошей поэзии.

– Свет очей моих, это в самом деле прекрасный сонет, – заметила принцесса, когда он закончил, – я горжусь, что послужила для него источником вдохновения, и почти в той же степени я горжусь тем, что ты (благодаря превосходному изяществу и благосклонности кого мое сердце снова переполняется экстазом) так хорошо помнишь его даже столько тысячелетий спустя.

– Годы очень мало значат, мадам, для Светловолосого Ху, Князя Третьей Истины, Возлюбленного Небожителей, и столетия, вполне естественно, бессильны затмить всякие мои воспоминания, которые хоть сколько-нибудь связаны с вами. Хотя менее значительные события склонны покрываться туманом по мере того, как проходят века... Например, в промежутках между моими спасительными подвигами – по обычным будним дням – богом чего я был?

– Это, – ответила принцесса, – о мой повелитель и источник всяческих добродетелей, слишком глупый вопрос для тебя, кто, как известно, является Князем Третьей Истины.

– Ах да, конечно, Третьей Истины! Мои божественные интересы инвестированы в достоверность. Ну что ж, это великолепно. Однако, мадам, богов много, и это весьма прекрасная идея – наблюдать, как эти боги отличаются друг от друга, даже когда их профессиональные сферы совпадают. Так, Вулкан – бог одного огня, а Веста – богиня другого, но Агни, Фудо и Сатана правят еще иными огнями, каждый из которых совершенно особенный. Купидон и Люцина входят в одну и ту же дверь, но не одним и тем же путем. Эол повелевает двенадцатью ветрами, Тецкатлипока – четырьмя, а Крепитус – только одним ветром.

– Владыка моей жизни и добрый пастырь души моей, я знаю. Немногие боги остались чужды мне или моим объятьям. Многие Небожители искали моей любви, и я благочестиво соглашалась: книга моих религиозных увлечений написана моими поцелуями на множестве божественных щек.

– И я догадываюсь, что эта вода из Океанского Водоворота не предназначалась, в первую очередь, для моего дальнейшего апофеоза. Я имею в виду, мадам, что я не думаю, что вы взяли на себя труд похитить шесть капель амриты только для того, чтобы напомнить мне о моей божественности, о которой я, подавленный бременем других забот, каким-то образом позабыл?

– Владыка и единственный прообраз семи добродетелей, ты говоришь правду. Ибо пять остальных капель, как я пыталась тебе объяснить, когда ты снова стал перебивать меня, о возлюбленный моего сердца и радость очей моих, предназначались для пяти человеческих чувств молодого человека, от которого я тогда была без ума и которому я намеревалась подарить бессмертие и вечную молодость. Первую каплю – так как амрита сообщает бесконечную силу – я, разумеется, уже поместила. За это мой Отец (да святится имя его!) в приступе гнева поразил нас молнией и вышвырнул нас из Дома Небожителей в эту реку. Мой молодой человек утонул прежде, чем я успела сообщить ему какое-либо из благ, которые, как я очень опасаясь, твое физическое превосходство могут сейчас из меня вытянуть.

Джеральд ответил:

– Я и в самом деле думаю, что ты гораздо быстрее продвинулась бы со своей историей, если бы с

самого начала учитывала это. Положение, как видишь, более американское: в нем нет того прежнего духа свободы личности, о которой демократия придерживается не лучшего мнения.

– Светоч эпохи, слушаю и повинуюсь. Да станет вся моя история тебе известна...

– Да, твоя история интересует меня гораздо больше...

– Гораздо больше, чем что, о жестокий и прекрасный?

– Ну, гораздо больше, чем я могу выразить. Итак, давайте продолжим!

– Но моя печальная история теперь для твоего проницательного взгляда – как чистое стекло. Добавлю только, что бессмертная часть моего юноши была благополучным образом спасена из вод реки, и теперь ему как богу поклоняются в Литрейе. Но, увы, белка моих бедствий продолжала крутиться в колесе божественного гнева. Ибо мой Отец (да святится имя его!) ведет себя так нелепо всегда, когда малейший пустяк расстраивает его, что я была обречена в течение девяти тысяч лет исполнять определенные обязанности в водах сей реки в устрашающем обличье крокодила.

Услышав это заявление, Джеральд тут же сделал вывод.

– В чем заключались твои обязанности в качестве стража этих вод так же ясно, как и то, каким образом твои посетители оказывались столь беспечны, что забывали свои черепа. Это и в самом деле такая оплошность и неосмотрительность, что я не мог над этим не призадуматься. Однако я уверен, что формы, которые я созерцал и большую часть которых вижу и сейчас, не имеют ничего общего с очертаниями крокодила.

– Воплощение всяческого величия и высшая точка моего существования, это потому что девять тысяч лет моего проклятья счастливым образом истекли. Доказательством тому послужит прибытие моей несчастной заместительницы. Сейчас мы увидим ее встречу с истребительницей наслаждений и разлучницей влюбленных. После этого, когда мы позавтракаем, о дух жизни сердца моего, которого моя неутолимая любовь меня побуждает сожрать в порыве чистой страсти, я уеду отсюда на коне, которого ты столь любезно мне подарил, чтобы снова вступить в Дом Небожителей.

С этими словами она вытянула руку в указующем жесте.

Глава 8

Мать всех принцесс

С этими словами принцесса вытянула руку в указующем жесте. И Джеральд посмотрел на реку. Он увидел непостоянный, подвижный, туманный мир. Прямо перед ним глубокая река, искрясь, струилась на восток неспешной мелкой рябью. Но дымившиеся здесь и там над нагретой солнцем водой струйки пара тоже медленно плыли на восток так неравномерно, что то одна, то другая часть простиравшегося за рекой пейзажа то возникала из тумана, то вдруг постепенно, хотя и на удивление быстро, покрывалась вуалью. Прелестные медальоны зеленых лужаек, кустарника и отдаленных холмов, казалось, обретали форму, а затем растворялись в непрекращающемся течении тумана по направлению к восходящему солнцу.

И еще Джеральд увидел, что на расстоянии пятидесяти футов от него раздетая пожилая женщина с ребенком на худых руках приближается к берегу реки. Женщина устало тащилась к реке, словно одурманенная из-за лежащего на ней проклятья.

И вот женщина как будто споткнулась и упала в воду, но в падении отшвырнула ребенка от себя, так что он остался невредим в густой высокой траве.

Женщина, которую божья воля привела сюда, чтобы служить козлом отпущения для принцессы Эвашерах, продолжала благополучно и довольно эффектно тонуть. Она дважды уходила под воду без единого всплеска воды из-за наложенного на нее проклятья. Ребенок, которого годы еще не научили принимать как должное преобладание в жизни неприятных моментов, беспрестанно вопил, искренним мяуканьем выражая неодобрение божественной воле. Из близлежащих зарослей камыша выглянул, сверкая глазами, шакал и крадучись начал приближаться к ребенку. Принцесса поднялась с алебастрового

ложу и освободилась от слабых объятий Джеральда. Мгновение она стояла в нерешительности. На ее миловидном личике появилось озабоченное выражение. Ее слегка приоткрытый рот задержался. Джеральду это понравилось. Это был порыв вечно-нежного женского сердца и великодушного сострадания всем обиженным существам, чувства, которое, как жизнь научила Джеральда, встречается только в высокой литературе.

Принцесса покинула Джеральда. Она поспешила к берегу реки. Шакал отскочил от нее, оскалившись, попятился полукругом, и заросли тростника поглотили зверя. Принцесса наклонилась и милым жестом сострадания поймала женщину одной рукой и помогла ей выйти на берег.

Затем принцесса Эвашерах издала крик крайнего удивления. Она стиснула свои маленькие кулачки и взмахнула ими в воздухе жестом неподдельного раздражения.

Потом женщина, которая только что была спасена от гибели, отстегнула маленький медный сосуд и нож, которые висели у нее на поясе на медных цепочках. Принцесса взяла это, подошла к кричащему младенцу, остановилась, и плач прекратился. Принцесса повернулась к странной женщине, выкрикивая: «Хранг! Хранг!». Кровью, которая была в сосуде, принцесса смазала серые губы этой женщины, а остатками крови побрызгала на ее обнаженные груди и у нее между ног, которые та держала широко расставленными для такового оплодотворения.

— Здравствуй, Мать! — сказала Эвашерах. — Приветствую тебя, о кровавая и морщинистая Мать Всех Принцесс! Здравствуй, плодородная и ненасытная Хавва! Приветствую тебя! Сфенг! Сфенг! Приветствую тебя и желаю тебе всяческих удовольствий на тысячу лет твоих сред. Пей до дна, возлюбленная и мудрая Мать, ибо кровавое жертвоприношение, которое священные тексты сделали чистым, слаще амброзии.

Поначалу пожилая леди казалась необычайно красной, распаленной и ужасной со своими растрепанными космами. Потом она успокоилась. Она тяжело дышала, а ее глаза томно закатились. Она заговорила обиженным тоном, с упреком:

— Но дорогая моя! Ты впала в свойственное мужчинам милосердие, тем самым утратив свой шанс на спасение.

— Горе и траур воцарились в сердце моем, о Мать, члены мои дрожат от сожаления. Ибо я никак не предполагала, что это ты. Просто я решила, что какая-то смертная женщина пришла, чтобы исполнять мои обязанности в отвратительном обличье крокодила, и я не могла спокойно слышать, как маленький ребенок плачет тоненьким голоском, в то время как острые зубы шакала приближаются к нему, и мне была невыносима мысль, что ценой двух человеческих жизней я покупаю свою свободу от этого бесконечного занятия любовью и переедания.

— Но это был мальчик! Дорогуша, ты рассуждаешь так, как будто эти сыны Адама и в самом деле что-то значат. Послушать тебя, так никто никогда не окажет тебе заслуженного уважения за то, что ты благочестиво пресекала амбиции сотен таких, охраняя дорогу богов и мифов от бесстыдства этих романтиков.

— Однако защита возвышенных и убежище сильных, люди, чья кровь питала меня в изгнании, были все до одного молодые люди, распаленные нечистыми намерениями. Ребенок — другое дело. Негоже, чтобы невинная плоть маленького мальчика, жертвоприношение, подобающее всей нашей великой расе, была разорвана клыками дикого пса.

— Это правда. Это похоже на мысль здравую и благочестивую. Ребенок отличается от всех других бед тем, что только он постоянно всякий раз приносит новые неприятности. Этого никто не может знать лучше, чем я — Мать Всех Принцесс, чьи дочери повсюду проявляют такое неадекватное отношение к бредовым мужским мечтаниям. Но что сделано, то сделано. Наверное, я снова и снова буду обращаться к твоему Отцу...

— Да святится имя его! — подхватила принцесса.

— Это, дорогуша, тоже мудро подмечено, хотя — как я говорила — ты знаешь так же хорошо, как и я, какая он свинья. Тем не менее тебе ничего более не остается, помимо нового воплощения и еще пары столетий соблазнов в окрестностях Дунхэма.

– Но я, – заметила принцесса, – была профессиональным крокодилом девять тысяч лет, а ведь кожа у меня на груди такая нежная! Кошки предположений разбрелись по лугам моего размышления и мурлычут, что на этот раз мне хотелось бы чего-нибудь посуше.

– Дорогуша, поскольку твое новое воплощение – всего лишь обличье, пусть тебя утешает мысль о том, что ты останешься гибелью для юношей и их злосчастных стремлений. Ты плохо вела себя сегодня утром, как я вижу...

– Но ведь... – отвечала смущенная принцесса.

Она понизила голос и продолжала говорить очень тихо, так что Джеральд не мог расслышать ни слова. Он мог видеть только, что пожилая леди сделала предположение, которое принцесса тотчас же отвергла, энергично замотав своей прекрасной головкой. Он увидел также, как принцесса соединила ладони, а затем развела их примерно на семь дюймов.

– Да, сперва вот такой! – заявила она, повышая голос, тоном легкого раздражения. – В общем, этот невосприимчивый тип (пусть свиньи плодятся на могиле его предков!) остается непостижимым.

Старуха ответила:

– В любом случае, ты потерпела неудачу; но это неважно. Ты говоришь, он путешествует в компании с тем, кто наверняка предаст его. А дорога, по которой он идет, тоже достаточно оживленна и достаточно далека, чтобы предать его в конце. Ведь он встретит других моих дочерей, а если и все остальные не справятся, тогда он встретится со мной.

– Корабль моей непоколебимой решимости еще не разбился об айсберг его безразличия, и я еще не закончила с ним, ни в коем случае. Я возвращаюсь, о Мать, к этому неблагодарному узурпатору моего ложа – позавтракать.

И пожилая леди ответила с вечно отзывчивой материнской нежностью.

– Вот это мое дитя! Кто-то же должен заниматься этими романтиками вне зависимости от того, сколь сложной представляется задача. Ведь никто из нас не знает, чего угодно этим мужчинам-романтикам. Мои дочери готовят им прекрасную еду и выпивку, следят за чистотой их жилища, и на исходе каждого дня усердно занимаются с ними любовью. Все, чего могут пожелать мужчины, мои дочери предоставляют им. И почему столько мужчин питают странные, бессмысленные желания? И как мои дочери могут удовлетворить такие желания?

– Можно только настаивать на своем, о Мать, губительница наслаждений, разлучница влюбленных, полагающая конец всем мечтам.

– Есть другие способы, дорогая моя, более утонченные. Этот способ восточный, он стар и груб. Хотя этот способ тоже успокаивает чрезмерно амбициозные мечты, и он срабатывает.

Джеральд протер глаза. Его слегка обеспокоили происходившие на его глазах совершенно невероятные события.

Ибо пожилая леди преобразилась. Она увеличилась в размерах, краснота ее исчезла, и она стала темно-синей, багровой, как грозовая туча. В левой руке она держала весы и аршин. Жутко улыбаясь, она становилась все больше. Стало заметно, что ее ожерелье сделано из человеческих черепов, а в ушах, как серьги, болтались тела повешенных, находившиеся в последней стадии разложения. В общем, Джеральд не огорчился, когда Мать Всех Принцесс достигла всей своей божественной стати и исчезла.

Но Госпожа Водного Пространства изменилась на совсем другой манер. Там, где она стояла, теперь порхала большая черно-желтая бабочка.

Глава 9

Чем питалась одна бабочка

Итак, Эвашерах вернулась к Джеральду в виде крупной бабочки и начала нежно порхать и виться

вокруг него, пестря яркими красками.

– Моя милая!...

Он протянул руку, чтобы схватить ее, и она не попыталась увернуться.

Джеральд держал это прекрасное создание за горло на расстоянии вытянутой руки. Он начал произносить заклинание.

– Шемхамфораш... – но лицо его вовсе не выражало восхищения. Напротив, он довольно мрачным голосом продолжал:

–...Элоха, Аб, Бар, Руахакоккиес... – и так до конца этого кошмарного списка, снова и снова повторяя: – «Кадош».

Теперь его жертва отчаянно вырывалась. Легкомысленная девушка не учла, что ее возлюбленный был знатоком магии. И трепыхание ее крылышек вполне понятным образом пробудило эстетическое чувство Джеральда, так что он на мгновение остановился, чтобы полюбоваться красотой последнего воплощения принцессы, прежде чем произнести фатальное заклинание Гауза.

Ибо крылышки Эвашерах были прекрасного фиолетово-черного и ярко-оранжевого цветов, тело ее было золотистой окраски, а грудь – малиновая. Он также заметил, что Эвашерах, чье волнение все увеличивалось, выпустила из затылка мягкие вилкообразные рожки, испускающие отвратительную вонь.

А эти изогнутые, сильные, острые как иголки клыки были столь изящны, что ему оставалось только с огорчением удивляться их исключительной эффективности. Из их кончиков сочилась желтоватая маслянистая жидкость. Он мог видеть, что они изгибаются, как пара кошачьих клыков: где бы они ни вонзились в плоть, жертва, отпрянув, только бы еще глубже загнала в себя клыки такой формы и получила бы большее количество яда. Это было довольно-таки хитроумное приспособление. И все это также полностью объясняло, каким образом гости такой общительной, дружелюбной и наипрекраснейшей принцессы умудрялись забывать свои черепа в густой траве вокруг ее алебастрового ложа.

Затем Джеральд сказал:

– О бабочка, разноцветная ты моя, сегодня твой завтрак – разочарование, вилка – агония, а салфетка – смерть. О бабочка, покайся чистосердечно, оставь неправду, отложи обман и лесть, перестань думать о своих обманутых любовниках даже с сожалением. Покайся воистину, а не как дикая кошка, которая слушает, да ест. Где теперь твоя хитрость, где наивные обманутые любовники? Ныне вся ложь мертва. Этот мир – рынок, бабочка моя: каждый приходит и уходит – и чужестранец, и гражданин. Последний из твоих возлюбленных – благочестивый друг, он помогает миру идти своим путем.

Все-таки было довольно странно, что тело, которое она избрала, принадлежало, по всей видимости, виду *Ornithoptera croesus*, подумал Джеральд, с хрустом раздавливая ногой мягкие останки и превращая их в липкую пасту из крови и золотистой пыли. Ведь этот вид бабочек более свойственен Малайскому Архипелагу, нежели здешним краям, не говоря уже о том, что наличие у бабочки змеиных зубов было энтомологической ошибкой. Однако география, местные обычаи и все, касающееся окрестностей Антана, было отмечено явной непоследовательностью, размышлял Джеральд, возвращаясь к своему привязанному жеребцу. Затем он вскочил на коня, воодушевленный новой мыслью о том, что он позаимствовал у Эвашерах весьма прекрасную идею – быть богом, а также получил четыре оставшиеся капли Океанической Пены. Свойства этой влаги были вполне хорошо известны каждому, кто изучал магию.

Часть IV

Книга Дэрсам

Зачем зеркало слепому?

Глава 10

Жены Кэр Омна

Итак, Джеральд сел на коня Калки и продолжил свое странствие по пути богов и мифических существ, по долине кедров, в царство Глома – Взгляда Одержимого. Страна Дэрсам в то время уже стала приходить в запустение по причине исчезновения своего сеньора в земной жизни. А в Кэр Омне, который ранее был королевским дворцом Силана, и где сейчас завтракал Джеральд, триста пятьдесят с лишним наложниц Глома занимались приготовлением пищи, уборкой и кормлением, в то время как семь законных жен Глома сидели вместе в огражденном стенами саду.

Шесть из этих жен были молоды и хороши собой, но седьмая была – думал Джеральд – морщиниста, как рыболовная сеть, и стара, как зависть.

Однако Джеральд был восхищен той полудюжиной, которая сохранила свою молодость. Когда он переводил взгляд с одной на другую, каждая в свою очередь представлялась ему столь исключительной красавицей, что она превосходила в его глазах всех других женщин, которых ему приходилось видеть... Но нет! Глом был его благодетель. В этот самый момент Глом в Личфилде корпел над неоконченным романом о Доне Мануэле Пуактесмском, который вот-вот должен был сделать имя Джеральда Масгрэйва всемирно известным. Нет, допустить, чтобы все они обманули одного и того же мужа, было бы недружественным и несправедливым плеоназмом, рассуждал Джеральд. И Джеральд глубоко вздохнул.

Семь женщин вздохнули еще раньше.

– Кого там еще принесла нелегкая? – сказали они, когда пришел Джеральд.

Важным тоном он ответил им:

– Сударыни, я – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей. Однако, умоляю, не тревожьтесь понапрасну из-за этого откровения. Я не безжалостное божество, я не причиняю зла никому, кроме как моим заблудшим противникам. Одним словом, я тот, кому было предсказано, что я, мои дорогие дамы, или может быть, я должен был сказать, что он – хотя, по правде сказать, на самом деле все равно, какое местоимение предпочел бы строгий грамматик, так как в любом случае смысл здесь однозначный и очень четкий, – что он в предназначенный ему или мне срок будет с беспрецедентным и подобающим великолепием править Антаном, прибыв верхом на серебристом жеребце Калки.

Но на жен Глома это не произвело особого впечатления.

– Смысл ваших слов, сударь, – сказала одна из них, – может быть, ужасен, но определенно непонятен.

У этой жены были золотисто-рыжие непокрытые убором волосы; на ней было голубое платье, сшитое таким образом, что оно оставляло ее правую грудь также совершенно неприкрытой; и, несомненно, с какой-то определенной целью она держала в руке железный семисвечник.

Джеральд с раздражением, несколько смягченным ее приятной наружностью, спросил:

– И вы подвергаете сомнению мое божественное слово? Вы что, не верите в мою Диргическую божественность?

Ему ответила другая жена, великолепная жгучая брюнетка в пурпурном одеянии, которая носила полукруглую корону, а предплечья ее почти полностью обнаженных рук украшали широкие золотые ленты.

– Почему мы должны в этом сомневаться? Боги десятками, сотнями, тысячами шествовали через

страну Дэрсам, направляясь в Антан, чтобы получить желанное отдохновение от своих долгих трудов в этом мире.

– Да, кажется, этот Антан – рай для всех отставных богов, и я буду править вполне достойным меня царством небожителей.

– Мы никогда не бывали в Антане. Поэтому мы ничего не знаем о его обычаях. Мы знаем только, что множество богов верхом на самых разных животных прошли мимо нас, направляясь в Антан. Бес ехал на коте, Тлалок – на оленье, Шива – на быке; мы видели, как Кали ехала на спине тигра; Зевс пронесся у нас над головой на спине орла, а вровень с ним на спине огромного жука летел Амон Ра. Поэтому мы считаем весьма вероятным, что ты, прибывший верхом на этом прекрасном коне, являешься одним из таких богов. Что нам до богов в сей час небывалой беды?

Затем семь жен принялись причитать, сетуя на то, что с тех пор, как Глом Взгляд Одержимого покинул их, священное зеркало отражало только того, кто перед ним стоял.

– Но не в том ли и заключается суть всех зеркал? – спросил Джеральд.

– Разумеется, сударь, – ответила жена со связкой ключей в руках и колоссальным, раздваивающимся наверху оранжевым головным убором на голове, – но вплоть до вчерашнего дня наше зеркало показывало вещи такими, какими они являются на самом деле.

– И что можно было увидеть в нем?

Ему отвечала старуха; голова ее была завернута в белый тюрбан, лицо ее было окрашено не ярче, чем рыбье брюхо, и длинные седые волосы, завивающиеся в спирали и полукружья, украшали ее трясущийся подбородок. Она и ответила:

– Для таких стариков, как я, зеркало Кэр Омна не являет ничего; но для юных, какими мы были до того, как Глом покинул нас, оно являло неопишное.

– Тогда почему бы вам не поставить перед ним кого-нибудь помоложе?

– Увы, сударь, в зеркале не осталось больше юности, – отвечала ему отличавшаяся соблазнительной полнотой и каштановым цветом волос жена, на которой не было абсолютно никакой одежды, и чье соблазнительное тело было во всех соответствующих местах избавлено от ненужных волос.

Затем жены Глома Взгляда Одержимого снова принялись причитать, а мертвенно-бледная, остроносая жена на последнем месяце беременности с конической прической каштанового цвета стала рассказывать о парнях, которые являлись им из зеркала.

Она рассказывала о миловидных, высоких, шустрых, проворных, сообразительных и бесстыжих парнях, не таких сварливых, какими обычно бывает их муж; о гиперактивных парнях, которые бесятся, которые начинают выпендриваться из-за пустяков, которые всюду суют свой нос, пускаются во все тяжкие и спуску не дают никому; об этих напористых, стремительных, наглых и нахальных субъектах, неосторожных на поворотах, любящих свою работу трудогилах, которыми они и являются, когда берутся за любое дело, которое им подвернется; о том, какие они на самом деле мерзавцы – нетерпеливые и нескромные; и о том, как не хватает этих бездельников именно сейчас, когда в священном зеркале Кэр Омна не осталось соответствующего запаса молодости.

– Весьма вам сочувствую. Должен признать, что зеркало, порождающее таких молодых ребят – отличная идея. Да, я холостяк, и поэтому нет существенных оснований, чтобы в отношении меня matrimониальные планы были смягчены. Но я также и бог, дорогие дамы, бог, который носит всю свою молодость с собой в вот этом флаконе.

Тут заговорила последняя жена. У нее были льняного цвета волосы; ее тело заманчиво просвечивало сквозь платье из прозрачной светло-зеленой ткани. В руке у нее был короткий меч с золотой рукояткой. Она сказала:

– В таком случае, ты отличаешься от тех богов, которые проходили по этой дороге. У тех богов, состарившихся, уставших и ослабевших, странствовавших в поисках покоя от всяческих чудес прочь от мира, где им уже не поклонялись более, не было молодости.

– Но я, – ответил Джеральд, – я – бог, который, помимо всего прочего, является еще и гражданином Соединенных Штатов Америки, где всякая религия процветает так, как ни в одной упадочной и изощренной монархии. Поэтому – проводите меня в храм священного Зеркала Кэр Омна!

Глава 11

Обитатели зеркала

Семь жен проводили Светловолосого Ху, Защитника и Хранителя, в Храм Зеркала. Старая жена сняла с зеркала голубое покрывало, на котором золотой нитью были вышиты тонкие фиговые листочки. Стало видно, что зеркало было покрыто грязью, пылью и плесенью. В нем отражался кривой, пожелтевший, и покрытый пятнами Джеральд; оно светилось нездоровым блеском.

После этого Светловолосый Ху, Помощник и Защитник, Князь Третьей Истины, провозгласив свои разнообразные титулы и совершив ритуал, подобающий обмену любезностями между двумя божественными силами, смочил кончики пальцев каплей влаги из Океанической Пены. На поверхности священного Зеркала Кэр Омна он нарисовал пальцем треугольники мужского и женского начал, таким образом, что один накладывался на другой, и призвал Монахиэля, Руах, Ахидеса и Дегалиэля.

Никогда и нигде никто не радовался сильнее, чем семь жен Глома – Взгляда Одержимого, когда священное зеркало изменилось. И эти неблагодарные и безмозглые женщины принялись распевать гимн, восхваляющий милосердие и неисчерпаемые производительные силы Солнца.

– Но какое отношение имеет Солнце, – сказал Джеральд с некоторым раздражением, – к той немаловажной услуге, которую я оказал этой стране? И вы полагаете, что анатомические подробности, вами воспеваемые, являются подходящей темой для оперы?

Они ответили:

– Сударь, совершенно очевидно, что ты – бог Солнца из клана Лучезарного Гелиоса, Любвеобильного Фрейра, Гора Старшего и Сверкающего Мардука, которые все прошли этим путем, направляясь в Антан. Ясно, сударь, что Князь Третьей Истины тоже бог, задача которого – пробуждать тепло, влажность и обновление жизни во всем, чего он коснется.

– Но только, – заметил Джеральд, – только пальцем.

– Подобно тому, – согласились они, – как ты поступил с этим зеркалом. Поэтому, сударь, мы и восхваляем твое милосердие и неисчерпаемую производительную силу.

– Ага, теперь я вас понимаю! И все-таки давайте в этих публичных хоровых представлениях затрагивать исключительно тему милосердия. Все прочие солярные атрибуты, на мой вкус, более гармонируют с камерной музыкой, а именно с дуэтом. Тем не менее, поскольку этот несколько неамериканский гимн предназначался лично мне, я принимаю вашу, в самом деле, весьма индивидуальную арифметику, дорогие дамы, в соответствующем духе, как благочестивое преувеличение. Ибо, разумеется, как вы сами сказали, совершенно очевидно, что я – бог Солнца.

Однако сейчас Джеральд был заинтересован в этом гигантском зеркале сильнее, чем в чем-либо ином. Он видел, что в зеркале, которому поклонялись в стране Дэрсам, не было ничего страшного. Если зеркало Фрайдис было похоже на это, тогда любое наследство, ожидавшее его в обещанном королевстве, могло наверняка оказаться вполне приятным.

Ибо теперь Зеркало Кэр Омна сияло золотистым, ясным светом. Оно более не отражало искривленного и заляпанного Джеральда. Оно ничего не отражало. Напротив, казалось, что оно теперь создавало свой собственный, необычный горный ландшафт; и повсюду, в туманных, сияющих глубинах этого странного зеркала проявлялись наиболее героические и самые прекрасные существа, которых никогда не видели в Личфилде.

Глава 12

Путаница золотого странствия

Но когда трое здоровенных мужчин поманили его, и Джеральд шагнул вперед, он не без удивления обнаружил, что поверхность зеркала была на самом деле теплой золотистой дымкой, пройдя сквозь которую он оказался во власти этих троих гигантских кузнецов и в железных кандалах, которыми они крепко приковали его к серой, покрытой лишайником скале – высоченной скале, вздымавшейся над широким ущельем посреди каменистой пустыни. А еще Джеральда охватил благородный гнев. Ибо он бросал вызов Небу, он – восставший бог, бог, не испугавшийся злобы своих божественных компаньонов. Он как-то спас – он не мог до конца припомнить, каким именно способом, хотя испытывал гордость за содеянное – всех мужчин и женщин от жестоких и несправедливых Небес. Он единственный из богов пожалел этих никчемных, нагих, забытых существ, которые, из-за своей беззащитности перед множеством других, более сильных животных, жили в темных неглубоких пещерах, как муравьи в термитниках. Он превратил этих робких, безмозглых, двуногих животных в людей. Он научил их строить дома и корабли; изготавливать острые мечи и дальнобойные луки и применять их против клыков и когтей, которыми Небеса снабдили других животных; научил приручать лошадей и собак, чтобы те помогали им добывать пищу. Он научил их писать, рисовать, изготавливать мази и лекарства, чтобы исцелять их болезни, и научил даже более-менее предвидеть будущее. Все искусства человеческой расы были даны Прометеем, и все эти блага были сохранены для его таких непослушных, милых марионеток в девятнадцати книгах, в которых Прометей изложил тайны всего знания, всей красоты и всяческого достатка, – Прометей, который, открыв людям такое множество изобретений, не мог изобрести ничего, чтобы спасти самого себя. Короче говоря, Прометей создал и сохранил мужчин и женщин вопреки установленной воле Небес. За это святотатство Прометей расплачивался на краю света, на изъеденной лишайником скале. Он страдал во искупление всего человечества – первый из всех поэтов, этих творцов, которые с восторгом создают кукол и играют с ними, первый из Спасителей человечества. И мученичество его было прекрасным, ибо крылатые дочери седого Океана порхали вокруг него в чистом воздухе Скифии, подобно кричащим чайкам, и обезумевшая от горя женщина с коровьими рогами, торчавшими из ее растрепанных желтых волос, тоже остановилась, чтобы пожалеть его, а затем продолжила свой путь в сторону, где восходит солнце, чтобы получить свою долю несправедливости, отмеренную ей Небесами.

Но он, первый из поэтов, разорвал оковы Небес как бечеву, сбросив с себя все путы, кроме тонкой красной полоски, обвинившейся вокруг пальца, и поднявшись, взошел на свой трон между бронзовыми львами, охранявшими каждую из шести его ступеней, и сел под золотым диском. Вся мудрость теперь принадлежала восставшему против Небес, и всякая власть на земле была его: молва о прекрасных стихах, гостеприимстве и величии Соломона дошла до Ассирии и Йемена, обоих Египтов и Персеполя, Карнака и Халкедона, распространилась по всем островам Средиземноморья. Он играл с гениями и монстрами воздуха и воды; элементалы служили царю Соломону, когда он, желая подкупить Небо, начал строительство величественного храма, который был украшен инкрустациями, резными и живописными изображениями херувимов, львов, быков и вложенных один в другой треугольников. Не существовало могущества, подобного соломонову: трижды в году возвращались к нему его корабли с данью Ниневи и Тира, Парваама, Месопотамии и Катара. Короли всех стран мира были слугами Соломона; духи огня и повелители воздуха также приносили ему дань из областей, лежащих по ту сторону Плеяд. Ныне храм его был наполовину закончен. Но на безымянном пальце его всегда оставалось кроваво-красное корундовое кольцо, на котором была надпись: «Все проходит». Эти блестящие, мягкие, ароматные вещи, окружавшие его, были, как он всегда знал, даны Небесами взаймы и будут по одной отняты у него Небесами. От этих преходящих вещей он отвернулся и обратился к пьянству и к женским объятьям, пытался забыться на груди у девяти сот женщин; он искал забыться между ног у самых прекрасных женщин Иудеи и Израиля, Моава и Аммона, Бактрии, Баальбека и Вавилона. Он обратился к распутству с мальчиками, животными и телами мертвых. Эти безумства захватывали плоть Соломона, но трезвый взор его сознания всегда созерцал установленную волю Небес: «Все пройдет». Храму, который он строил, до завершения не хватало только одного бревна. Он бросил этот серый, замшелый кедровый ствол в пруд Бет-Эзда: тот пошел ко дну как камень. И Соломон приказал своим израильтянам поджечь храм, который он все эти годы строил, желая

подкупить Небеса.

Но когда храм загорелся, он стал больше, чем храм, потому что огнем были охвачены не только склоны горы Мориа: там полыхал целый город, и имя было ему – Илион. Он помогал грабить город: золотые доспехи Ахилла достались ему. В таком героическом облачении, как лиса, прячущаяся под шкурой убитого льва, отплыл на корабле в Исмавр – город, который он предательски опустошил и ограбил. Оттуда он отправился в страну лотофагов, где с любопытством, смешанным с презрением, наблюдал питавшихся забвением людей. Его поймал отвратительно пахнущий одноглазый гигант, от которого он сбежал благодаря своим уловкам. Никто не был так скор на выдумки, как Одиссей, сын Лаэрта. Он прошел невредимым сквозь кошмарные волчьи ямы и западни, по вечно беспокойным морям, перехитрил кровожадных лестригонов, обвел вокруг пальца Цирцею, пернатоногих сирен и нежную Калипсо. Он улизнул от шестиголовой великанши-людоедки, прошел среди серых, взбудораженных, визгливых мертвецов; благодаря своему непревзойденному хитроумию одержал победу над мрачными правителями Аида и отвратительными призраками – он, всего лишь поэт, сочиняющий величественную поэму о странствии каждого человека по враждебному и коварному миру; он – преследуемый гневом Небес, гневом, который Посейдон возбудил против Одиссея. Но хитрости Одиссея всегда помогали ему избежать ловушек, устроенных для него Небесами, так что в конце концов он вернулся домой в Итаку, к своей благонравной супруге. А потом, когда женихи Пенелопы были убиты, он по приказу покойного Тирезия с веслом на плече отправился в горную страну, ведя за собой на привязи агнца, ибо нужно было еще умиловить Небеса. По ту сторону Эпира, среди высоких холмов феспротейцев, он воткнул весло в каменистую почву и, обернувшись к агнцу, которого собирался принести в жертву Посейдону, обнаружил, что Небеса не хотят выкупа, ибо жертва Одиссея, воспротивившегося воле Небес уничтожить его, была отвергнута, и агнец пропал.

Но в руке у него еще была веревка, за которую он вел за собой агнца; в другой руке у него была котомка с серебряными монетами; а в сердце его – когда он снова повернулся к северу и обнаружил на месте весла цветущую бузину – в сердце его было знание, что никто не мог бы зайти в отчаянии и бесславии дальше него. Он вспомнил все, от чего он отказался, от чего он отрекся, что он предал, все благие чудеса, свидетелем которых он был между Галилеей и Иерусалимом, где плотники синагргиона сейчас изготавливали из найденного в пруду Бет-Эзда огромного заплесневелого кедрового бревна тот крест, который завтра будет установлен на Голгофе. И тогда Иуда бросил проклятые сребренники и веревку, на которой он хотел здесь удавиться, потому что такой совершенный позор, как его, нужно было сперва выразить в подходящих словах. Это был величайший позор, это был шедевр человеческого порока, это был ответ прекрасного поэта Небесам, предложившим мир после того, как они столько веков беспричинно истязали людей. Об этом следовало не говорить, но петь. Он навалил себе на грудь огромные свинцовые плиты, надрезал связки под языком, мучил себя клистирами, промываниями и всеми прочими необходимыми способами, чтобы голос его мог достигнуть высочайшей силы, когда он будет петь Небесам о своем позоре.

Но когда он пел Небесам о своем кощунстве, он сравнил свою ненависть с ненавистью самых страшных святотатцев прошлого, он сравнил свой грех с грехом Эдипа, который совершил непростительное соитие с собственной матерью, с грехом Ореста, которого вечно преследовали фурии за то, что он убил свою мать. Но он не думал ни о какой Иокасте или Клитемнестре, он думал о своей собственной матери, властной, прекрасной Агриппине, которую он боялся, которую он любил со страстью большей, чем кто-либо мог пробудить в императоре, и которую он убил. Ничто не могло заставить его забыть Агриппину. И мало было толку от того, что он был повелителем всех известных стран и хозяином дома, выложенного золотом, инкрустированного бриллиантами, украшенного матерью всех жемчужин; дома, по сравнению с которым жалкая маленькая хибара в восточном стиле, построенная Соломоном как взятка Небесам, казалась карликом, потому что дом этот был велик и богат: у него был трехэтажный портик в милю длиной, а на переднем портике была выставлена не подделка вроде Ковчега Завета, а колоссальная статуя Клавдия Нерона – величайшего поэта из всех, которые были известны миру. Однако ничто не могло заставить Нерона забыть Агриппину. Ни один порок, каким бы чудовищным и изощренным он ни был, не мог насытить его, и ни одно из совершенных им бесчинств, ни одна, даже самая лучшая из его поэм, не могли сделать его счастливым и принести покой его сердцу. Он жаждал только Агриппины, он скучал по ее отвратительной брани и придиркам, он бросал вызов воле Небес, которые разрушили планы прекрасного

поэта, сделав такую прекрасную, гордую женщину его матерью, и он совершал эти колдовские ритуалы, которые могли воскресить Агриппину из мертвых.

Но когда она вернулась к нему, невероятно красивая, бледная, гордая и обнаженная, как во время их последнего свидания, когда его меч распорол живот этой женщины так, что он мог видеть чрево, в котором лежал когда-то – тогда божественная Августа неумолимо повлекла его вниз, к мертвым, по туннелям полой изнутри горы. Там столпились все храбрые поклонники этой пугающей, развенчанной, властной и такой прекрасной женщины, которая, не встретив сопротивления, привела его сюда, и в этом Гёрзельберге он продолжал жить в роскоши и еще более сладком пороке, и он все еще сочинял песни, только вот теперь обреченные называли его Тангейзером, величайшим из поэтов. Но Небеса не оставляли его в покое среди этих людей, которые и думать забыли о Небе. Небеса терзали Тангейзера сомнениями, предчувствиями и даже приступами раскаяния. При помощи этих орудий Небеса заставили прекрасного поэта покинуть благоуханный Герзельберг и заманили его в суровый, укутанный снегом мир: и ныне холодный гнев папы Урбана повергал его в дрожь, звонили колокола, великая книга была брошена на мостовую из бело-голубых плит, погасли свечи, и формально отлученный от церкви поэт бежал из Рима на запад, преследуемый вездесущей злобой Небес.

Но издали он увидел, как бесплодный сухой сук чудесным образом расцвел, и он увидел посланцев напуганного римского епископа (с которым Небо также сыграло злую шутку), разъезжавших повсюду в поисках его и везущих ниспосланное Небом прощение грешнику, которого они не могли разыскать. Ибо поэт уютно расположился в воровском притоне, угощаясь кислым, но очень крепким вином и наслаждаясь общительными девочками с нежными пальцами. Но в неприятной близости от этого места стояла виселица, и ее перекладыны отбрасывали тень на двери комнаты, где проходило их убогое веселье. Казалось, смерть стояла на расстоянии вытянутой руки, крадя все пальцами более легкими и ловкими, чем пальцы девушки, обшаривающей карманы скинутой клиентом одежды. Смерть держала за горло тех несчастных оборванцев высоко над землей; смерть запросто извлекала на свет и ставила на одну доску с Карлом Великим всех гордых королей Арагона, Кипра и Богемии; смерть играючи совлекала нежную, мягкую плоть – белую, как прошлогодний снег, и столь же ничтожную – с таких великолепных грудей, как у Элоизы, Таис и королевы Берты Большая Нога. Время, как ветер, сметало все. Время готовилось положить конец (по наущению все тех же безжалостных Небес) и карьере Франсуа Вийона, который все еще был прекрасным поэтом, несмотря на то, что время превратило его в провонявшего вином, трясущегося, лысеющего, вшивого, больного карманного воришку, жившего на иждивении у неопрятной и страдающей газами шлюхи. Ибо время разрушало все: время было вечным врагом человека; время было бичом Божиим, которым Небеса безжалостно избивало людей, еще остававшихся в живых.

Но время все же можно было одолеть, и это была та задача, которую он перед собой поставил. Ибо Мефистофель предоставил ему двадцать четыре года совершенно свободного времени, и в этот период можно было уместить уйму столетий. Он надел орлиные крылья и попытался постигнуть все причины земных несчастий и зависти Небес. То, что разрушили Небеса, Фауст воскресил: он был поэтом-некромантом, а игрушками его были наиболее выдающиеся и восхитительные мертвецы. Он реставрировал при помощи магического искусства те утраченные девятнадцать книг, в которых содержались таинства всяческого знания, красоты и достатка, те книги, за которые расплачивался Прометей. Но университетским профессорами нечего было делать с этими девятнадцатью книгами. Опасались, что Дьявол мог внести в эти книги, воссозданные при помощи демонов, нечто вредное. И кроме того, говорили профессора, было уже достаточно книг, по которым студенты могли бы изучать греческий, древнееврейский и латынь. Итак, они снова утратили все эти таинства знания, красоты и достатка, которые мир потерял давным-давно. И вот, Иоганн Фауст смеялся над неискоренимой глупостью, которой Небеса поражали людей, глупостью, против которой тщетно боролся прозорливый поэт. Но, по крайней мере, Иоганн Фауст был мудр, и никогда не было красоты, подобной той, которая, как некогда смерть, стояла на расстоянии вытянутой руки, красоты, которую он защищал от всепожирающего времени с еще большей страстью, чем красоту Елены Прекрасной.

Но когда он уже готов был дотронуться до дочери Свана, предмета восхищения богов и людей, она исчезла, подобно тому, как лопнувший пузырь разлетается на бесчисленное множество сверкающих брызг; и три тысячи три из них он догнал и поймал в разных частях света, потому что, как он сам говорил о себе,

Дон Хуан Тенорио обладал сердцем поэта, достаточно большим, чтобы любить весь мир, и, подобно Александру, он мог лишь сожалеть о том, что не существует иных сфер, которые он мог бы покорить. Каждая из этих сверкающих капелек женственности сияла частицей красоты Елены; однако, как бы разнообразны и сильны ни были их чары, как бы беспутно ни преследовал он их, распевая каждый раз новые песни, вырядившись щеголем, в светлом завитом парике, в расшитом золотыми нитками камзоле, украшенном огненно-красными лентами, он – вечный охотник – в свою очередь был жертвой мстительности Небес, которые, казалось, обрели воплощение в образе зловещего всадника, все приближавшегося и приближавшегося, пока, наконец, лязг рапир и приятный звон мандолин не потонул в золотых, пахнущих олеандром сумерках, заглушенный тяжелым, медленным стуком копыт, и пока он в конце концов не понял, что и конь, и всадник были из камня, из того незабвенного камня серой, замшелой скалы.

Но когда он бесстрашно повернулся лицом к надвигавшейся статуе и вцепился в круглую, холодную шею лошади, он увидел, что каменный всадник был всего лишь мертвым, немым, слепым подобием крупного мужчины в доспехах, украшенных мишурой и кусочками цветного стекла. Он сжимал руками грубую копию, пародию на большую, светлую мечту; но это была и часть его самого, того, кто некогда был поэтом, а ныне был потрепанным жизнью, старым ростовщиком, ведь как он интуитивно понимал, этот осмеянный и никогда непонятый Спаситель и он сам были двойниками и каким-то образом шли вместе к одной и той же цели. Он насмеялся, но в то же время подошел слишком близко к тайне, которую он отрицал, но которая (без его ведома) оставалась частью его самого, так же как и частицей всех поэтов, даже бывших, и частицей, жизненно необходимой для существования Юргена. Юрген предпочел не впутываться в такие дела на полсекунды раньше, чем возникло это туманное предчувствие, жизненная необходимость для него поступить на службу этой тайне без всяких предварительных размышлений. Пожилой ростовщик был слегка напуган. Он осторожно слез с высокого постамента Мануэля Спасителя, спустился с этой сомнительной гробницы, на которой он топтался, поспешно отошел подальше от этого обработанного фрагмента прометеева утеса. Он шагнул назад и пересек границу золотого зеркала, которому поклонялись в Кэр Омне. Так он освободился от его чар.

Глава 13

Решение, достойное божества

Зеркало перед ним все еще сияло золотистым свечением, а горбун протягивал обе руки к Джеральду, которого он хотел превратить, физически и духовно, в сардонически ухмыляющегося, хитрого сорванца с улыбкой Щелкунчика и грустными глазами. Джеральд уже склонялся было стать эдаким Петрушкой и пожить вызывающей, беспокойной жизнью этого маленького ублюдка. Но позади Петрушки ждал высокий Мерлин в венке из омелы, тот, кто создал все рыцарство и, будучи сам дьявольским отродьем, научил людей жить так, как подобает сынам Божьим. Было бы весьма заманчиво проникнуть в темное сердце Мерлина. Однако рядом с Петрушкой стоял блестящий, учтивый, благородный мужчина с синей бородой, в чьих женоубийствах было бы небезынтересно принять участие.

Джеральд, обдумывая эти три замечательные идеи, оставался в нерешительности.

– Ведь я – бог, которого в Антане ожидает трон, а где-то в пространстве – крутящаяся и полыхающая по непредвиденным обстоятельствам, требующая улучшений вселенная, за которой я в этот момент должен присматривать. А в этом маленьком мирке, который я покидаю, Небеса, откровенно говоря, выглядят не особенно... разумеется, если смотреть на них с некоторым предубеждением, с некоторой ограниченной точки зрения, особенно если вы мрачно, пессимистически и не по-американски настроены...

Джеральд замолчал. Улыбнувшись, он тряхнул своей рыжей шевелюрой.

– Нет, для нас, богов, лучше не критиковать творения друг друга. Поэтому я без единого упрека предоставляю моим товарищам забавляться с этой планетой, которая называется Земля, как им угодно. Разумеется, я, весьма вероятно, сделаю новые планеты более приспособленными к моим личным предпочтениям. Но о планете, которую я сейчас покидаю, я не скажу ничего, что могло бы оскорбить чьи-либо чувства. Нет, я скорее положусь на силу убеждения красноречивого умолчания, дополненную

решительным прощанием.

Что касается зеркала, почитаемого в стране Дэрсам, то для меня это просто игрушка. Я – Спаситель и бог Солнца, совершивший девять замечательных подвигов вроде плавания в мировом океане, избиения демонов, возвращения тепла, создания лун; божество выдающегося ума, которого едва ли следовало ожидать от обычного животного, которым я представляюсь, – я, Помощник и Хранитель, призванный владеть предметом мечтаний всех богов и людей, – почему должен я оказаться в убытке, променяв такую захватывающую судьбу на что-либо, что содержится в этом зеркале.

Затем Джеральд сказал:

– Нет, я не должен забывать, что будь я Спаситель, или бог Солнца, или и то и другое вместе, я остаюсь Светловолосым Ху, Помощником и Хранителем, Князем Третьей Истины, и так далее... Я, в том или ином смысле, являюсь самым выдающимся персонажем Диргической мифологии. Я – возвешенный в пророчестве всадник на серебристом коне. Мне предназначено унаследовать от Магистра Филологии самые великие заклинания, и после свержения этого несчастного гостеприимного простака именно мне предначертано вместо него править над страной по ту сторону добра и зла, которая является предметом вожеланий всех богов и людей и вознаграждением за их усердие. Я не могу отказаться от такой прекрасной судьбы ради того, чтобы играть с красивыми и забавными отражениями, обитающими в глубинах этого зеркала. А понадобится ли мне это зеркало позже, по моем прибытии в мое королевство, когда я получу соответствующий моей мифологии божественный статус, этот вопрос я, располагая вечностью для того, чтобы заниматься всем, чем мне будет угодно, – этот вопрос я задам себе в свое время.

Глава 14

Эварван из Зеркала

Тут Джеральд заметил, что жены Глома еще не закончили чудить, так как эти семь женщин в настоящий момент проводили церемонию, которую они называли Асвамедха. Они ввели в храм вороного коня. Они зарубили этого коня бердышами перед зеркалом. Жена с льняного цвета волосами отрезала хвост, а обнаженная жена унесла его, Джеральд не заметил куда. Жена, которая была на сносях, отсекала также и голову коня; после этого голова была украшена гирляндой, сделанной из маленьких ломтиков хлеба. Затем голову насадили на шест и установили прямо перед зеркалом, повернув тыльной стороной к нему. Потом шесть жен Глома смешали лошадиную кровь с кровью нерожденных телят, повернули шест и объяснили Джеральду, что он должен делать.

Когда он повиновался, и все они призвали Эварван, золотое сияние зеркала потускнело и стало похожим на лунный свет. Из серебристой дымки возникла увенчанная короной женщина. Она была одета в белое, а голова ее была окружена золотистым нимбом.

Джеральд был восхищен. Ибо эта Эварван из зеркала была так хороша собой, что превосходила всех женщин, которых ему приходилось видеть. Однако его внимание почему-то привлекал не цвет ее лица и не совершенство фигуры. Он, скорее, наблюдал за самим собой и за тем, что произошло с таким осторожным, уравновешенным, разборчивым, пресыщенным и довольно-таки несчастным Джеральдом, которого он знал так много лет. Его существование давно уже, со времени его первого безумия из-за Эвелин, не озарялось подлинным чувством. Но теперь он был воспламенен, он был, возможно, пленен, и именно об этой непосредственной личной угрозе размышлял Джеральд, размышлял отстраненно, с пьянящим чувством иронического веселья.

Ибо Джеральд, как ему казалось, давным-давно, еще до того как его губы ради забавы коснулись губ какой-либо женщины вообще, прекрасно знал, что эта женщина, которую, кажется, звали Эварван, существовала где-то, ждала его, и вскоре должна была ему встретиться. Этот наиважнейший факт, который был известен мальчику, вылетел из головы у легкомысленного, очень глупого юноши. Джеральду казалось, что все двадцать восемь лет его жизни эта Эварван была его подлинной, идеальной любовью в самой глубине его сердца. Экстремальный романтизм этой фразы вызвал у него улыбку: то, что он оказался

способен состряпать такое отвратительное выражение, доказывало ему, что в данный момент он не был ни разборчивым, ни пресыщенным. Тем не менее перед ним была женщина, о существовании которой он смутно догадывался еще в Личфилде, и в сравнении с которой Эвелин Таунсенд выглядела лишь жалким подобием в человеческой плоти. Сходство было вполне достаточным, чтобы вызвать у него серьезное беспокойство. Теперь он совершенно ясно видел это сходство.

– Я сильно опасаюсь, что и из-за этой женщины у меня тоже могут быть неприятности. Ведь все мое существо вызывает к ней. Да, Джеральд, тебе, дружище, надо быть осторожным, если ты находишь беспокойство неподобающим.

Эварван заговорила. Она говорила – что казалось Джеральду довольно странным – о той самой Эвелин, которая ходила по Личфилду, заключенная в теле, казавшемся лишь жалкой копией тела Эварван. Но Джеральд едва ли был в состоянии слушать. Ему не нравились сильные, безумные и слишком юные чувства, которые эта женщина пробуждала в нем. Они угрожали его благополучию. Ведь эта женщина вызывала у него то старое, забытое еще лихорадочное состояние, которое он некогда испытал с Эвелин Таунсенд, и которое связало его страшными узами незаконной любви. Эта Эварван вовлекала его в безумства, свойственные молодым и неопытным, и это безумие надо было контролировать.

Поэтому Джеральд слегка ошеломленно возразил, что – не говоря уже о том, что на него возложены обязанности Спасителя и солнечного божества, помимо тех обязательств, которые он принял, чтобы взойти на престол Антана – он не смог бы более терпеть вздорность, раздражительность и ревность Эвелин, которая сделала адюльтер совершенно невыносимым.

– Если бы она хоть немного была похожа на вас, мадам, – галантно заметил Джеральд, с все возрастающим хладнокровием, так как чем дольше он смотрел на эту женщину, она все сильнее напоминала ему Эвелин, – то дело повернулось бы иначе.

– Но я, – сказала Эварван из зеркала, – буду с тобой всегда, если, конечно, ты пожелаешь стать моим возлюбленным. Ведь для тебя с помощью моего зеркала откроется дорога к счастью. Ты познаешь неправду, и эта неправда сделает тебя свободным: дела мирские и вся суета, производимая торговцами, воинами и уважаемыми персонами, рассуждающими о высоких материях, пройдет мимо тебя, словно бушующий поток; но ты не будешь обращать внимания ни на что, кроме той красоты, к которой стремятся все юноши, но без помощи моего зеркала не обретает ни один мужчина. Ты проведешь бесполезную жизнь среди красивых теней, но ты будешь счастлив.

– Я хочу только тебя, – хриплым голосом отвечал Джеральд. – Я не могу думать ни о престолах, ни о каких-либо божествах, когда ты стоишь здесь, на расстоянии вытянутой руки. Всю свою жизнь я искал тебя, как я знаю теперь, любимая; всю эту тоскливую жизнь, полную опостылевших игр и веселья, которую я прожил с постоянно угасающей верой в то, что я вскоре найду тебя. Но сейчас я снова как Иоганн Фауст или, скорее, как Юрген в той старой истории, в которой он в конце концов приходит к Елене, возлюбленной богов и людей; только я гораздо счастливее, чем Юрген, потому что моя Елена говорит...

– О, я говорю о твоём собственном благе, мой милый, так как тебе следует выполнить одно условие, прежде чем я смогу довериться тебе и отдать тебе все.

Джеральд ответил:

– Нет, Эвелин, не сегодня... то есть, прошу прощения, дорогая. Я немного рассеян... Да! Как я сказал, разница в том, что говорит Елена...

– Ради твоего же блага, любимый мой.

– Да, ты, естественно, говоришь об условии моего собственного счастья. Глом предсказывал, что именно так и будут поступать многие более или менее дружелюбно настроенные обитатели этих мест.

– Я, однако же, говорю об очень простом условии. Ты должен самолично исполнить маленькую Асвамедху; и тебе придется принести в жертву перед моим Зеркалом не какую-нибудь действительно стоящую лошадь, и даже не просто хорошую лошадь, но всего лишь эту ужасную и совершенно никчемную лошадь, которую ты привел с собой в страну Дэрсам.

Тогда Джеральд сказал:

– Не правда ли, это небольшая цена за приобретение того, чего жаждет мое сердце. Ибо всю свою жизнь я жаждал, как и все поэты, чистой красоты, которую, казалось бы, никогда не найти на этой земле, но которая ныне явилась в образе женщины и говорит со мной женским голосом – и каким голосом! – и говорит о моем же благе. Да, это небольшая цена, которую с радостью заплатил бы паренек лет девятнадцати или около того. Ведь я должен сказать тебе, возлюбленной богов и... скажем, юношей всего мира, что все это сильно напоминает мне тот первый сонет, который я сочинил о тебе, когда был девятнадцатилетним юношей.

Эварван не могла полностью скрыть свое беспокойство по поводу чтения сонета. Но тем не менее в ее голосе прозвучала почти материнская нежность, когда она спросила Джеральда:

– Неужели ты сочинял стихи обо мне тогда, еще в то время?

– Чтобы доказать это, – ответил Джеральд, – я сейчас прочту тебе тот самый сонет.

И он прочел.

Однако голос его так дрожал от избытка чувств, что, закончив восьмистишие, Джеральд замолчал, так как был не в силах сопротивляться красоте возвышенной мысли, когда она столь адекватно выражена в безупречном стихе. Итак, мгновение он стоял в молчании. Он прижал прекрасные руки Эварван из зеркала к своим дрожащим губам.

Ибо этот чарующий яркий сон превратился в западню, которая сбивала его с дороги в предназначенное ему царство и снова вовлекала его в привязанность к прекрасным идеям и показному блеску юности. Сейчас он хотел бы не видеть более эту коварную женщину-мечту, которая готова была довериться ему и отдать ему все, и которая, все-таки, была прекраснее и дороже всего на свете. Потом он будет жалеть о ней, он знал это; он всегда будет сожалеть об Эварван, какие бы красоты ни ожидали Джеральда в предназначенном для него царстве. Тем не менее эта мечта была препятствием на пути Спасителя и бога Солнца, которым эта мечта мешала выполнять присущие им функции; и труднее всего было Джеральду не проявить неучтивость по отношению к женщине, а воздержаться от совершения святотатства.

Отогнав эти промелькнувшие у него в голове мысли, Джеральд вздохнул и продолжил читать свой сонет тоном высокого самоотречения, смешанного с определенно справедливым одобрением действительно хорошей поэзии.

– Это прекрасный сонет, – сказала Эварван, когда он закончил, – и я горжусь, что послужила для него источником вдохновения. Но мы говорили о чем-то другом, я забыла о чем...

– Я не забыл, – ответил Джеральд.

– Да, теперь я вспомнила. Мы говорили о том, какой тебе представился прекрасный шанс избавиться от этой ужасной лошади.

Джеральд полюбовался еще мгновение самой прекрасной иллюзией, которую он видел в Зеркале Кэр Омн. Затем он начал читать вслух таблицу умножения.

Стало заметно, что она напугана.

– О, и я поверила тебе! Я отдала тебе все!

Она принялась нить, красота ее потускнела. Она выглядела точно как Эвелин Таунсенд, которая раздражала Джеральда сверх всякой меры.

Но Джеральд, как бы тяжело ни было у него на сердце, – у Джеральда, который считал обременительным всякое беспокойство – продолжал неумолимо изгонять Эварван старыми заклинаниями здравого смысла. Он говорил о слоне, который является крупнейшим из животных, о совершенно непохожих способах хозяйствования, которые практиковали Царь Израиля и Elijah the Tishbite, и о прямой, которая есть кратчайшее расстояние между двумя точками; и старая магия оказалась могущественной.

На его глазах Эварван из зеркала претерпевала изменения. О деградации, которая происходила с ней, следует сказать только, что эта прекрасная особа проходила в обратном порядке стадии жизни всякой смертной женщины. Из девушки она превратилась в длинноногую девочку-подростка, затем в смешного,

агукающего младенца, а потом обрела форму, которая была у нее в материнском чреве. В конце концов от самой милой иллюзии, которую Джеральд видел в Зеркале Кэр Омн остались две розовые фигурки в виде мягкого, пульсирующего яйца и похотливо снующего вокруг него головастика, которые постепенно растаяли в лунном сиянии Священного Зеркала Кэр Омн.

Но это было не все. Жены Глома, Храм Зеркала и все, что окружало Джеральда, подернулось рябью. Все материальные предметы казались теперь росписью на тонкой газовой ткани, колыхавшейся и двигавшейся от легкого дуновения. Очертания жен Глома вытянулись и потускнели: они выглядели, как тени женщин в лучах чудесного солнечного заката. Затем чудно окрашенные тени потянулись к зеркалу и вошли в него, подобно тому, как дым втягивается и улетучивается в открытое окно. Затем за ними последовал весь Храм, как будто окрашенные потоки вливались в отверстие. Зеркало поглотило все. Кэр Омн исчез; страна Дэрсам стала опустошенной, обезлюдившей землей. Наконец, поблекшее стекло замерцало, семикратно появляясь и исчезая, подобно зарнице, и зеркала не стало.

Джеральд стоял в одиночестве на тенистой кедровой аллее. Он горько рыдал. Его глубочайшие поэтические чувства были затронуты прекраснейшей идеей – мыслью о том, что он всю жизнь любил эту женщину и только что потерял ее навсегда. Но неподалеку от Джеральда стоял избежавший участи быть принесенным в жертву жеребец и мирно щипал траву.

Часть V

Книга Литрейи

Снег хочешь – жарь, а хочешь – вари; все равно получишь воду

Глава 15

Застолье у Тенхо

Джеральд верхом на жеребце Калки проследовал по кедровой аллее в царство Долгоноса. Ему сказали, что эта страна называется Литрейя. Но и здесь всех одолевало уныние, атмосфера была элегическая, ибо повсюду люди оплакивали бодрость, веселье и радость жизни, которая покинула их носы, так как все люди в Литрейе утратили способность к обонянию и не могли использовать свои носы каким-либо другим обычным способом.

– Ну что ж, полагаю, вы проводите меня к вашему королю, – сказал Джеральд, – поскольку, может быть, я смогу оживить радости, утраченные здесь из-за насморка.

– А кто же это, скажем мы ему, прибыл в Литрейю – с рыжими волосами и на спине этого огромного, дивного коня с великолепным носом?

– Скажите своему царю, что эту страну почтил своим посещением Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей, в своей ужасной ипостаси свершающий путь в предназначенное ему царство Антанское верхом на знаменитом серебристом жеребце Калки, звере, у которого, в строгом смысле, нет носа, но есть только ноздри на кончике его длинной, благородной морды.

Они, казалось, тоже не были потрясены.

– Ни один бог не имеет ужасной ипостаси, кроме Священного Носа Литрейи. Не признаем мы и никакого царства, кроме него. Тем не менее вы можете пойти с нами.

– Честное слово, – подумал Джеральд, – в этих краях люди совершенно неподобающим образом обращаются с нами, божествами, и немногим лучше, чем еретики.

Но он безропотно пошел с этими чрезмерно скептически настроенными личностями к их королю Тенхо.

Тенхо принял Возлюбленного небожителей более любезно. Однако сначала важный, седобородый король разделил с божественным гостем великолепный обед, услужливо поданный им десятью пажами в горностаевых мантиях и сенешалем, облаченным в платье из ярко-красного шелка. Только когда обед был окончен и оба они уселись вместе, попивая приправленное пряностями вино, король стал рассказывать о своих бедах. Тенхо поведал, что нос его стал отвислым и дряблым. Ему больше не поклонялись.

– Это было во всех отношениях прискорбно, – сказал король, снова наполняя свой кубок, – поскольку его народ поклонялся Носу, и не уважал ни одного существа мужского пола, у которого не было большого, высоко задранного, могучего и мясистого носа.

Джеральд был слегка озадачен, так как ему казалось довольно странным, чтобы кто-нибудь страдал таким недугом, если только он не был вызван колдовством ведьм. Но Джеральд воздержался от комментариев. Он спросил только, каким образом возникла такая печальная ситуация.

Ему было сказано, что всякая молодость и сила покинула Священный Нос Литрейи, нос Тенхо и носы всех мужчин в королевстве из-за губительных чар колдуньи, которая недавно поселилась в гробнице короля Петра Строителя.

– Именно там, – сообщил Тенхо, – хранится закрытое покрывалом Зеркало Двух Истин; но даже этого, кажется, не боится колдунья.

– И я тоже, если угодно, ибо я – Князь Третьей Истины. Что ж, совершенно очевидно, что эта женщина – ведьма.

– Наверное, вы правы. Признаюсь, такая ужасная догадка не приходила мне в голову.

– Только мы, боги, всезнаючи, мой дорогой Тенхо, – снисходительно ответил Джеральд. – Поэтому простому королю не следует стыдиться своей человеческой слепоты.

– Да, должен сказать тебе, до сего момента я даже не слышал о ведьмах.

– Тебе повезло. Чем меньше кто-либо слышит об этих тварях, тем лучше для него. Итак, как зовут эту женщину?

– Ее зовут Эвайна, – ответил Тенхо, – а еще ее зовут Хозяйкой Гробницы Петра, после того как она ею завладела.

Тогда Джеральд осушил четвертый кубок, икнул и сказал:

– Твой случай, дорогой друг, хотя и сложный, но не совсем безнадежный. Ибо я принес с собой юность, и я оживлю ваши увядшие носы. Я знаю достаточно, чтобы справиться с любой ведьмой. Я даю вам свое божественное слово, что вы избавитесь от этой ведьмы. Да, Литрейя будет очищена от ведьм, даже если для того чтобы снять ее сглаз, мне придется строить ей глазки.

– Будь так любезен, – сказал несколько сбитый с толку Тенхо, – повтори то же самое, только помедленнее.

Джеральд выполнил его просьбу, а затем продолжил:

– Да, клянусь тебе самой священной клятвой наших Диргических небес – клятвой, известной только богам, поэтому, мой милый друг, я надеюсь, ты простишь меня за то, что я не буду произносить ее вслух – клянусь, что и эта ведьма и зеркало будут подвергнуты моей божественной инспекции.

– Да, но я должен тебе сказать, – ответил Тенхо, выглядевший еще более встревоженным, – что тот, кто посмотрит прямо в это зеркало, будет превращен в два камня. Поэтому оно спрятано в гробнице Петра и накрыто покрывалом. Конечно же, ни один человек еще никогда не осмеливался даже приблизиться к нему.

– Тогда, откуда же вы знаете, что зеркало превращает человека в пару камней, если никто еще никогда не осмеливался к нему подойти?

– Да, но зеркало вынуждено превращать людей в два камня, потому что таков закон. Это вовсе не вина зеркала. Конечно же, ты, кто божественен, всезнающ и уже достаточно пьян, чтобы у тебя начало двоиться в глазах, это хорошо понимаешь.

– Насколько я могу судить, исходя из твоих объяснений, зеркало невиновно перед лицом неумолимых законов физики. Боги также не подчиняются закону природы, которым подвластны люди.

– И люди держатся подальше от зеркала, потому что знают этот закон. Неправда ли, это тоже весьма естественно?

– В некотором смысле, да. Но как они могут быть уверены, что этот закон действует?

– А что они могут поделать? Как может кто-либо не знать один из наших древнейших и самых известных законов, который пришел к нам из источников столь возвышенных и почтенных, что они старше самой истории.

– Кто же, в таком случае, установил этот закон?

– Откуда же мне знать, если, как я уже сказал, этот закон древнее, чем любая писаная история.

– Но в тысяче фунтов закона не найдется и унции удовольствия, и существует слишком много законов, – сказал Джеральд, уныло склоняя свою рыжую голову над золотым кубком. – Законы бывают писанные, неписанные, международные, военные, морские и церковные. Есть закон среднего числа, салический закон, закон Гримма об превращении согласных. Существует еврейский священный Закон, призовой закон, есть некий Джон Ло, который первым стал разрабатывать природные богатства

Миссисипи, а также Вильям Ло, который был великим мистиком. В логике есть законы мышления, так же как в астрономии, физике и политэкономии есть хорошо известные законы Кеплера, Прево и Грешэма. In fine, законы существуют везде, и очень часто они представляют собой досадную помеху. Тот, кто обращается к закону, теряет время, деньги, покой и друзей. Закон – это лотерея, закон – это бездонная яма, закон – это осел, который всех бьет хвостом по лицу. Поэтому очень может быть, мой дорогой друг, что в мире, столь переполненном законами, твой закон избыточен и поэтому ложен.

Но логика Джеральда не убедила Тенхо. Он возразил:

– Я знаю не больше твоего о том, о чем ты говоришь. Но я знаю, что, – тут Тенхо мрачно икнул, – суть от этого не меняется.

– Это верно, – согласился Джеральд, – ничто не меняется.

– Поэтому зеркало будет превращать в пару камней каждого, кто в него посмотрит, хотя я и не знаю, как это повлияет на стоимость коробка спичек в аду, потому куда будет существовать такой закон, ни один человек не посмотрит в это зеркало.

– Однако ответьте мне на один простой вопрос! Если некто интеллигентный и не суеверный посмотрит в это зеркало и вернется назад не превращенный в камень и ни в каком отношении не потерпевший ущерба, докажет ли это вам абсурдность такого закона?

– Разумеется, нет! Это докажет только то, что человек – лжец. Очевидный факт, что он не был превращен в пару камней, в любом из наших судов и в любой уважающей закон стране будет законным доказательством того, что он никогда не смотрелся в Зеркало Двух Истин.

– Что ж, отлично! – сказал Джеральд. – Нет, спасибо, дорогой друг, больше ни капли! Пойдемте в храм! И давайте поддерживать друг друга под руку, а то ваше прекрасное вино, кажется, ничего не делает вполне отчетливым.

Глава 16

Священный Нос Литрейи

Тогда важный, седобородый король и рыжеволосый бог пришли к Храму Священного Носа, они вступили в него рука об руку в сопровождении королевской свиты. А когда они приблизились к алтарю, навстречу им вышла жрица с ктеисом, то есть большим медным гребнем в руке, который она протянула Тенхо. Король взял его, разделил ее волосы посередине пробором и произнес Заклинание Входа.

Тенхо сказал: «Я вхожу, гордый и прямой. Я беру источник моего наслаждения властно, бездумно, и никто не карает меня...»

– Пока что, – ответила главная жрица.

– Но через три месяца, – сказал Тенхо, – еще через три месяца, и еще спустя три месяца неизбежно придет мститель и будет смеяться надо мной, принимая мой видимый облик и подражая моим действиям.

По завершении церемонии все они проследовали в святая святых, и три жрицы подвели Джеральда к стоявшему там съездившемуся и сморщенному идолу.

Джеральд присвистнул.

– И вы зовете это... носом? – спросил Джеральд.

– Именно так, сударь, – ответила жрица. – Как и все прочие хорошо воспитанные люди.

– Но я бы, скорее, сказал, что это совсем другой орган, – заметил Джеральд, обыкновенный цвет лица которого теперь подвергся осязательному воздействию прекрасного вина Тенхо.

– Это не в наших обычаях, – ответили ему.

– Тем не менее, – сказал Джеральд, важно покачивая своей рыжей головой, – тем не менее в писаниях Протестантской Епископальной Церкви сказано, что как корабль в бурлящей пучине морской управляется

малым кормилом, так и человек в море житейском руководствуется маленьким членом.

– Но, сударь... – сказали они.

– И об этом члене отцы апостольские невысокого мнения. Этот член портил девственниц, его завоевания запятнаны кровью, о нем сожалеют вдовы, и он обманывал мудрейших и старейших из людей. In fine, красный цвет стыда, присущий этому члену, вполне подходит к его нечестивой истории.

– И все-таки, сударь, – отвечали они.

– Это член, переполненный гордыней и дикостью. Справедливо сказано, что всякий зверь, птица, пресмыкающееся и тварь морская могут быть приручены человеком; но ни один человек не может укротить этот член, ибо то член неуправляемый, безжалостно преследующий добычу свою; непокорный член, выдающийся повстанец; член, полный смертельного яда.

– Тем не менее, сударь... – сказали они.

– Поэтому член, выставленный здесь, не достоин поклонения. И не подобает вам в Литрейе почитать это сморщенное подобие языка, хотя вы и называете его носом.

Они ответили:

– Что наверху, то и внизу, сказал величайший мистик. Вы должны понять, сударь, что хотя во всем, что вы говорили, много благочестия и широкой эрудиции, однако «нос» имеет свои дополнительные значения в языке и свое четкое соответствие в анатомии.

– Я совершенно не понимаю смысл этого изречения, и не вполне разумею, что вы хотите сказать. Просто я знаю, что в соответствии с речениями Святого Иакова Праведного и согласно писаниям Протестантской Епископальной Церкви, этот орган называется языком. Но я признаю, что этот язык, который ваши языческие предрассудки заставляют вас называть носом, находится в очень плохом состоянии. Однако я дал божественное слово Светловолосого Ху, Помощника и Хранителя, что спасу и сохраню этого идола. Итак, давайте посмотрим, что тут можно сделать.

Затем Джеральд смочил кончик пальца каплей влаги из Океанической Пены и начертал на сморщенном идоле Литрейи тот же знак, который Хозяйка Первой Водной Стоянки изобразила у него на лбу.

Он преобразился. Его вялость исчезла, он быстро становился все краснее. Причудливо переплетенные и извивающиеся голубые вены набрякли на его блестящей поверхности, покрытой также множеством тонких капилляров, ярко красных и дивно ветвящихся. Он стал огромным, высоко стоящим, могучим и мясистым. Он пульсировал и подрагивал. Он стал горячим на ощупь, а его огрубевший хрящеватый кончик сиял властным багрянцем.

И в то же мгновение заклятие Эвайны было снято с Литрейи, и носы всех мужчин обрели свои прежние пропорции и силу. Повсюду, справа и слева, можно было видеть, как молодые парочки удаляются, чтобы заняться обонянием наедине. Девушки уже принялись вышивать свои носовые платки. А три жрицы стали орошать обновленного идола освежающими омовениями: они украсили его листьями индийского ореха, разложили перед ним цветы, благовония и приношения. Одновременно они распевали радостные песнопения в честь Священного Носа.

Тенхо, все старшие князья и вдовствующие княгини его двора преклонили колена. Один Джеральд остался стоять, столь же непреклонно, как и почитаемый в Литрейе идол.

– Дух этого языка я буду чтить гражданским образом, – сказал Джеральд.

– Но это не язык, – сказал король Тенхо уже несколько раздраженно. – Это Священный Нос Литрейи.

– Не стоит, дорогой друг, нестись на крыльях дурного настроения против писания и логики. Я чту этот член, повторяю я, гражданским образом. Лично я очень люблю поговорить. Но будучи членом Протестантской Епископальной Церкви и как уважающий себя член Диргической мифологии я отказываюсь поклониться этому своенравному и вспыльчивому члену человеческого тела.

Тут Тенхо поднялся на ноги и подошел к Джеральду. Важный седобородый король заговорил скорее с состраданием, чем с раздражением.

– Ты пожалеешь о своих словах. Ибо это тоже закон Литрейи. Однако проси все, чего пожелаешь за то, что возвратил силу нашим носам, и мы с радостью заплатим эту цену. Хотя за богохульства, которые ты произнес в этом Храме, Священный Нос вскоре потребует мзду, которую ни ты, ни кто-либо другой не заплатят с радостью.

Джеральд ответил:

– За обновление ваших носов, и как умиротворяющую жертву и приманку для проклятой ведьмы в Гробнице Петра вы дадите мне черного петуха.

– Но что такое петух? – спросил Тенхо.

– Ну, петух – это глашатай рассвета, отец омлета, порция куриного счастья и самец вида *Gallus Domesticus*.

– Мы не называем так самца этой птицы...

– Нет, – согласился Джеральд, – но должны так называть. А поступать иначе – это совершенно не по-американски.

– Но почему же вы, американцы, называете эту птицу петухом, когда всем известно, что все птицы, кроме страусов и казуаров, могут сидеть на насесте, и поэтому всякая летающая птица – петух.

– Ну, я признаю, что мы не задумываемся над этим, как задумываетесь вы, в Литрейе. Я признаю, что слово петух не имеет второстепенных значений и соответствий в анатомии. И у нас, в Америке, принято называть эту птицу петухом, подобно тому, как у вас есть обычай называть ее носом.

– Но мы называем его носом, потому что это и на самом деле нос. Это, как я уже много раз тебе говорил, Священный Нос Литрейи.

Упрямство жителей этого королевства привело Джеральда в полное отчаяние.

– Раз так, то если хотите знать правду... – сказал он.

И он начал рассказывать им правду о языке, как она ему представлялась. Но его мнения по этому вопросу были потеряны для истории в силу того обстоятельства, что ни один из его слушателей не удосужился их записать.

Напротив, его слушатели содрогнулись. Они дали ему черного петуха и выпроводили его из храма. Вот так получилось, что Джеральд, в начале своего странствия отказавшийся принести присягу Колеос Колерос, теперь нанес оскорбление Священному Носу Литрейи.

Глава 17

Эвайна из Гробницы Петра

Джеральд верхом на серебристом жеребце, с петухом под мышкой направился к древней, обросшей мхом Гробнице короля Петра Строителя. С интересом, естественным для всякого знатока магии, Джеральд отметил посвятельное древо, которое росло у могилы. Он еще раз задумчиво присвистнул. Затем он направил своего коня к искусно покрытому резьбой и росписью стволу, стоявшему в вечной эрекции у дверей гробницы, и вошел внутрь.

Внутри просторная гробница освещалась девятнадцатью железными фонарями, свисавшими с потолка. Джеральд сразу же увидел большое четырехугольное зеркало, завешенное покрывалом телесного цвета. Перед ним дымилась жаровня, а рядом с ней стояла женщина. Слева от нее располагалось широкое ложе, а справа – позолоченное корыто, наполненное фиговыми листьями. Эти листья женщина разминала и рвала на мелкие кусочки один за другим, а затем бросала в жаровню.

Она услышала вежливое покашливание Джеральда и обернулась. И Джеральд был восхищен.

Ибо Эвайна из Гробницы Петра была так хороша собой, что превосходила красотой всех женщин, которых ему приходилось видеть. Цвета обоих глаз прекрасной молодой девушки замечательно

сочетались, а ее нос располагался точно между ними. Под этим находился ее рот, и еще у нее была пара ушей. Девушка была молода, у нее не было никаких уродств, и влюбленный взгляд молодого человека не мог обнаружить в ней никакого недостатка. Впрочем, она странным образом напоминала ему кого-то, кого он знал раньше, но природная сообразительность Джеральда вскоре помогла ему отгадать загадку. Эта женщина напоминала ему Эвелин Таунсенд.

Но это было еще не все. Теперь он видел, что эта женщина была, как он и подозревал, Духом Лисицы, ибо от Эвайны из Гробницы Петра исходила ее магическая сила – сила, которая повелевает всеми животными. С легким весельем он заметил, что ее атаки действительно весьма интересны.

– Ведь это же животная магия, – размышлял он. – Это грубая, примитивная магия ведьм, которая сводит с ума людей и других животных в период спаривания, лишая их самоконтроля. Эта магия почти убеждает меня в том, что я – сгусток клеточного вещества, который вскоре станет удобрением. Да, моя жизнь в этот самый момент тоже кажется всего лишь незавидным кратким периодом неутоленных желаний и несбывшихся надежд, как жизнь простого смертного. Я тоже кажусь простым человеком, идущим из ниоткуда в никуда. Под воздействием этой низкой магии плоти я снова испытываю то продолжительное тайное одиночество, которые люди в Личфилде, как и повсюду, называют жизнью. Как я хотел бы забыть о бренности и тленности моей жизни. Мне приходит в голову безумная мысль, что обрести такое забвение можно, если привести облегающую меня кожу в поверхностный контакт с аналогичной животной материей, в которой прячется этот Дух Лисицы... Да, я как будто одурманен желанием; я очень быстро становлюсь добычей неодолимого, так сказать, очарования этой Лисицы. И я нахожу небезынтересным наблюдать, как эта примитивная магия, которая погубила такое множество людей, ныне нечестиво выходит за пределы своих полномочий, посягая на божество, и как это неразумное волшебство пытается обмануть даже меня, Спасителя и бога Солнца.

Такие мысли мелькали в голове у Джеральда, пока он громко произносил: «Добрый вечер, мадам!»

Эвайна Лисица, не отвечая ему прямо, вынула из-за пазухи белую жемчужину размером с апельсин. Она подбросила ее в воздух и снова поймала. Джеральд догадался, что это была ее душа, но воздержался от комментариев.

Он протянул ей птицу и сказал, как полагается: «Покорнейше прошу вас принять моего петуха».

– Но как это вы назвали, – спросила ученая Эвайна, – этого прирученного потомка дикой курицы Банкива, ареал обитания которого находится в Северной Индии, от Синда до Бирмы, в Китае, и на многих островах Малайского архипелага вплоть до Тимора, а также на Филиппинах?

– Ну, в Соединенных Штатах Америки, мадам, мы для краткости и по множеству других причин называем эту птицу петухом.

– Плиний Старший, знаменитый древнеримский натуралист, родившийся в 23 г. н. э. и погибший в 79 г. н. э. во время извержения Везувия, – ответила Эвайна, – справедливо заметил, что каждый народ имеет свои обычаи.

Затем Эвайна ловко отхватила голову петуха ритуальным топором и, обратившись на восток, трижды произнесла необходимое заклинание. Вошел некто в алом камзоле, желтом жилете и коротких зеленых штанах. Голова у него была как у мастифа, только с двумя рогами и ослиными ушами, а ноги и копыта – как у быка. Именно он и забрал петуха, которого Джеральд принес для повелителя Лисьего Духа в качестве умиротворяющей жертвы и приманки.

Джеральд улыбнулся и вежливо пожал руку Эвайны, ученой Лисицы.

– Я – бог, – сказал Джеральд.

Она ответила:

– Я служу всем богам. Я почитаю все роды тех божественных существ, чье существование ученые считали плодом различных физических, этических, исторических и этимологических заблуждений, возникших в результате гомонимии и полионимии. Но за свое благочестие я требую гонорар.

– Какой гонорар?

Она объяснила ему. И пока Эвайна рассказывала, она подступала к нему все ближе и ближе, а она была чрезвычайно привлекательна. Если бы она не начинала все больше и больше напоминать Джеральду Эвелин Таунсенд, он был бы не в силах устоять.

– Ну что ж, прекрасно! – охотно согласился Джеральд. – Ты получишь свой гонорар завтра утром, если не передумаешь и не попросишь более ценной награды.

И тут же добавил:

– Мадам, вы меня неправильно поняли!

Затем, посредством тщательно подобранных выражений он поставил их отношения на более благопристойную основу.

Эвайна-Лисица рассмеялась. Она заявила, что когда божество проявляет такую бесчувственность, это так же удивительно, как Семь Чудес Света, а именно:

Египетские пирамиды,

Висячие сады Семирамиды,

Мавсолей,

Храм Дианы Эфесской,

Колосс Родосский,

Статуя Зевса работы Фидия,

Фаросский маяк в Александрии.

Но она знает, продолжала Эвайна, что может довериться ему...

– Не стоит себя утруждать! – сказал Джеральд. – Даже не нужно отдавать мне все. Нет, мадам, я вам не советую, потому что, я вынужден подчеркнуть, вы при вашей неувядающей юности и необъятной учености на несколько тысяч лет старше меня в моем настоящем воплощении. В сравнении с вами я – просто мальчишка. А для мальчика часто великое несчастье, настоящее проклятье ответить взаимностью на великодушное доверие и любовь женщины, которая гораздо старше его самого. Это нездорово. Это – не по-американски.

– Неужели это не соответствует обычаям континента в Западном полушарии (который впервые был назван Америкой Вальдземюллером, учителем географии в колледже Сан-Диего в Вогезе, в трактате «Космография» опубликованном в 1507 г.), если я люблю тебя так сильно, что хочу хотя бы просто прикоснуться к тебе и быть рядом с тобой?

– Нет, мадам, сожалею, но это универсальный обычай. Кроме того, я не конкретно вас имею в виду. Я имею в виду только тех женщин, сударыня, которые, как и вы, и я, знаем, охотятся за юными мальчиками. С этой целью они используют до последней крупинки все свое доверие и великодушие. Многие сухие, черствые, циничные мужчины потеряли веру во все святое и доброе в раннем детстве благодаря доверчивости и великодушию той или иной женщины средних лет и из-за ее последующих упоминаний о том, сколь многим он ей обязан.

– Возможно, ты высказываешься ясно – а ясность есть главное достоинство речи, как говорил Квинтиллиан, родившийся в Испании около 25 г. н. э. и умерший около 95 г. н. э., которому оказывали покровительство Веспасиан и Домициан – но я определенно не поняла ни слова из того, что ты сказал.

– Однако, – продолжал Джеральд, – когда между мальчиком и старшей женщиной существует прекрасная, чистая дружба, это ценнейший и полезнейший опыт в его жизни. Подобная дружба представляется мне прекрасной идеей. Старшая женщина – особенно когда она старше на много тысячелетий – может научить его понимать женщин так, как не может даже мать с ее поверхностными знаниями, накопленными в течение каких-то лет пятидесяти. Она может вдохновлять его и руководить им. Она может разжечь его амбиции. Она может воодушевить его. Она может дать ему во всех отношениях либеральное образование.

– Определенно, я никогда не успею освоить вашу американскую манеру высказывать такое

количество банальностей – от французского banalite, что значит «обыденная, избитая истина, плоскость, пошлость» – если попытаюсь все это сделать.

– Ах, но наши уроки должны быть исключительно устными; уберите, пожалуйста, от меня, мадам, ваши маленькие ручки. Вот так гораздо лучше!

– Лучше все-таки позволить упрямому человеку поступать по-своему – изречение, приписываемое Периандру, древнему мудрецу и тирану Коринфа в шестом веке до н. э. – если уж ты решил заплатить мне мой гонорар ни за что, – довольно сердито сказала Эвайна.

Но Джеральд и не думал делать ничего подобного. Но поскольку объяснять его истинные намерения было бы неловко, он предпочел о них умолчать.

Потом Джеральд принялся расспрашивать ученую Лисицу. Она охотно разъяснила ему законы Литрейи и описала корзину, в которой они были найдены. Она подробно рассказала о том, как эти законы были дополнены коллегией повивальных бабок и каменщиков. Она рассказала о проклятии, которое она наложила на Литрейю. Она говорила о Тенхо, о том, как в ранней юности он получил имя Тенхо Долгонос, и привела замечательную статистику. Потом она рассказала о ветре в межзвездном пространстве, о величии Древней Греции, о выборе, который сделал Гобсон, о сундуке Дэви Джонса, о причинах вулканической активности, о яйце курата, о лучших средствах против облысения. Ибо никакие сведения не были тайной для Эвайны, которая знала все и служила всем богам.

– Я вижу, ты обладаешь знанием, и твои мысли интересуют меня чрезвычайно, – сказал Джеральд. – Какие еще сведения хранятся на складе твоего всеведения?

Он все время поглядывал в сторону Зеркала Двух Истин. Но он, разумеется, и словом не обмолвился о зеркале. Сейчас его задача состояла в том, чтобы заманить эту ученую и злобную тварь в смертельную западню.

Ибо Лисица, как видел Джеральд, продолжала заниматься примитивным колдовством ведьм, которое сводит мужчин с ума, и теперь она рассуждала о все более и более опасных материях, которые вполне могли привести Джеральда в бешенство. Она говорила о битве жизни, о пиршестве разума, об иронии судьбы и колесе фортуны. Она затронула тридцать земель, невзгоды и сокрушенные лица. Она рассуждала о жестоком заточении, скоротечных и мимолетных часах, о долгожданной смерти, о тусклом свете веры и о жаре, которая не была сыростью. Она упомянула Гилеадский бальзам, место под солнцем и что один в поле не воин. После этого она дала краткие рецепты – как сделать гору из кротовей норы, как попасть пальцем в небо и как получить добродетель из необходимости.

Ибо ни одна разновидность дьявольских фраз не утаилась от мудрости Эвайны, которая знала все, служила всем богам, и которая теперь намеревалась испытать на Джеральде магию ведьм, лишаящую мужчин рассудка.

Но Джеральд лишь улыбался, чуть ли не с одобрением. Эта женщина все больше и больше напоминала ему Эвелин Таунсенд, и никогда еще его сердцебиение не было таким ровным.

– Я вижу, мадам, вы обладаете большими познаниями и завидным словарным запасом, который им служит подспорьем. Поэтому, мадам, меня, как божество, гораздо более интересуют ваши знания, чем ваши весьма лестные предложения иного сорта.

Теперь настала очередь Джеральда говорить. И он поведал ошарашенной Лисице, что он – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный небожителей, очень могущественный бог, временно утративший свою мифологию. Он рассказал всезнающей Лисице – которая знала все, за исключением только того, как и когда ее знание найдет свой конец, – о приключениях Джеральда в течение весьма насыщенных двадцати четырех часов, минувших с тех пор, как он покинул Личфилд.

И теперь она смеялась над его тупостью. Ведь всезнающей Эвайне сразу же стало ясно, что Светловолосый Ху, Помощник и Защитник, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей был культурным героем вроде Кетцалькоатля, Кагна, Осириса или Диониса. Все они были ее старыми знакомыми; она знала их как свои пять пальцев, сказала она, ибо каждый из них по пути в Антан

останавливался погостить у нее, служительницы всех богов. Эвайна, как никто другой, сумела бы распознать культурного героя, как только бы она его увидела.

В любой мифологии присутствует один из таких человеколюбцев, рожденный от загадочной и возвышенной расы (подобно тому как Джеральд родился в Соединенных Штатах Америки); этот филантроп обычно звероподобен, как пояснила ученая Лисица, приходит в обличье осла или какого-нибудь другого животного к стоящим на низшей ступени развития людям, чтобы научить их новым странным искусствам и таинствам, одарить их всевозможными культурными изобретениями и благосостоянием, подобно тому как Джеральд облагодетельствовал народы Дэрсамы и Литрейи и намеревался облагодетельствовать Антан.

Далее она подчеркнула, что быть культурным героем – это вполне по-американски. Возьмем, к примеру, Кетцалькоатля. Она также совершенно отчетливо припомнила Йетля – потому что у этого гостя в облике птицы был тяжелый характер, – Пошайанкайю, Койота, Эсавгету и еще одно забавное индейское божество (имя его она позабыла), которое путешествовало инкогнито в обличье крупного паука. Ведь все эти культурные герои американских аборигенов посетили Эвайну по пути в Антан, и каждый из них был как бы в старшем поколении соотечественником Джеральда.

– В свете вашей могучей логики, мадам, я признаю, что помимо того, что я являюсь Спасителем и богом Солнца, я, весьма вероятно, еще и культурный герой.

– Но неужели тебе неизвестно, о милое, неотзывчивое, холодное дитя, – сказала Лисица, на этот раз выражаясь гораздо проще чем до сих пор, – что в любом случае все мифологии управляются Магистром Филологии, и поэтому только он один может сказать, к какой из них и в каком качестве ты принадлежишь.

– Как вы туманно выражаетесь...

– Я хочу сказать только, что рано или поздно все боги, кроме Колеос Колерос и высокостоящего Священного Носа, приходят в Антан.

– Да, потому что, как мне объяснили в Кэр Омне, Антан – это рай для всех отставных богов, где они почивают от трудов своих праведных.

Но Лисица только печально покачала головой:

– Я бы, определенно, так не сказала.

– Но ответьте мне на этот очень простой вопрос! Что там с ними происходит? Что там случается со всем, что люди считают самым прекрасным и наиболее достойным поклонения?

– Как можно сказать, если ни один бог никогда не возвращался? Известно только, что так или иначе, всеми богами, которым служили люди (за исключением двух высших божеств всех млекопитающих – класса позвоночных, в который входят грызуны, теплокровные четвероногие, тюлени, киты и сирены), распоряжается Магистр Филологии.

У Джеральда вытянулось лицо.

– Из ваших слов, мадам, следует, что моему предшественнику на Антанском престоле недостает благочестия. Вы намекаете, что у творения нет подлинного религиозного чувства. Эту ошибку мне придется исправить, когда я свергну его с трона и овладею всеми величайшими и наилучшими заклинаниями.

– Чтобы сделать это, мой малыш, требуется сила, которую не проявляло еще ни одно божество из миллионов и миллионов богов, которым поклонялись люди со времен младенчества Кроноса – олицетворения Времени у греков, обычно изображавшегося с серпом и песочными часами в руках.

– Да, сударыня, но ведь я одновременно культурный герой, бог Солнца и Спаситель, и поэтому должен быть особенно могущественным божеством. И кроме того, мадам, из того, что вы рассказали... Нет, в самом деле, кажется весьма возможным, что этот Магистр Филологии нанес убытки Диргической мифологии, к которой принадлежу я сам! Ни одно божество не может спокойно выносить такое обращение, и поэтому мой божественный гнев удвоит мою силу.

– Но все-таки... все-таки ты – милый, красивый и тщеславный ребенок!

Эвайна замолчала. Она смотрела на него чуть ли не с состраданием, и Джеральд почувствовал, что никогда не привыкнет к тому, как легкомысленно люди повсюду в окрестностях Антана жалеют высших

богов. Они относились к ним довольно-таки дружелюбно, но соболезнавание там, где было бы уместно уважение, отдавало безбожием.

Джеральд содрогнулся. Он сказал:

– Поэтому я буду неумолим. Я заставлю его ввести Диргическую мифологию в общий оборот после того, как он полностью возместит весь нанесенный ей ущерб. А затем я вдобавок к престолу получу свой законный статус культурного героя, бога Солнца и Спасителя в этой мифологии. Итак, этот вопрос, в сущности, решен; теперь мы можем заняться другими делами, и в обмен на великодушную помощь, оказанную твоей мудростью, я сложу в твою честь сонет.

– Это прекрасный сонет, – состоящий из четырнадцати десятисложных строф, выражающий две последовательные фазы одной мысли или чувства, – сказала Эвайна-Лисица, – и я горжусь, что послужила для него источником вдохновения.

– Ты забываешь, что я еще не прочел сонет, – ответил Джеральд. – Сейчас я прочту его.

И прочел.

Однако голос его так дрожал от избытка чувств, что, закончив восьмистишие, Джеральд замолчал, так как был не в силах сопротивляться красоте возвышенной мысли, когда она столь адекватно выражена в безупречном стихе. Итак, мгновение он стоял в молчании.

Джеральд взял прекрасные руки Эвайны-Лисицы и, прижав их к своим дрожащим губам, заметил, что эти руки пахнут как сохнувший на солнце хмель. Он крайне сожалел о том, что дал обещание Тенхо. Ему казалось, что между всеми женщинами, которые украшали окрестности Антана, и в некотором смысле, между их интимными отношениями со Светловолосым Ху, Помощником и Хранителем, существовало определенное сходство. Ему казалось грустным думать о том, что смерть ожидает такое количество красоты. Он находил совершенно ужасным предвидение, что он будет часто с сожалением вспоминать всезнающую Эвайну и ее отличные запасы полезных сведений, только потому что однажды он дал слово Тенхо и отнял у нее жизнь, прежде чем она смогла причинить еще какой-либо вред народу Литрейи.

Богам надлежит воздерживаться от любовных интриг, ибо только любовь может ранить бога, – дождливыми воскресными вечерами, или после того, как он выпьет чуть больше, чем следует, – ранить в тот неизбежный период упадка жизненных сил, когда возвращаются губительные воспоминания о его прежних, человеческих отрадах, таких милых, таких дорогих, и так быстро ускользнувших из его бессмертных рук, навсегда...

Отгнав эти промелькнувшие в его сознании мысли, Джеральд вздохнул и с глубокомысленным комментарием, что, поскольку это был сонет Мильтона, его собственное стихотворение начинается с той же сентенции, продолжил свою декламацию.

И когда он закончил, Лисица с удовлетворением вздохнула. Она авторитетно и подробно рассказала о главных вехах жизни Мильтона, о его основных произведениях и добавила:

– Этот прекрасный сонет – стихотворное переложение итальянского оригинала, впервые опубликованное сэром Томасом Вайаттом в 1557 г., и я горжусь тем, что послужила для него источником вдохновения. Это та разновидность поэзии, которая склоняет любую женщину довериться вам и отдать вам все в тот самый момент, когда вы заканчиваете декламацию. Итак, может быть ляжем в постель?

– Нет, Эвелин, не сегодня... прошу прощения, мадам, я, должно быть, немного рассеян. Я только хотел сказать, что если вы будете продолжать проявлять вашу женскую доверчивость и великодушие, вас придется жестоко выпороть розгами. Нет, сударыня, приношу вам свои извинения за то, что задержал вас так долго по причине наслаждения, которое я получал от столь поучительной беседы с вами, но вам лучше отправиться на покой. Я проведу остаток ночи в подобающем божеству отчуждении в этом очень удобном кресле.

Так он и сделал.

Глава 18

Конец Лисицы

Однако, когда Эвайна уснула, Джеральд тихонько встал с кресла. Он подошел к кровати. Очень осторожно он просунул руку между юных грудей Эвайны и незаметно достал загадочную белую жемчужину. Теперь он ждал, с состраданием глядя на эту действительно очень красивую девушку...

Но от его прикосновения ученая Эвайна-Лисица пошевелилась и лежала теперь на спине, слегка приоткрыв рот. Так спала Эвелин. И поэтому Эвелин храпела...

Джеральд вздрогнул. Он взял ритуальный топор.

Незадолго до рассвета он вышел из склепа и принялся рубить топором поминальное дерево. С первым же ударом из-под серой коры хлынула кровь, и Джеральд услышал крик боли. Джеральд посмотрел вверх. В дупле на древесном стволе можно было увидеть ребенка в голубых одеждах. Он выглядел как мальчик лет семи-восьми, покрытый веснушками, с растрепанными рыжими волосами и с единственным верхним передним зубом.

Мальчик жалобно стонал: «Богохульник восстал против Двух Истин; тщеславный глупец издевается над двойником, который выживает там, где гибнут все прочие; я лишаюсь жизни из-за его неразумия».

Джеральд опустил топор. Он дрожал. Его беспокоила любовь и глубокое томление, которые проснулись в его сердце. Он крепко стиснул кулаки. Он казался напряженным и испуганным, когда ожидал там, поглядывая искоса на мальчишку.

– Дитя, – сказал Джеральд, – чего ты хочешь, почему ты плачешь от страха за свою жизнь там, на поминальном дереве?

– Отец мой, я прошу жизни, которую ты не дал мне, жизни, которую ты мне обещал, жизни, в которой ты отказываешь мне, отрицая Две Истины.

– Я служу предназначенному для меня царству, дитя. Я не выполняю требования никакой иной истины и никакой любвеобильной женщины, которая хотела бы заставить меня отречься от этого царства.

– Отец мой, твоё царство – всего лишь неосязаемая мечта, а плоть моей матери – реальность.

– Моя мечта прекраснее любой женщины. О, сама неосязаемость её тоже прекраснее женского тела, ибо я знаю это тело слишком хорошо.

– Отец мой, ты отказываешься от наслаждения, которое вновь не испытаешь никогда.

– Я бог. Я следую моей божественной воле.

– Боги тоже преходящи, отец мой. Они уходят по дороге, по которой ныне идешь ты, и никогда не возвращаются.

– Так пойдем же, что нам мешает? Но ни одна женщина этого не допустит.

– Это потому что женщины, о отец мой, очень благоразумны.

– Может быть, и так. Но у богов бывают неразумные мечты. И это лучше.

– Для такой мечты, отец мой, вполне достаточно объятий какой-нибудь женщины, чтобы растаять.

– Вполне достаточно. Так обычно и бывает. Но я – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель. Я иду в предназначенное мне царство. И я – Князь Третьей Истины, могущество которой я должен беречь и хранить.

И Джеральд взмахнул топором... Когда ствол рухнул, ребенок исчез.

Потом Джеральд поджег дерево, и пока плясали языки пламени, он произнес необходимые заклинания, а в середину костра он швырнул странную белую жемчужину, которая была душой Эвайны. Из гробницы Петра Строителя выскочила Лисица, которая вопила и дрожала, но не оставляла попыток подойти поближе к огню. Она прыгнула в костер... Наступила тишина, и начался рассвет прекрасного

майского утра, омраченного только вонью паленой шерсти и сгоревшей плоти.

Тогда Джеральд вошел в склеп, из которого была изгнана всезнающая Лисица. Он бросил сентиментальный взгляд на разбросанную постель и прошел за жаровню, в которой еще дымились остатки фиговых листьев, к Зеркалу Двух Истин.

Возможно, не имел никакого значения тот факт, что всякий человек, посмотревшийся в зеркало, оказывался превращенным в пару камней. Что было действительно важно, так это то, какой эффект зеркало оказало бы на бога Солнца, Спасителя и культурного героя. Итак, он сорвал покрывало телесного цвета.

Глава 19

Под покрывалом

Но в два камня он не превратился. И никакого зеркала он не увидел. Под покрывалом телесного цвета он обнаружил только древнюю картину, выписанную тщательно, но в нечеловеческих масштабах, что делало изображение чудовищным. Что было изображено на картине, остается неизвестным, потому что Джеральд никому об этом не рассказывал.

Но известно, что, взглянув на картину, Джеральд кивнул.

– Бездарная мазня лукавого маляра! – заметил Джеральд. – О, никчемная картинка, которую такое множество глупых верующих в Литрейе считают Зеркалом Двух Истин! Я подвергаю сомнению твою арифметику. Ведь я сам – Князь Третьей Истины, хотя в настоящий момент и не имею ни малейшего представления о ее природе. Следовательно, я знаю, что существование не ограничивается двумя предметами, которые ты умножаешь. И я отрицаю, что их бесконечные поиски друг друга являются единственным смыслом жизни. Нет: я, по крайней мере, убежден, что мне суждено принять участие в чем-то более благодарном, более чистом и более достойном, в том, что, очень может быть, имеет непреходящее значение...

Джеральд оглянулся вокруг, чувствуя себя всеми покинутым. Здесь стало теперь так одиноко и неуютно. В склепе прямо под ним, как знал Джеральд, лежало все, что осталось от короля Петра и большей части его многочисленного семейства. Десятки и десятки весьма отвратительных предметов находились там: все, что осталось от великого завоевателя и принцесс, которые дарили ему наслаждение; все, что осталось от гордыни могучего героя, великих войн и красоты его многочисленных подруг.

– О да, может быть, – подумал Джеральд с некоторым раздражением, потому что он не любил, чтобы его посещали такие мысли, – может быть, я и ошибаюсь. Но это, кажется мне, еще одна причина, чтобы верить. Стоя здесь, в одиночестве, на останках такого множества совершенно незнакомых мне людей, я, разумеется, испытываю упадок духа. В этот самый момент мне кажется, что я, весьма вероятно, не являюсь ни Спасителем, ни богом Солнца, ни культурным героем, но всего лишь еще одним тупоголовым Масгрэйвом, которого ожидает смерть, а после смерти, возможно, забвение. Но, несмотря ни на что, верить в бессмертие даже обыкновенного Масгрэйва мне представляется более замечательной и привлекательной идеей, чем это бессмертие отрицать. По моему мнению, в идее собственной смерти нет совершенно ничего интересного. И кажется, что моя вера в бессмертие, лишенная каких-либо веских оснований, должно быть, просто вопрос личного вкуса. Сама скромность заставляет предположить, что верю я в это или не верю – это не относящийся к делу вопрос.

И еще Джеральд сказал:

– Поэтому, о, лишенная воображения картина, мне кажется, что я могу упустить свой шанс, если признаю, что все приходит к концу, даже весь сознательный опыт обыкновенного Масгрэйва. Я буду лучше играть с прекрасной идеей, чем с идеей, полностью лишенной очарования. Я предпочитаю верить в то, что я, по крайней мере, так или иначе призван принять участие в некоем продолжительном и величественном представлении – где-то, когда-то – в представлении, с которым связана какая-то третья истина, более возвышенная и более привлекательная с эстетической точки зрения, чем те единственные бессмертные

истины, которые известны нам здесь. Мы совокупляемся и умираем, и это – все? Может быть! Но может быть, и нет! Нужно, понимаете ли, иметь широкий взгляд на вещи.

Некоторое время он молчал. И эта, к сожалению, беспристрастная картина, и прочие предметы обстановки этого места определенно производили удручающее впечатление теперь, когда дьявольская ученость Лисицы более не оживляла гробницу. Тем не менее Джеральд высоко поднял голову.

– Да, каждый должен иметь широкие взгляды на такие вещи и всегда лелеять, хотя бы только как занятную и недорогую игрушку, эту острую мысль о том, что ты – бессмертен. Это и на самом деле необременительно, потому что, даже если эта мысль окажется безосновательной, нет никакого, ни малейшего риска, что над вашей доверчивостью будут смеяться, или что ваше заблуждение откроется. В то же время эта вера в ваше личное бессмертие и потенциальную важность является в некотором смысле стимулирующим средством. Она делает жизнь и само умирание выносимыми, а когда у вас выдаются свободные полчаса, дает вам возможность предаться занимательным спекуляциям... насчет этой возможной третьей истины, например.

Джеральд снова умолк. Ибо пока он невольно повторял стародавние способы самоубеждения, испытанные многими поколениями его предков, ему показалось, что он открыл новую грань в бриллианте прекрасной идеи, с которой он играл; и это Джеральда очень порадовало.

– И опять же, – сказал он, – опять же, это широко распространенное ожидание грядущего триумфа – где-то, на розовой арене, – за пределами всех неудобств смерти и невероятно бесстыдного искусства бальзамировщика, – триумфа, который станет вечным торжеством справедливости, разума, доброты и всех прочих канонических добродетелей, это ожидание грядущего торжества частенько побуждает многих людей предусмотрительно практиковать эти, как правило, благодатные добродетели.

Затем Джеральд сказал:

– Во всяком случае, оно способствует душевному благополучию, стабильности и миру на земле. Оно дает людям что-то, чем можно руководствоваться в жизни, поскольку обеспечивает законность и правопорядок во всяком человеческом сообществе. Оно ощутимо ограничивает присущую всем людям алчность и порочность, давая им возможность заниматься тем, что вполне безопасными способами приносит осязаемую выгоду.

И еще Джеральд сказал:

– Да, людям лучше верить в некую третью истину, которая откроется им после их физической смерти; и для меня совершенно очевидно, что всеобщая вера в бессмертие даже обыкновенных Масгрэйвов является, в силу того, что она очень удачно совмещает в себе функции наркотика и полицейского, приемлемым допущением. Наличие такой веры во всех отношениях желательно, вне зависимости от того, имеет ли она под собой какие-либо основания или нет. И если эта искусная живопись представляет всю истину целиком, то это всего лишь еще один довод в пользу того, чтобы не обращать на нее внимания.

Теперь, с таким уважением выслушав аргументы своей железной логики, Джеральд чувствовал себя вполне уверенно.

– По этим причинам, о глупое изображение Двух Истин, я отрицаю твое плотское значение. Будь я бог Солнца, Спаситель или всего лишь еще один тупоголовый Масгрэйв, ты для меня не представляешь никакой истины вообще. Я щелкаю пальцами в ответ на твой материализм, я ворочу свой нос от твоих непристойных анатомических штудий, и своей божественной ногой Князя Третьей Истины топчу твои древние узоры. Я делаю это, дабы провозгласить величие Третьей Истины. И я покидаю этого Петра и его Гробницу, чтобы отправиться на поиски предназначенного мне царства.

Вот так Джеральд снова нанес оскорбление Колеос Колерос и Священному Носу Литрейи.

Часть VI

Книга Туруана

Чем выше флюгер, тем легче поворачивается

Глава 20

Чудотворцы за работой

Джеральд продолжил свой путь верхом на коне Калки, которого Эвайна-Лисица этим утром так и не получила от него в качестве обещанного ей гонорара. И следующим местом, куда он пришел, и где он позавтракал, был Туруан. Это был небольшой вольный город, население которого занималось магией обоих цветов.

Вокруг него жители Туруана предавались своему искусству, и вполне естественно, что Джеральд, в когда-то изучавший магию, с интересом наблюдал за их деятельностью.

Первый повстречавшийся ему колдун лепил фигурку из воска, с которым был смешан елей и пепел освященной облатки. Другой колдун бормотал заклинания над толстой жабой, пойманной в сеть, сплетенную из золотистых волос какой-то несчастной, неотзывчивой женщины, которую вскоре должна была постигнуть весьма незавидная участь после того, как жаба будет погребена под порогом ее дома. Третий колдун склонился над костерком, в котором горели ветки кипариса, сломанные распятия и обломки виселицы. В руке он держал череп, наполненный красным вином, которое было сдобрено коноплей, жиром новорожденной девочки и маковым семенем. Его помощник, в обличье большого черного кота, лакал этот неаппетитный напиток.

Ни один колдун в Туруане не сидел без дела этим прекрасным майским утром. В этом маленьком, вечно-занятом городке, где все здания были изящно разукрашены звездами, пентаграммами, зодиакальными знаками, двумя видами треугольников, и где все уютно заросло жимолостью, аронником, черным маком и беладонной – повсюду в Туруане колдуны занимались всевозможными штудиями.

– Я, – сказал один из них Джеральду, – изучаю тайны, происходящие от Сатурна – этого холодного и одинокого Магистра великих злодеяний. Я обладаю особенной властью над всеми хлеборобами и нищими, над отцами и монахами всех орденов и над служителями Евангелия, над всеми горшечниками, шахтерами, садовниками и пастухами. Я знаю, как сделать людей завистливыми, жадными, мнительными, тупыми и упрямыми. Я могу поразить всякого, кого пожелаю, зубной болью, водянкой, меланхолией, проказой и геморроем по отдельности или одновременно.

Другой сказал:

– Я изучаю, как можно предугадать приближение любого несчастья и сгладить его последствия при помощи дыма, воска, стрел, яиц, мышей и изображений умерших людей; но более всего я преуспел, как вы можете видеть, с ослиной головой в жаровне на тлеющих углях. А мой наставник – не какой-нибудь кривоногий чумазый евнух, а сам Леонард, Великий Магистр Шабаша.

– Я, – сказал третий, – основал в Туруане Большой Балаган, ибо мой наставник – Баалберит. Поэтому я занимаюсь всеми родами неслыханного, тайнами, веселыми розыгрышами, мистификациями и выдумками...

– Но для чего может пригодиться твое знание? – спросил Джеральд.

– С его помощью, сударь, те, кого удостоит своей милостью мой повелитель Баалберит, Магистр Альянсов, могут сделать реальным грех, совершенный во сне; они могут открыть двери любой темницы, спальни или канцелярии; могут поразить мужа постыдной болезнью; могут возбудить в блудницах и женах пламенные страсти; могут увеличить свои естественные размеры на семь мер вот здесь и на три дюйма вот тут; могут сделаться невидимыми и неуязвимыми; могут принимать облик кота, зайца или волка; могут

собирать змей и разговаривать с ними; могут... – тут колдун откашлялся, – и могут совершать еще пять полезных, экстравагантных и подлинных чудес.

Но Джеральд пожал плечами.

– Эти науки вполне хороши для колдуна, и я думаю, что любознательный человек мог бы приобрести в Туруане немало полезных сведений. Но я – бог, идущий в предназначенное ему царство, к овладению тайнами, гораздо более насущными, чем любая из этих. Ведь ваше искусство – это черная магия, которая вредит, но не приносит пользы; ваши наставники – демоны, а вы занимаетесь только вредительством и порчей.

– В таком случае, сударь, вам больше придется по душе заклинатели, которые живут в другом конце города. Ибо у этих заклинателей нет никаких наставников, кроме беспокойства, рухнувших надежд и бессилия. Они не получают прямой поддержки от преисподней, но черпают свои знания из каких-то не столь древних духовных источников. И они творят все свое волшебство, как оно есть, при помощи слов.

– И что дает магия этих самых заклинателей?

– Она дает, сударь, приятное чувство равенства с вышестоящими, как только на то появляется хотя бы малейшее основание.

– Я нахожу ваши слова туманными. Тем не менее я нанесу визит этим заклинателям.

И он продолжил свой путь.

Глава 21

Закутанные в одеяла

Итак, Джеральд пришел к заклинателям, которые творили все свое волшебство посредством слов. И они встретили его с искренним энтузиазмом, необычным для этих угрюмых, рассеянных, неопрятных существ, которые сидели нахохлившись и закутавшись в одеяла, насквозь промокшие под дождем, с каким-то прокисшим запахом.

Первым заговорил заклинатель, закутанный в фиолетовое одеяло. Он поднялся и со снисходительной дружелюбной улыбкой, сочась повсюду трюмной водой, сказал:

– Вот еще один всадник на серебристом жеребце. Вот еще одна фигурка из папье-маше, которую Горвендил отправил в бессмысленное путешествие.

– Но я... – сказал Джеральд.

Не обращая никакого внимания на Джеральда, второй заклинатель, закутанный в насквозь промокшее зеленое одеяло, отложил свои ножницы и с некоторым раздражением обратился к первому:

– Давайте не будем строго судить о доброй магии Горвендила, ибо каждому надлежит с уважением относиться к бессилию старости. Мы, разумеется, должны признать, что его магия утратила свою свежесть. Невозможно отрицать, что прискорбным образом одряхлевшее волшебство приговорило эту фигурку из папье-маше к бесполезному странствованию. Беспристрастность заставляет нас допустить, что это странствие когда-нибудь пересечет бурные реки, которые пересохла давным-давно. Мы, как интеллигентные заклинатели, должны признать, что вокруг этого путешествия сгущается туман скуки, что солнце романтики светит над ним слишком тусклым и холодным светом, что это путешествие стерильно и безвкусно. Тем не менее это путешествие – о чем мы не должны забывать – несомненно является досужим вымыслом, плодом ночных бдений утомленного ума, отчаянным и опрометчивым предприятием. По этим причинам, с каким бы прискорбием мы, коллеги и доброжелатели несчастного Горвендила, не оплакивали в нашем кругу его детсадовские идеи, его тяжеловесный юмор и ограниченность его слабого и непредприимчивого ума, мы все-таки должны быть осторожны и не применять по отношению к его волшебству единственного строгого суждения.

– Однако... – заявил Джеральд.

Кивнув в знак глубокого и полного одобрения, которое никоим образом не относилось к Джеральду, завернутый в мокрое желтое одеяло заклинатель заметил:

– Я тоже всегда готов защищать магию нашего коллеги. Добросовестность заставляет меня согласиться с тем, что его магия не лишена недостатков. Честно говоря, я должен признать, что его магия глупа, высокопарна и наивна; что она лукава, коварна и отвратительна; что она погрязла в трясине самодовольства; что она пропитана вечно брюзгливым эгоизмом, хотя мы во всех наших с ним делах были дружелюбны и искренни. Не буду спорить, что иногда наш собрат ведет себя как шаловливый мальчишка, который гордится тем, что его поймали полицейские за то, что он писал мелом на стене грязные слова. Несмотря на его гнусные непотребства, его порочность, его показной цинизм, несмотря на его скотство, вульгарное бахвальство, барахтанье в выгребных ямах и плоские софизмы, я всегда готов защищать магию Горвендила, потому что он и не является на самом деле большим волшебником, и следует быть снисходительным к обладателю способностей третьего или даже четвертого сорта.

– Даже если и так... – подчеркнул Джеральд.

Но тут заклинатель, закутанный в ярко-красное совершенно промокшее одеяло, задумчиво открыл свой горшочек с клеем и заговорил:

– Я полностью с вами согласен. Никто не восхищается достоинствами нашего уважаемого собрата больше, чем я. Было бы просто глупо отрицать, что он ослабил свои и без того слабосильные снадобья чрезмерно частыми смешениями. Нельзя не согласиться с тем, что его магия превратилась в пресыщенную усталость и непристойное жеманство. Мы вынуждены признать, что Горвендил неискренен, что он совершенно нестерпимым образом выдает себя за важную персону, что он совершенно невыносим, что у него вымученный стиль, что его искусство вяло, лишено блеска, тривиально и несносно; но даже при всем при этом мы должны признать, что он делает все, что можно ожидать от того, кто сочетает отсутствие какого-либо настоящего таланта с невежеством обыденности.

– Однако... – пояснил Джеральд.

Пятый заклинатель, который перебил Джеральда, был закутан в черное одеяло; он тоже, казалось, сочился мудростью, затхлой влагой, рассудительностью и благодушием, пока говорил следующее:

– Действительно, наша обязанность и привилегия – проявлять снисхождение к этому невыносимому шарлатану, который, скорее всего, делает все, на что он способен. Что до меня, то я даже вкратце не упомяну о том ужасающем обстоятельстве, что банальность его волшебства не служит оправданием его разгильдяйскому отношению к работе. Разумеется, только человек с очень развитым воображением может предположить, что он может выполнять свою работу еще хуже, чем он это делает сейчас. Я также не думаю, что я чрезмерно снисходителен. Но, честное слово, хотя я и вижу, что его магия ужасна, что она соответствует уровню студента второго курса, что она недоброкачественна, что она подражательна, нестерпимо безвкусна, святотатственна, наивна, псевдо– какая бы там ни было, сверхскотская в своем цинизме, неизлечимо сентиментальная, что она наводит на меня невыразимую скуку, однако во всех остальных отношениях мне не в чем упрекнуть его магию.

Таким образом эти промокшие и любезные заклинатели продолжали защищать магию Горвендила с такой щедрой словоохотливостью, что Джеральд не мог вставить ни слова.

Затем все они сняли с себя свои одеяла и исчезли, потому что без одеял их совершенно невозможно было заметить. И Джеральд покинул это место удовлетворенным, потому что ему приятно было узнать о том, что он странствовал под руководством и покровительством того, кто пользовался таким уважением у столь строгих судей.

Глава 22

Книга Сфинкса

Проехав через весь город, Джеральд остановился на окраине Туруана, чтобы потолковать со Сфинксом, который лежал там и что-то записывал черной ручкой в толстую книгу в черном переплете,

похожую на гроссбух. Чудовище пролежало там так долго, что наполовину погрузилось в красный песок.

– Таковое полупогребенное состояние, сударыня, или, может быть, вас следует называть «сударь»?

– Допустима и та, и другая форма обращения, в зависимости от того, к какой части меня вы обращаетесь, – ответил Сфинкс.

– Это полупогребение, сударыня и сударь, выглядит неопрятно и, наверное, довольно неудобно.

– Нет. Все равно я не стал бы двигаться, – ответил Сфинкс, – отчасти потому, что я должен закончить свою книгу, отчасти потому, что я познал тщету всяческого движения и всяческого действия. Поэтому я сохраняю вечный телесный и духовный покой.

– Такая мудрость граничит с параличом, – сказал Джеральд, – а паралич – это уродство.

– И ты презираешь уродство! – возмутился Сфинкс, – ты, кто зашел так далеко по дороге богов и мифов. И что ты нашел неизменным на этой дороге кроме, Колеос Колерос и Священного Носа Литрейи? И кто более уродлив, чем эти двое?

Джеральд ответил:

– Я считаю своим христианским долгом называть этот нос языком. А особу, которую зовут Колеос Колеос, я вообще не видел. Но в любом случае вы, сударыня, – хотя меня, вообще-то не касается, что там у вас ниже пояса, но на самом деле мне просто удобнее считать, что вы – женщина...

– Допустим. И вы думаете что я – уродина?

– Вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, сударыня, что вы тоже кажетесь весьма постоянной. И Зеркало Кэр Омна, которое тоже неизменно почитаемо.

– Сны вечно претерпевают изменения, проходя сквозь это зеркало. Мысли постоянно изменяются, проходя через мою мудрую голову. Но и сны, и мысли бесплодны, потому что они нематериальны. Ведь мы ничего не создаем. Мы не обладаем властью ни над одной материальной вещью. И у нас нет цели. Вот почему нам позволено бессмысленно прозябать в мирах, где только две силы никогда не остаются бесплодными; где они повелевают всем; и где ни одна из них не может никогда усомниться в цели своего существования до тех пор, пока существует другая.

Джеральд нашел все это малопонятным и не представляющим интереса. Поэтому он только пожал плечами.

– Тем не менее, – ответил Джеральд, – в моих мирах не будет никаких уродств.

– Ты, наверное, владеешь множеством миров?

– Пока что нет. Я имею в виду миры, которые я скоро создам, когда приду в свое царство по ту сторону добра и зла и верну себе подобающее мне положение Князя Третьей Истины в Диргической мифологии.

Сфинкс нахмурился.

– Полагаю, ты всего лишь еще одно павшее божество, идущее к Магистру Филологии. Я должна была догадаться, ведь и Тор, и Тифон, и Рудра, и Марута, и прочие боги бури, с таким шумом отправившиеся в Антан, имели рыжие волосы.

Джеральд хлопнул себя по ляжке.

– Честное слово, мадам, это отличная догадка! Боги бури и в самом деле, во всех известных мне мифологиях, имели рыжие волосы. Я склонен поверить, что мудрость Сфинкса разрешила загадку моего существования. Я, несомненно, также и бог бури. Я быстро превращаюсь в ходячий пантеон, и в таком случае под моим плащом более не прячется чистый монотеизм. И все-таки, мадам, меня действительно удивляет ваша бесцеремонная манера судить о богах, и еще мне хотелось бы знать, что за зуб вы против нас, богов, имеете?

– Во-первых, сказано, что боги сотворили тех людей, которые мешают мне писать и докучают вот такими дурацкими вопросами.

– Вполне естественно, что люди обращаются к вашей мудрости, мадам, ибо вам известна вся история человеческой жизни.

– Но история человеческой жизни – это не одна история. Существуют три истории человеческой жизни.

– Вот как?! И что это за истории?

– Ну, однажды один путешественник остановился на ночь в гостинице...

– Кажется, я уже слышал о его непристойных похождениях. Пощадите целомудрие моих ушей, мадам, и расскажите другую историю!

– Что ж, как-то раз два ирландца...

– Уверен, что я слышал все вариации этого анекдота. А третья история?

– Жили-были жених и невеста. И вот, в первую брачную ночь...

– Однако и эта история во всех своих вариантах мне равным образом известна. Но в самом деле, мадам, я сомневаюсь, чтобы в этих нестерпимо наскучивших всем сказках заключалась вся человеческая мудрость.

– Но молодая чета в итоге получила удовольствие, поставив свои тела на службу тем двум силам, о которых я только что говорила. Ирландцы нашли в механике этих двух сил неожиданный повод посмеяться, что и выразили в изящном и достопамятном изречении, доставив удовольствие своему уму. Кстати, то же самое произошло и с двумя евреями, и с двумя шотландцами. А путешественник на следующее утро, после того как эти силы им попользовались по своему усмотрению, уехал из гостиницы незнамо куда, и следующую ночь он спокойно проспал в одиночестве, более не одержимый этими двумя силами. И таким образом эти три истории действительно содержат в себе все, что человек может получить от жизни, и все, о чем человеку полезно знать.

– Что ж, может быть и так! Но я убежден, что целью всех богов является сила более благородная, чем те, о которых достоверно известно человеку здесь. Я вижу, что человеческие существа в конце концов довольно часто проявляют по отношению друг к другу сострадание, сочувствие, любовь и самоотречение. Я думаю, что всякое искусство есть форма самовыражения. И следовательно, художник, создавший человеческие существа, руководствовался чистым эгоизмом, когда воплощал все эти качества в своем подобии. Он наблюдал эти качества в своей собственной природе, они ему нравились, и он их воплотил. Поэтому никто, действительно наделенный способностью мыслить, никогда не вообразит, что человеческая жизнь не стремится к какой-то благой цели, так как никто, наблюдающий любовь к человеку в самом себе, не может усомниться в том, что его создатель и сам наделен человеколюбием.

– Неужели вся эта чушь, которую ты несешь, действительно кажется тебе осмысленной? – спросил Сфинкс.

– Сударыня, все это кажется мне чем-то еще более замечательным: я думаю, что это прекрасная идея. Поэтому я играю с ней иногда. Ныне я отрекаюсь от этой идеи из уважения к вашей мудрости, которая давно стала притчей во языцех. И я хочу спросить, какую же еще более величественную и возвышенную мудрость, мадам, вы записываете в эту книгу в черном переплете?

– Ах да, моя книга! – воскликнул Сфинкс с естественным для автора оживлением. – У меня как раз возникли некоторые затруднения с моей книгой. Видите ли, вот здесь должен быть начальный параграф. Невозможно обойтись без первой главы.

– Понимаю. Не могу припомнить ни одной книги, в которой не было бы первой главы.

– Эта глава должна, так сказать, содержать суть всего...

– Это также общеизвестный риторический принцип.

– И именно с составлением первой главы я сейчас и испытываю затруднения.

– Ну что ж, я как раз тот, кто вам нужен. Я тоже баловался литературой до того, как стал божеством в четырех ипостасях. Мне известны все риторические приемы. В прошлом я был мастером зевгмы и

силлепсиса, я владею ипаллагой и хиазмом, а мое обращение с мейозисом, персифлагой и оксимороном заслужило всеобщее восхищение. Поэтому прочтите мне ваш черновик, и я, без всякого сомнения, разрешу все ваши трудности.

Сфинкс некоторое время обдумывал это предложение. Возможность квалифицированной критики со стороны корифея повергала чудовище в смущение.

– Только не обижайтесь понапрасну, если не найдете в этой главе никакого смысла, – сказал Сфинкс.

– Уверяю вас, я не буду излишне строгим цензором. Ни в одном искусстве нельзя ожидать от новичка совершенства.

– Ведь эта глава помещена здесь только потому, что нужно было чем-то заполнить пустое место...

– Я это хорошо понимаю. Итак, приступим!

Но застенчивый Сфинкс не спешил. Тоном робких объяснений он продолжал:

– Поэтому глупец найдет ее глупой и скажет: «К черту ее!». Мудрец, как и свойственно мудрому, поймет, что эта глава была помещена сюда без ее согласия; что ее создатель не вкладывал в нее смысла и не придавал ей большого значения; и что о ней забудут, как только страница, на которой она помещена, будет перевернута...

– Без всякого сомнения! – согласился Джеральд, который уже начинал проявлять нетерпение, – но давайте перейдем к этой пресловутой главе!

– Итак, переверни страницу, подобно тому, как равнодушное время листает книгу жизни, и скажи «К черту!» или «Слава Богу!» – в зависимости от твоего настроения.

– Уверяю, я так и сделаю, как только ваша книга будет опубликована. Но почему вы продолжаете разглагольствовать об этой главе? Почему бы вам не прочитать, что там написано?

– Я только что это сделал, – ответил Сфинкс. – Я не разглагольствовал. Я начал читать с того момента, как сказал «Только не сердитесь...» – а сейчас я закончил чтение.

– Ага! – сказал Джеральд. Он с несколько отсутствующим видом поскреб пальцем свой вытянутый подбородок. Он подошел к Сфинксу и, перегнувшись через переднюю лапу, самостоятельно прочел главу Сфинкса в этом черном томе.

– И что же дальше? – спросил Джеральд.

– Если бы я ответила тебе на этот вопрос, ты стал бы мудрее, чем я. Но, разумеется, никто никогда не может быть мудрее Сфинкса.

– Но это все, что вы успели написать?

– Это все, что вообще было написано до сих пор, – ответил Сфинкс.

– И за все эти столетия вы не продвинулись дальше этой первой главы?

– Неужели вы не понимаете моих затруднений? Мне была нужна первая глава, которая бы, так сказать, подводила итог всем событиям и выражала бы смысл всей человеческой жизни – глава, которую люди постоянно мешали мне написать. А когда я ее написал, не осталось ничего, о чем можно было бы написать во второй главе.

– Но помилуйте! Это же материализм! Это настоящее кощунство, совершенное в присутствии божества! Я смущен, мадам. Я прямо не знаю, как отнестись к вашему поведению. Ведь ваша сомнительная глава...

– Не стоит обижаться понапрасну, если вы найдете эту главу лишенной смысла...

– ...не имеет ни малейшего отношения к моим высоким обязанностям в этом мире.

– Эта глава была помещена здесь просто потому, что надо было чем-то заполнить пустое место...

– Но я – это не глава, мадам! Скажу вам по секрету, я не кто иной, как Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей, путешествующий инкогнито – и посему

без сопровождения моей обычной свиты – в предназначенное мне царство. И должен признать, что по моему божественному разумению ваша писанина не имеет никакого существенного значения...

– Поэтому глупец найдет ее глупой и скажет: «К черту ее!»

–...Из нее нельзя извлечь никакого ценного урока...

– Мудрец, как и свойственно мудрому, поймет, что эта глава была помещена сюда без ее согласия; что ее создатель не вкладывал в нее смысла и не придавал ей большого значения; и что о ней забудут, как только страница, на которой она помещена, будет перевернута...

– Честное слово, мадам, я – не глава! Нет, я уверяю вас, что я на самом деле Князь Третьей Истины, идущий, чтобы править Антаном. Я возвещенный в пророчестве завоеватель, который принудит безбожного Магистра Филологии воздержаться от дальнейших злодеяний и открыть новую страницу...

– Итак, переверни страницу, подобно тому, как равнодушное время листает толстую книгу жизни...

– Да-да! – сказал с улыбкой Джеральд. – Я так и знал, что вы буквально процитируете этот отрывок, если только я подброшу вам нужное выражение. Я, разумеется, прекрасно знаю, как вы, писательницы, любите цитировать собственные сочинения. Поэтому сейчас, мадам, если бы я сейчас несколько туманно заметил, что едва ли знаю, что сказать по поводу вашей бессмысленной главы...

– Скажи «К черту!» или «Слава Богу!» – в зависимости от того, какое у тебя настроение.

– Именно так! Этим заканчивается глава. Вам только что удалось процитировать ваше полное собрание сочинений от корки до корки в течение одной беседы, а это должно бы поднять настроение у любой писательницы. Остается пожалеть, мадам, что вы исчерпали мое терпение быстрее, чем вашу тему. Вам любой ценой следует сочинить вторую главу. Видите ли, сударыня (а я говорю сейчас с высоты профессиональных познаний божества), суть любой религии заключается в том, что – следуя вашей библиоманской метафоре, – каждый должен попросту перевернуть эту страницу, чтобы начать самый прекрасный из романов.

– От какого же романа сможет получить удовольствие мертвец в своей темной могиле? – с искренним удивлением спросил Сфинкс.

– Ну, мне не следует делать поспешные выводы. Я не могу экспромтом сочинить вторую главу до тех пор, пока не узнаю, что говорит о природе этой второй главы Диргическая мифология... Понимаете ли, мадам, по мнению многих мудрых и достойных людей в этой главе идет речь о путешествии в большой солнечной лодке к лежащей на дальнем западе неизвестной земле, после того как сердце каждого путешественника будет взвешено на весах, на другой чаше которых будет лежать перышко, и после того как сорок два судьи вынесут свое одобрительное заключение в ответ на его просьбу о бесплатной перевозке. Но несогласные с ними люди, столь же мудрые, достойные и многочисленные, утверждают, что в этой главе говорится о саде наслаждений, в котором те, кто вел себя подобающим образом, будут возлежать в вечном опьянении на золотых ложах, скрытых зелеными занавесями и уютно расположенных в тени лотосовых и банановых деревьев; а их единственным занятием будет дефлорация глазастых небесных дамочек. Однако другие сказания заявляют, что в этой главе рассказывается о переходе через мост в присутствии сиятельного Амшаспанда, а помощником пересекающему этот мост будет служить необычайно услужливый пес. Хотя некоторые другие почтенные люди говорят, что в вашей второй главе пойдет речь о четырехугольном городе, построенном из золота и яшмы на в двенадцать раз большем фундаменте из различных драгоценных камней и орошаемом водами его собственного кристального озера... Ибо, я повторяю, мадам, самые уважаемые религии противоречат друг другу по вопросу о содержании этой второй главы, и было бы весьма прискорбно, если бы я, поторопившись с выводами, согрешил против своей собственной мифологии. Но в любом случае я не испытываю никакой симпатии к душевной болезни такого материализма, который бы вовсе отрицал существование какой бы то ни было второй главы.

Затем Джеральд нахмурился и поехал дальше.

Глава 23

Странное превращение полотенца

Джеральд покинул пределы Туруана и, проезжая через Миспекское Болото, наткнулся на покосившуюся лачугу, в которой обитала дряхлая старуха.

– Как вас зовут, мадам?

– А тебе какое дело? – брюзгливо спросила она.

Это морщинистое создание с растрепанными космами казалось Джеральду необычайно красным, раздраженным и до прискорбья безобразным. Голова старухи была обмотана грязным белым полотенцем.

– Ну, видите ли, мадам, имя – это слово, а слова – это моя специальность.

– Если это для тебя что-нибудь значит, рыжий, то у меня было множество имен. Под тем или иным именем я имела дело с каждым мужчиной. Теперь мои силы на исходе. Один месяц похож на другой, и никогда ничто не меняется. Все для меня поблекло, дорогуша, все стало бесцветным. Я более не нахожу себе применения. Я – старое, никчемное, дряблкое, седовласое существо, все еще слабо трепещущее при воспоминаниях о старых добрых, вечно занятых днях, – ох, да и ночах тоже, дорогуша, – которые давно минули. Эх, дорогуша, хотя ты бы и не подумал никогда такого, но когда-то я была Эзред, матерью Малых Божеств и много кого еще. Тогда мне жилось хорошо, и я извлекала из всех вещей жизнь и цвет, превращая мужчин в полезных домашних животных. Но ныне мир стар, а я – его сестра-близнец: все силы покинули меня, и каждый месяц похож на другой, и никогда ничто не меняется.

– Я бог, который приносит с собой всю силу и молодость, – сказал Джеральд, вспомнив о том, что говорил Сфинкс о презрительном отношении к уродству.

Джеральд произнес соответствующие заклинания и окрестил старую каракатицу по обряду Хозяйки Первой Водной Стоянки. Тотчас же он увидел, что обмотанное вокруг ее трясущейся головы грязное полотенце преобразилось в корону, несколько странным образом составленную из четырех карточных мастей. Сверху, подобно земляничным листьям в герцогском венце, располагались стоймя четыре трефы, оттененные четырьмя пиками, а ободок этой короны представлял собой барельеф из восьми карт червовой масти и шестнадцати карт бубновой масти.

На самом деле, изменилось все вокруг Джеральда. Слева и справа простирались опрятные зеленые лужайки, а убогая лачуга превратилась в нарядный новенький домик. Но наиболее интересным Джеральду казалось то обстоятельство, что морщинистая сердитая старуха стала милым существом: не маленьким ребенком, но находящимся в самом расцвете сил. И теперь Эзред звали, как она сказала ему, и чему он нашел по меньшей мере две причины поверить, Майей Прекрасногрудой.

Но далее она сказала следующее:

– Теперь, поскольку я молода, и в доме у меня нет компаньонки, тебе лучше было бы продолжить свое путешествие, а не то сам знаешь, что скажут люди. Да уж, как быстро начинают на вдов напраслину возводить...

– Ого! – сказал Джеральд, – так вы, значит, не готовы мне довериться?

– Ни при каких обстоятельствах, – продолжала Майя. Довериться тебе или какому-либо другому молодцу – никогда не слыхивала такой чепухи! Женщина может доверять только пожилому мужчине, и то если только она может видеть его долгое время при свете дня после того, как доверилась ему ночью.

– И вы даже не собираетесь отдать мне все?

Майя была благоразумна.

– Я угощу тебя обедом а потом дам тебе по башке. Ведь я не позволю никакому бродячему божеству шлаться вокруг моего дома, пока я стараюсь вымыть посуду и сохранить доброе имя вдовы.

– Вот это, – убежденно заявил Джеральд, – необычная женщина. Тщетно листаю я страницы истории,

чтобы отыскать параллель странному поведению этой женщины.

Джеральд размышлял. Эта Прекрасногрудая Майя совершенно определенно не превосходила красотой всех женщин, которых он когда-либо видел. Однако цвета ее глаз подходили друг другу, прямо между ними располагался недурственный нос. Под ним был довольно-таки сносный рот, несмотря на то, что губы были строго сжаты; а неопределенно-каштанового цвета волосы, причудливо заплетенные в девятнадцать искусно свитых косичек, несомненно скрывали пару нормальных ушей. Эта женщина с весьма угрюмым выражением лица была довольно молода, ей едва можно было дать тридцать семь или около того, у нее не было никаких уродств, фигура ее неплохо сохранилась, а груди ее выглядели и вовсе пленительно... In fine, оценивающий взгляд приятного молодого человека лет двадцати восьми не мог обнаружить в этой Майе ни одного серьезного недостатка.

Более того, она не напоминала ему ни одну женщину, которую он мог видеть до сегодняшнего утра.

Поэтому Джеральд сказал:

– Очень приятно. Я останусь пообедать. Я с благодарностью приму любую пищу, которую вы предложите.

Тогда Майя ответила:

– В самом деле, нахал, ты неправильно меня понял. Соблюдай дистанцию! Ведь я не отношусь к тому типу женщин, с которыми ты, кажется, только и бывал знаком.

С нежной дрожью в голосе Джеральд промолвил:

– Но ответьте мне только на один очень простой вопрос...

– Ох, да ну тебя... – ответила Майя.

С этими словами она ударила возмеченного в пророчестве повелителя всех людских богов в челюсть и несколькими хорошо подобранными словами поставила их отношения на более приличествующую основу.

Часть VII

Книга поэтов

Тот, кто не знает, куда идет, заходит дальше

Глава 24

На Миспекском болоте

После того как они пообедали, Джеральд убедил Прекрасногрудую Майю позволить ему остаться также и на ужин, ведь его путешествие было уже почти закончено. Ведь от дома мудрой женщины на Миспекском Болоте дорога вела прямо в туманные долины Антана, где, как говорили, царствовали королева Фрайдис и ее супруг, Магистр Филологии, обитавшие в очень древнем дворце с красными колоннами, который принадлежал ранее другой королеве по имени Саскинд.

Но об этом Антане Джеральд, даже сейчас, не мог узнать ничего определенного, потому что из богов и мифологических персонажей, которые ушли в Антан, ни один никогда не возвращался. Поэтому до сих пор оставалось, к сожалению, неопределенным, купались ли все эти славные существа, как Джеральду сказали в Кэр Омне, в невообразимой роскоши; или же все они, как следовало из более мрачных свидетельств, преобладавших в Литрейе, были уничтожены Магистром Филологии.

В любом случае, с Миспекского Болота Антан был ясно виден. Поэтому Джеральду оставался менее чем час езды и, возможно, напряженная работа утром, чтобы завершить предреченное завоевание предназначенного ему королевства. Поэтому Джеральд остался до утра в обществе этой не слишком гостеприимной хозяйки, которая относилась к нему с таким необоснованным подозрением, что (как он обнаружил около полуночи) заперла на засов дверь в свою комнату под тем дурацким предлогом, что он якобы мог бы попытаться открыть эту мощную дверь, от которой он, напротив, предпочел удалиться на цыпочках и сохранить тем самым свое достоинство. Он отдыхал ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы наутро, когда он приблизится к вершине своего успеха, быть в хорошей форме.

Тем временем он расспросил Прекрасногрудую Майю о его будущем королевстве, и она сообщила ему, что это место пользовалось дурной славой. Туда никто не ходит, сказала Майя, кроме такого сброда, как поэты, мифических оборванцев, чрезмерно любопытных типов и всякой небесной мрази, которая потеряла уважение людей и лишилась своих жрецов и храмов, объяснила Майя, угрюмо кивая головой. Ее забавная корона радостно поблескивала с каждым движением ее головы, так как она сидела у окна в луче солнечного света и занималась штопкой. А что происходит с этими никчемными типами после того, как они приходят в Антан, то это, продолжала Майя, не имеет никакого значения.

– Да, но какого общего мнения по этому вопросу придерживаются колдуны и заклинатели Туруана?

– По нашему мнению, об этом не стоит беспокоиться.

– Да, но как вы думаете?..

Майя оторвалась от своей штопки с легким, но искренним изумлением.

– В самом деле, ты задаешь глупейшие вопросы. Что до меня, то я вообще не думаю об этих отбросах и бродягах, разве что слежу, чтобы они ничего у меня не сперли, проходя мимо.

Тогда Джеральд спросил ее о Фрайдис.

– Я слышала об этой женщине, – сказала Майя с отсутствующим видом, не отрываясь от штопки, к которой было приковано ее внимание. – Конечно, слышала. Да только ничего хорошего. К примеру говорят, что у нее есть зеркало...

– Я тоже неоднократно слышал об этом зеркале, но не знаю точно, что она делает с ним.

– Кстати, Джеральд, у меня тоже есть зеркало, если это все, что тебе нужно. У всех есть зеркало. На

самом деле, у меня много зеркал.

– Знаю. Я видел их повсюду в доме. Но все ваши зеркала, сударыня, розового цвета.

Майя отвечала равнодушно и не отрываясь от штопки:

– Но разве ты с самого начала не понял, что я мудрая женщина? Во всяком случае, говорят, что королева Фрайдис выставляет свое зеркало на всеобщее обозрение и без колебаний демонстрирует его своим бесстыжим гостям. А они именно таковы, ты сам знаешь. Хорошо быть богом, когда это длится вечно. Но это никогда не длится вечно. И где вы оказываетесь потом? Совершенно верно! Вот почему правители Туруана кажутся мне более практичными. А в нем, люди говорят, ни единой трещинки, – это высказывание Майи относилось к Зеркалу Пропавших Детей, догадался Джеральд, – ни малейшего искажения, никакой лести, никакого любезного преувеличения. Оно ничем не похоже на мои более чувствительные розовые зеркала. И вряд ли кому-нибудь придется по вкусу такое зеркало.

– Несмотря ни на что, если там будет такое зеркало, я намерен на него взглянуть, когда завтра войду в свое королевство, освобожу великие заклинания Магистра Филологии и восстановлю Диргическую мифологию, ибо в этой мифологии я – божество в четырех ипостасях.

– Что за чушь ты несешь! – добродушно сказала Майя и сунула яйцо для штопки в другой чулок.

Тогда Джеральд доверился Майе. Он рассказал Майе, как он, хотя и незаслуженно, стал наследником всех невообразимых чудес, которые находились там. Он рассказал ей, что именно он, и никто иной, – Светловолосый Ху, Помощник и Спаситель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей. Он поведал ей все, что произошло за время его победоносной экспедиции до сего самого момента. Он рассказал ей даже больше, чем было на самом деле, потому что необузданная манера Джеральда обыгрывать идею собственной неуязвимости превратила повесть в настоящий эпос. И Джеральд также рассказал ей о том, как он намеревается управлять тем, что было пределом устремлений всех божеств. Он вкратце описал свои летние и зимние дворцы, предполагаемый состав гарема; божеств, которые будут служить в его доме в качестве прислуги, и, в общих чертах, миры, которые он сотворит. И он обещал щедро вознаградить Майю после того, как он станет королем.

Все это время Майя продолжала невозмутимо заниматься штопкой. Она допускала, что мужчины...

– Но я, как я уже говорил, бог. Бог в не менее чем четырех ипостасях.

Это не имеет значения, заметила Майя. Боги, насколько она могла судить на примере тех придурковатых неудачников и бродяг, которые проходили мимо, были все одинаковы, а пожалуй, даже хуже. Просто невероятно, продолжала она, как быстро изнашиваются чулки в наши дни. Затем она согласилась, что мужчины всегда такого мнения, даже о таких дурных местах, как Антан. И в любом случае, завтра Джеральд сам все узнает об Антане, потому что если он хотя бы на мгновение подумал, что она позволит ему вечно околачиваться вокруг ее дома, то он заблуждается!

– Помилуйте, сударыня, но ведь гостеприимство – великая добродетель; и кроме того, вы клялись мне, что вы милейшая женщина в округе.

– Но даже если так, Джеральд, то именно поэтому люди могут вообразить себе невесту что, если ты здесь останешься. И не думай, бездельник, что ты можешь меня провести.

– Тогда давайте позаботимся о том, чтобы нас не осуждали незаслуженно, потому что это было бы несправедливо...

– Ох, да ну тебя!.. Подбери все до единого чулки, которые ты разбросал по полу, и заруби себе на носу, рыжий черт, я не шучу! Эта твоя лошадь...

– Ах да, моя лошадь! Признаю, что для требовательных женских глаз она не кажется красивейшим в мире животным. Я полагаю, вы хотите отметить, что эта лошадь недостойна меня, и что я должен тем или иным способом от нее избавиться...

– Ну что за чепуху ты мелешь, в самом деле! Это милая лошадка. О ней говорится в каком то пророчестве, правда? Тогда ты еще больший дурак, чем кажешься, если собираешься с ней расстаться.

– Действительно, в том, что вы говорите, есть толк.

– То, что я собиралась тебе сказать, – если ты хотя бы минуту позволишь мне говорить, не перебивая меня...

– Отныне, мадам, я буду тих, как отрыжка за столом в приличном обществе. Вы можете продолжать...

– Так вот. Я хотела сказать, что твоя лошадь доставит тебя в Антан за час. Ты можешь самолично узнать все об этом месте. И я полагаю, что эта королева Фрайдис, судя по тому, что я о ней слышала, не будет никоим образом возмущена твоей манерой лапать людей, мешать работе по хозяйству и вообще дурно себя вести. К этому она вполне привыкла. Но мне это не нравится, и я думаю, ты не стал бы этого делать, если бы действительно относился ко мне с уважением. Я сожалею, если мои слова или поступки дали тебе основания дурно обо мне подумать. А если ты напоролся на эту иголку, то сам виноват. Вот, собственно, и все, что я хотела сказать.

Джеральд ответил:

– Вам, сударыня, к сожалению не хватает доверчивости и великодушия, обычно присущих вашему полу. Невозможно себе представить что-либо более ужасное, чем ваше поведение. Тем не менее я останусь до среды, ибо иначе я, возможно, не смогу оценить вашу магию.

– Ну, так и быть! – ответила Майя, не скрывая свое неудовольствие тем, что ей придется приютить у себя Джеральда еще на день.

Глава 25

Бог подчиняется

Джеральд, по здравом размышлении, решил, что было бы действительно интересно остаться на Миспекском Болоте до среды, поскольку только по средам Майя могла демонстрировать совершенство своего волшебства. Но по четвергам, как чистосердечно предупредила его мудрая женщина, она обычно занималась уборкой, и у нее не будет времени развлекать компанию, когда в доме такой кавардак.

– Но и я предупреждаю вас заранее, моя милая, – сказал Джеральд, – что представление должно быть бесплатным, ибо у меня нет никакого имущества, кроме разве что моего коня, чтобы заплатить за привилегию быть очевидцем вашего салонного колдовства.

– Но скажи на милость, зачем мне еще одна лошадь, когда десятки их пасутся на болоте, питаюсь за чужой счет? И с каких это пор, бездельник, я стала «твоей милой» – хотела бы я знать?

– С каких пор? С того самого момента, как я впервые увидел вас, моя милая.

– Я хочу, чтобы ты иногда, хотя бы для разнообразия, рассуждал благоразумно. И конечно же, моим обычаем всегда было осчастливливать мужчин, с которыми я была особенно близко знакома, путем превращения их в домашних животных того или иного вида. Некоторые из них стали жеребцами...

– Я совсем не одобряю такой обычай. Впрочем, у женщин есть неисчислимое количество причуд, а все мужчины рано или поздно приходят к выводу, что лучше потворствовать им, чем перечить. Так или иначе, богу нет дела до этой слабой магии.

– Конечно, нет! – согласилась Майя. – Этим легкомысленным, болтливым, рыжим бездельникам ни до чего нет дела, кроме как до этой шлюхи Фрайдис.

Джеральд пропустил намек мимо ушей. Он перешел к более насущным вопросам:

– Тем не менее меня заинтересовал ваш рассказ. Было бы забавно иметь такую лошадь. Полагаю, моя милая, я могу обменять моего божественного скакуна на одну из ваших необычных лошадей?

– Нет, Джеральд, пожалуй, нет. Ведь мужчины, которых я заколдовала, были некогда рыцарями, баронами и королями – кстати сказать, была даже парочка императоров, хотя и неважнецких, – и я до сих пор испытываю к ним некоторую душевную привязанность.

Затем в глиняной жаровне Майя разожгла фиговые листья вместе с бензойной смолой, стираксом и мускатным орехом. Она показала Джеральду, как можно создавать непостоянные вещи. Она показала ему

малую, средовую, магию. Она открыла ему – хотя и бегло, так как в их распоряжении было всего лишь одно утро – тайны похвальной умеренности в ученых профессиях, в высказывании правды, искусстве драпировки, в низвержении гор в море, в возведении мостов над любым непроходимым пространством, в изготовлении розовых зеркал, в критике, риторике, юриспруденции и правильном толковании Священного Писания. Сам будучи в прошлом исследователем магии, Джеральд нашел эти формулы небезынтересными, а так как он был богом, то начал испытывать к Майе глубокое уважение как к личности, которая, не обладая преимуществами божества, тем не менее соорудила вполне приличный чулок из знаний и способностей.

Однако результат этой магии не был очевиден до тех пор, пока Джеральд не надел очки, которые дала ему Майя. Джеральд нашел эти очки настолько приятными для глаз, что он оставил их себе на память о своем пребывании в ее хижине.

Джеральд решил-таки остаться до конца недели, поскольку Майя проявляла неподдельное желание от него избавиться. Это наносило серьезный удар по его самоуважению. К нему, богу, за которым всегда бегали женщины и докучали сверх всяческого терпения, проявляла такое нескрываемое равнодушие простая захудалая колдунья, у которой не было ни выдающегося ума, ни исключительной красоты, чтобы оправдать свое бесстыдство. Надо было сбить спесь с этой Прекрасногрудой Майи. Поэтому Джеральд принялся ухаживать за ней с пылом, который удивлял его самого. Было делом огромной важности, необычайно прекрасной идеей покорить эту женщину, а затем бросить ее, чтобы раз и навсегда отучить ее от пренебрежительного отношения к воле божества.

Тем временем Майя вообразила, что он должен скрывать свой божественный статус, и что ей следует представить его местному дворянству Туруана как проезжего колдуна.

– Я должна тебе сообщить, – сказала Майя, – что все уважаемые люди в наших краях занимаются той или иной разновидностью магии. Таким образом, у нас с Небесами нет ничего общего. Мы имеем сношения только с противоположной стороной. И не потому что мы много о себе воображаем и считаем себя чем-то исключительным, а просто потому, что так получилось. Тем не менее такое множество богов по пути к своему бесславному концу проходило здесь, что – что бы там ни делал с ними Магистр Филологии, когда они с ним встречаются, – у наиболее уважаемых людей в наших краях сложилось мнение, и я от тебя этого не скрою, что боги не принадлежат к нашему кругу общения.

– Но я, – сказал Джеральд, не в силах сдержать свой гнев.

– Я знаю, мой мальчик, что ты – это совсем другое дело. Я и сама имею широкие взгляды на такие вещи. Но другие люди думают иначе. И «колдун» для их ушей звучит гораздо лучше.

Тогда Джеральд начал говорить строго и с достоинством. Он заявил, что никогда не унижится до таких уловок. Ни на мгновение он, повелитель всей возвышенной белой магии, не притворится колдуном, запятнанным сношениями с преисподней и находящимся под покровительством обыкновенных демонов. В итоге Джеральд стал считаться просто заезжим колдуном.

Глава 26

«*Qualis Artifex!*»

Джеральд привык развлекать себя разговорами с путешественниками, которые проходили мимо опрятного, бревенчатого и оштукатуренного домика мудрой Майи по пути ко двору королевы Фрайдис и ее супруга, Магистра Филологии. Джеральд чувствовал, со стороны монарха было бы мудро и прозорливо лично познакомиться со своими будущими подданными. Потому ему следовало сидеть на обочине, в тени удобно расположенного каштана – инкогнито, разумеется, – и искусно вовлекать их в беседу.

– Привет, друзья! И что за дело ведет вас в город всяческих чудес? – сказал Джеральд в первое утро, когда он избрал эту прозорливую тактику.

Пузатый светловолосый человек, лицо которого было покрыто смешными веснушками, сообщил ему, что они – два поэта, направляющиеся в Антан, место упокоения всех богов и гостеприимное прибежище

для истинных поэтов, место, где поэты могут надеяться найти наконец ту красоту, которую они искали и не могли обрести нигде в своей земной жизни. Для Джеральда это была прекрасная новость, ибо число его подданных благополучным образом увеличивалось.

Но он не говорил ничего, пока веснушчатый толстяк на тонких ножках, одетый в украшенное звездами багряное платье, продолжал отвечать на его первый вопрос. Он объяснил, что сам он – Нерон Клавдий Цезарь, король всех поэтов, а его сухопарый компаньон в коричневой паре, оба локтя которой нуждались в заплатах, является весьма талантливым артистом из провинции Галлия, а имя его – Франсуа Вийон.

Джеральд нашел это небезынтересным, памятуя о том, что он видел в Зеркале Кэр Омна. Нечасто приходится встречаться лицом к лицу с вашими бывшими воплощениями. Но и об этом Джеральд ничего не сказал. Вместо этого он продолжал расспрашивать Нерона и узнал, что два поэта держали путь ко двору Фрайдис, потому что это было единственное место во вселенной, где к искусству относились должным образом; ведь только там поэтов изготавливали из обычной глины и обжигали на огне Ауделы.

Какой-то древний герой, как слышал Нерон, впервые стал изготавливать эти глиняные фигуры, а Фрайдис, когда представился случай, вдохнула в них жизнь и позволила им существовать в качестве заложников. Но самое главное, сказал Нерон, в Антане истинные поэты этого мира счастливо жили среди богов и мифических персонажей, которые некогда дали этим поэтам прекрасные темы для творчества, так что ныне эти поэты пишут еще более прекрасные поэмы, имея источник вдохновения прямо перед глазами.

Однако, сказал Нерон, поигрывая изумрудным моноклем, который висел на зеленом шнурке у него на шее, едва ли эта королева когда-либо вылепит из глины или пригласит к своему двору другого такого артиста, каким был Нерон во времена своего бывшего благоденствия в Риме. Он не знал никого, кто превосходил бы его в изящных искусствах. Ибо и в танцах, и в ораторском искусстве, и в борьбе (даже с такими страшными противниками, как львы), и в музыке (как в пении, так и в игре на инструментах) – а также как возница и трагический актер, но прежде всего как поэт – Нерон был единодушно награжден первым призом во всех состязаниях. Он не хотел бы показаться хвастуном, однако, даже под пушечным огнем критики, следовало считаться со списком его безоговорочных побед в Риме, в Неаполе, в Антиуме, в Альбе, на Парфянских Играх, на Истмийских и Олимпийских Играх, и, наконец, в каждом состязании, в котором он только принимал участие на территории стран, Императором которых он был. Ни один артист не имел такого послужного списка; ни один из величайших гениев мира никогда не бывал признан первым во всех искусствах.

Разумеется, будучи знатоком истории, Нерон понимал, что истинная мера таланта артиста не определяется тем, что думают о нем современники, которые могут подпасть под влияние таких внешних по отношению к бессмертному искусству факторов как обворожительные манеры художника или его личное обаяние. Как светский человек, он даже допускал, что на присуждение судьями священных игр всех первых призов Нерону могли повлиять крупные суммы денег, которые он жаловал судьям, выражавшим ему одобрение, а также изошренность пыток, которые могли бы быть следствием менее справедливого судейства.

Но бесспорным фактом, фактом величайшей важности было то, что Нерон сделал из своей собственной жизни поэму, которая, как акт самовыражения, была единственным в своем роде шедевром. Он более всех прочих людей служил единственной цели поэтического искусства, раскрывая подлинный смысл человеческого существования. Ибо Нерон воплотил и окружил нежной заботой каждую черточку своего собственного характера посредством некоторых по-настоящему достопамятных деяний, – словно бы выращивая на болотах, зыбучих песках и в других местах, в которые другие люди опасаются заходить, те странные и ярко окрашенные орхидеи, которые одни только и могут выразить высокоорганизованную структуру человеческих желаний...

– Этот жаргон несколько устарел, – сказал Джеральд. – Однако, как музейный экспонат, утонченность отчасти отражает изысканную красоту совершенного анахронизма. Она приобрела очарование, как бы патину портшезов, алонжевых париков, поясов целомудрия, рыцарских доспехов и других вещей, употребительных в свое время, которые ныне стали дороги сердцу каждого поэта именно в силу того, что они навсегда вышли из моды. Итак, примем на веру, о Цезарь, что в былые времена вы были храбрым

малым и пользовались большим успехом у женщин...

– Да, но коли на то пошло... – начал было Нерон.

– Понимаю. Вы, с вашими широкими взглядами, не пренебрегали ни тем, ни другим полом. Любви вы обучались у греков. Согласен, но я заливаюсь краской смущения и прошу вас избавить меня от подробностей.

Нерон продолжил свой рассказ и заявил, что другие императоры, шансы которых были не хуже, чем у него, не обладали в достаточной мере гениальностью, чтобы реализовать эти возможности. Разумеется, были и менее даровитые артисты. Калигула, например, помимо всякой халтуры, вроде перерезания глоток, выпустил по меньшей мере один фонтан подлинного вдохновения, преступным образом посягнув на Луну. Это было и в самом деле отлично задумано. Затем Домициан, Коммод, и Тиберий также проявили похвальные амбиции. Весьма изящные штучки по-любительски выделял Тиберий на Капри; Каракалла тоже был ничего себе, но все они были склонны забавляться банальными экзекуциями. Просто отрубить кому-нибудь голову – это еще не искусство, неважно, как часто ты это делаешь. Кроме того, публичные казни на эшафоте – это вульгарно. А Гелиогабалу, хотя он и обладал искоркой таланта в лирическом распутстве, не хватало жизненной энергии и вкуса, чтобы создавать непреходящие шедевры в богатом эпическом стиле Нерона.

Ведь только Нерон во всех способах самовыражения оставался подлинным, умелым мастером, который всегда обогащает свои произведения оттенком новизны, необходимым любому искусству. Он воздвиг свою собственную сцену в Золотом Доме...

– В полностью позолоченном доме, украшенном драгоценными камнями и Матерью Жемчужин, в доме столь богатом и просторном, что у него была трехэтажная галерея в миллю длиной и огромный вращающийся банкетный зал, и потолки из слоновой кости, с которых постоянно сыпались благовония и лепестки красных роз...

Тут Нерон вынул свой монокль и стал разглядывать Джеральда с детским удовольствием, свойственным всякому подлинному артисту, чье тщеславие было польщено.

Да, согласился Нерон, он попытался выразить себя и в этом доме. Золотой Дом был (выражаясь метафорически) изящным переплетом для той поэмы, которой стала его жизнь, когда в сооружении, которое мир не видывал ни до ни после того, он придал каждой своей человеческой черте ее подлинный цвет. В Золотом Доме он выращивал свои орхидеи, там он трудился над открытием множества свободных, решительных и совершенно безграничных путей самовыражения для той очень сложной вещи, которую называют человеческой натурой...

Тут он начал вдаваться в подробности, и Джеральд почувствовал, что стиль этого императора становится, к сожалению, все более и более неамериканским. Джеральд начинал проявлять нетерпение.

– Снова вас предостерегаю: давайте поменьше говорить о личном и разнообразим живость этих орхидей несколькими фиговыми листочками!

Конечно, может быть, продолжал Император, он, как и всякий другой великий артист, является в некотором смысле компилятором, поскольку он не изобрел непосредственно ни одну из тех форм искусства, в которых подвизался. Он перенял у предшественников несколько идей, пару формулировок, и он последний стал бы это отрицать; но все изысканное мастерство принадлежало ему, так же как и особый, характерный нероновский налет романтической иронии, благодаря которой этот артист уничтожал с нежностью, разрушал с лаской и облагораживал все, самое дорогое его сердцу, убивая его. Он говорил о смерти его жен, Октавии и Пoppей, о гибели других, которые были его женами только на один вечер; он говорил о Spope, Аэте, Нарциссе и о том необычайно прекрасном мальчике, Авле Пантине...

И снова Джеральд поднял руку в протестующем жесте.

– Давайте избегать эти совсем неамериканские личные детали! Однако, вы не упомянули о своей матери Агриппине.

Он удивился, увидев на покрытом веснушками лице Нерона что-то похожее на ужас. Но Нерон сказал только: «Нет».

А кроме того, продолжал Император со все возрастающим воодушевлением, счастливый случай, тот факт, что именно во времена Нерона христианство начало свое победное шествие к власти над миром, позволил ему, благодаря чистой удаче, добавить к великой поэме своей жизни необходимый и уместный тон новой социальной среды. Сожжение добропорядочных налогоплательщиков и мнимых девственниц в качестве светильников на вечеринке было приемом, который, в силу естественного желания удивить и позабавить гостей, мог бы прийти на ум любому хозяину, стремящемуся к легкой новизне, которую требует искусство гостеприимства. Но тот факт, что эти факелы впоследствии превратились в ярчайшую славу победившей церкви, сделал незабываемыми эти вечеринки, которые сами по себе были весьма скромными мероприятиями. Нерон выразил себя при помощи не просто, как он думал в то время, людей, подозреваемых в том, что им недостает патриотизма и в том, что они, выражаясь метафорически, не являются стопроцентными римлянами, но, как оказалось впоследствии, при посредстве святых и апостолов, при посредстве признанных церковью мучеников. Не каждый художник имеет под рукой такой материал для воплощения своих идей. Дальнейшие попытки преследования христиан, с эстетической точки зрения, провалились, судя по тому, какое впечатление они произвели на последующие поколения. Их исполнители слишком поздно вступили на это поприще и нашли, что трагическая жила истощилась, и все ее самые многообещающие возможности исчерпаны великим артистом – Нероном. Немногие помнили, что и Марк Аврелий, и Диоклетиан, и остальные тоже крушили, сдирали кожу, калечили и жгли изо всех сил; но эти трудяги были всего лишь эпигонами и бездарными подражателями Нерона.

Поэтому получилось так, что из всех римских императоров, из всех деспотов и тиранов всех времен и народов, которые занимались прекрасным искусством самовыражения, и которые показали, что из себя представляет человеческая природа на самом деле, – в, так сказать, чистом виде, когда человек всемогущ и ему не надо приспособляться к среде, – из всех них остался только один, имя которого помнили повсюду, только один, чье имя оказалось бессмертным, и этим единственным был Нерон. В мире, где всякий человек вольно или невольно оставался недоделанным Нероном, легенда о Нероне была высшим образцом литературы ухода от реальности. Легенда о Нероне была поэмой, которую люди не забудут никогда; поэмой, известной на всех языках; и этой поэмой может искренне восхищаться и восторгаться каждый, потому что по прошествии такого количества времени при оценке этой поэмы можно не считаться с современными нравственными стандартами или с чьей-либо физической безопасностью, так как теперь Нерон стал просто книжным персонажем, подобно, – сказал Император, изящно показывая, что он все еще сохранил интерес к литературе, – подобно Яго, Вольпоне или Тартюфу. Ту или иную книгу можно назвать историей, поэмой или драмой, но это, разумеется, не влияет ни на убедительность, жизненность и сложность изображенного в ней персонажа, ни на ценность проницательных и поучительных откровений автора, касающихся вечных свойств человеческого существа.

– Ибо моя жизнь, – сказал Нерон, – определенно, отображает так, как не удавалось еще ни одному художнику, суть человеческой природы, какова она есть на самом деле, когда она свободна от ограничений, которые накладываются на слишком большое количество напрасных жизней. Таким образом, моя жизнь была творением мастера, произведением искусства, которое избегло даже страшной угрозы упадка. Ведь в том, как она закончилась, тоже не было никакого недостатка. Мое падение и моя смерть были эстетически столь совершенны, что я, как артист, никогда не испытывал ничего подобного в жизни. По-видимому, ничто не могло бы быть сделано с большим вкусом. Ведь я, как вы помните, внезапно покинул трон мирового господства, чтобы скрыться в полуразрушенной уборной под рваным, выцветшим голубым одеялом и погибнуть от собственной руки с соответствующим трагическим стихотворением на устах, когда все друзья оставили меня. Ни у одной трагедии не могло бы быть более смелых пропорций, при том что все аристотелевские правила гармонии были бы так строго соблюдены. И все так удачно складывалось. Ибо когда моя поэма приблизилась к развязке, статуи чудесным образом опрокинулись, зад моей лучшей верховой лошади превратился в зад осла, а после того как двери мавзолея Августа отворились сами по себе, из гробницы раздался голос, призывавший меня к самоубийству. Эти происшествия, повторяю я, были добрыми предзнаменованиями, так как они доказывали, что Небеса внимательно наблюдают за моими опытами в искусстве. О да, я всегда находился под особым покровительством.

Глава 27

Наблюдая звезды

Вийон задумчиво сплюнул сквозь желтые зубы. Погрузившись в размышления, он теребил пальцами свою потрескавшуюся и морщинистую нижнюю губу. Затем он заявил, что не согласен со многими замечаниями своего предшественника.

– Вы произвели впечатление. Ваша жизнь – мастерски и смело выполненная работа. Никто не отрицает ее достоинства в плане мелодраматизма. Но ей не хватает необходимой нотки доброты, без которой ни одно произведение искусства нельзя признать первоклассным. Нет, это я пользовался настоящим покровительством муз; и я сделал из своей жизни безупречную поэму, не прибегая к таким безвкусным средствам, как троны, сожжение городов и расточение прекрасных обнаженных девственниц на обычных львов.

Тут Франсуа Вийон принялся рассуждать об оказанных ему судьбой величайших благодеяниях. Ему были дарованы непостоянство, похоть, нищета, трусость, чрезмерная тяга к выпивке, закоренелая склонность к мошенничеству, изуродованное недугом тело и все остальное, что было необходимо, чтобы сделать из него такого презренного плута, каким можно было бы только надеяться когда-нибудь стать.

– Короче говоря, я был благородным человеком, свиной с голосом. А голос у меня был как ни у кого другого.

Было настоящим чудом, что это грязное, похотливое и трусливое животное умело петь. А он глумливо пел, высмеивая весь мир при помощи сатиры, шуток, обличений и обычного сквернословия, – что тоже было настоящим искусством, потому что доставляло людям удовольствие видеть человека, достойного лучшей доли. Он пронзительно пел о великих пространствах, которые покоряет смерть и разрушает все, а к этому чувству никто не мог остаться глух, потому что это единственное чувство, которое затрагивает лично каждого. Но главным образом он пел о своем раскаянии в былых опрометчивых поступках, о своем стремлении к духовной чистоте, и взывая, – как заявлял Вийон с достойным удивления самодовольством – к самым вратам Рая на усеянных звездами крыльях веры и песни, – он провозглашал свою веру в божественную любовь, которая в конце концов освободит всех искренне раскаявшихся людей от логических последствий их поступков в земной жизни и дарует каждому истинно покаявшемуся грешнику счастливый конец в цветущем саду, наполненном, соответственно, звуками арф и лютен. И это тоже нравилось людям, потому что такая философия давала каждому хмельное утешение и позволяла чувствовать себя, без особой на то причины, великодушным.

Поэтому Вийон стал великим поэтом, чье искусство было прекрасным сочетанием веселья, страдания и веры, и поэтому он мог рассчитывать удостоиться высоких почестей в Антане, где, как ни в каком ином месте, поэтов вознаграждали по заслугам. А убожество и низость его земного существования – теперь, когда Вийон тоже стал, по выражению его римского собрата, книжным персонажем – были всего лишь живописными деталями грандиозной поэмы его жизни. Различие заключалось в том, что жизнь Вийона стала бессмертным мифом о добром бродяге, притчей, которая показывала, как много хорошего всегда остается в самом гнусном и отверженном из преступников и даже в людях, потерпевших неудачу в делах. Легенда о Вийоне, таким образом, доказывала прямо противоположное тому, что было доказано легендой о Нероне: подобно тому, как один доказал, что когда все препятствия устранены, человеческая натура вдохновляется только пороком и жестокостью, история другого показывала, что подлинная, глубинная человеческая природа основывается на доброте и любви, несмотря на все поверхностные загрязнения. И легенда о Вийоне, повторил Вийон, заключает в себе нежность – тот необходимый привкус любви и сентиментальности, питательный, как черная патока, без которого ни одно произведение искусства не может считаться первоклассным постольку, поскольку оно привлекательно для публики.

– Ибо моя жизнь, милостивые государи, была великой притчей. И она была принята благосклонно, ей даже сделали комплимент, обвинив в том, что она подражает Священному Писанию. Но какого черта! Если притча о блудном сыне была хороша в Новом Завете, то почему она стала хуже, будучи исполнена с живостью и блеском, который я ей придал? Ведь я тоже, с помощью нескольких женщин, промотал все

свое состояние и валялся в грязи вместе со свиньями, никогда не забывая о том, что скоро меня будут приветствовать неувядающей любовью и телячьими отбивными. Короче говоря, хотя я вынужденно жил в сточной канаве, мой взор всегда был устремлен к звездам.

Тогда Джеральд, обращаясь к этому своему прошлому воплощению, заметил:

– Вы меня тронули, мессир Фнасуа. Вы затронули нужную струну моей души, употребив фигуру речи, которая всегда эффективна. Не знаю почему, но любая мыслимая речь, содержащая заведомо ложное суждение, может стать изысканной и поучительной, если она оканчивается словом «звезды». Мы, поэты, убедили всех, включая самих себя, что в акте созерцания звезд заключается некая тайная добродетель. Поэтому, когда вы только что произнесли фразу «Хотя я вынужденно жил в сточной канаве, мой взор всегда был устремлен к звездам» – я был глубоко тронут. Мне показалось, что я слышу жалобный крик всех людских надежд – отчаянный, но величественный. Однако, если бы вы утверждали, что ваш взгляд постоянно, или, по крайней мере, каждую ясную ночь, бывал устремлен к планетам, – или, например, к кометам либо астероидам, – я бы не был тронут ни в малейшей степени.

– Достаточно, чтобы вы просто были тронуты, не зная почему, – заметил Нерон. – В этом – магия поэзии. Очень часто, когда я декламировал свои лучшие стихотворения, посвященные бедствиям Ореста, Канаки или Эдипа, я сам не мог до конца понять, откуда берется это ужасное отчаяние, которое охватывало моих слушателей. Они рыдали, они падали в обморок, у некоторых женщин преждевременно начинались родовые схватки, так что я был вынужден поставить своих преторианцев охранять двери и окна, ибо большая часть аудитории неизменно пыталась избежать невыносимых мук экстаза, вызванных моим искусством. Такова магия великой поэзии, которую даже сам поэт не в силах объяснить.

Тогда Джеральд сказал:

– Однако вы, два поэта, которые прошли все предместья Антана, где господствуют только две истины, и единственное учение гласит, что мы совокупляемся и умираем, – не рассчитываете ли вы по прибытии в Антан, который является целью всех богов, открыть для себя некую третью истину?

Ему показалось, что на лицах этих двух мифологических персонажей появилось хитрое и осторожное выражение.

– Для поэта, – ответил Нерон, – всегда существует столько истин, сколько он может себе представить.

– Я бы выразил это несколько иначе, – заметил Вийон. – Я бы сказал, что истин больше, чем может себе представить поэт. Но мы приходим к тому же выводу.

– Да – согласился Джеральд, – мы приходим к уверткам. Однако я, тоже поэт, продолжаю верить в прекрасную идею третьей истины.

И потом Джеральд рассказал им, что он и сам занимался поэтическим искусством.

– Разумеется, – великодушно добавил Джеральд, – я вам сейчас прочту один из своих сонетов, который, как мне кажется, очень к месту.

– Пес, – сказал Вийон, снимая шляпу, – не пожирает пса.

А Нерон поторопился заявить, что как они ни сожалеют, но им надо спешить в город чудес.

И эти мифологические персонажи, дружба которых была весьма примечательной в свете диаметральной противоположности их воззрений, отправились в путь вместе. И Джеральд пожелал им использовать нынешнее положение дел в Антане наилучшим образом, потому что послезавтра Князь Третьей Истины, божество с несколькими небезынтересными ипостасями, снизойдет на Антан, чтобы отнять всю власть у Магистра Филологии и поступить после этого с королевой Фрайдис по своему божественному усмотрению.

Затем он в отличном настроении вернулся к Майе и к своему обеду, ибо теперь он знал, что в предназначенном ему королевстве собирались истинные поэты, чтобы составить ему приятную компанию. Он почувствовал, что сгорает от нетерпения поскорее попасть в этот город всяческих чудес, в то время как сам он удалялся прочь от Антана, лениво поднимаясь по ступеням в опрятный домик мудрой Майи, которая расхаживала как королева в своей короне, не обращала внимания на его ухаживания, и при этом

была по-своему превосходной поварихой.

Часть VIII

Книга магов

Не всякий ученый бывает хорошим учителем

Глава 28

Нежная магия Майи

Джеральд, которого нежная магия Прекрасногрудой Майи забавляла от всего сердца, отложил свой отъезд до пятницы. Он смотрел на результаты этой магии, как и на саму Майю, сквозь розовые очки, которые она одолжила ему для того, чтобы его глазам всегда было удобно. И он находил все превосходным.

Он знал множество более красивых и блестящих женщин, как в покинутом им мире Личфилда, так и во время своего путешествия. Но Майя ему нравилась, ему попросту не хватало духу разочаровать ее и – после четырех продолжительных и нежных аргументов, – не оказать ей того внимания, на которое рассчитывают, кажется, все женщины.

После этого она сняла свою корону, и Джеральд больше никогда этой короны не видел.

Потом дата его отъезда из опрятного домика Майи была перенесена на воскресенье, хотя было совершенно ясно, что как только он спозаранку позавтракает в понедельник, то немедленно отправится в предназначенное ему королевство, овладеет величайшими заклинаниями Магистра Филологии, восстановит Диргическую мифологию, в которой он был богом, и узнает третью истину, небесным покровителем которой он являлся.

Тем временем он оставался на Миспекском Болоте и снисходительно, даже с некоторой жалостью, разглядывал своих предшественников на посту любовника Майи – этих околдованных мужчин, которых Майя превратила в домашних животных. Его божественный скакун был временно отправлен на пастбище и пасся вместе с этими послушными мериными, которые некогда были рыцарями, баронами и царствующими монархами. Все они с довольным видом бродили вокруг опрятной хижины вместе с несколькими волами, баранами и тремя мулами, которые тоже когда-то были благородными людьми и уважаемыми монархами.

Джеральд видел, что эти животные, казалось, были довольны своей участью. Однако было весьма грустно осознавать, что эти джентльмены были смещены с ответственных постов, лишены мирской славы, тронов, турниров и крупных банковских счетов ради того, чтобы поедать траву на пастбище. Джеральд искренне пожалел, что им был неведом правильный способ обращения с малой магией Майи.

Нельзя было винить милую женщину. Она по доброте душевной не могла удержаться от того, чтобы помешать этим мужчинам осуществить свои смелые дерзания и совершить прекрасные подвиги, потому что она и в самом деле полагала, что для них гораздо лучше и безопаснее быть домашними животными.

Она оправдывала свое милосердие с достойной похвалы логичностью. Она утверждала, что все мужчины стали больше удовлетворены своей жизнью после того, как превратились в домашних животных. Она подчеркивала, что ее возлюбленные, в частности... Да что там говорить! Джеральд и сам видел, как мало дела сердечные волновали сейчас ее волов и меринов. По всем мыслимым моральным основаниям они в результате своего двойного превращения сделались лучше. Они не бегали за похотливыми самками, не проявляли кровожадную ревность по отношению друг к другу и каждую ночь вовремя отправлялись спать. Если бы только Джеральд знал их, как знавала она, в бытность их людьми высокого положения и царственными особами, он бы никогда не стал выступать против столь очевидного улучшения.

Кроме того, великодушие и альтруизм не подстрекали домашних животных к опустошительным войнам, расчетливость никогда не пробуждала в них алчность к богатству, а самоуважение не заставляло

их бездумно сорить деньгами; религия не вынуждала мулов вопить на кафедрах, а сознание барана никогда не превращало его в назойливого и злобного паразита. In fine, домашние животные не были обезображены человеческими добродетелями, и с ними было легко поладить. А если бы какая-нибудь женщина попыталась держать в доме такое множество мужчин!.. Майя, которая потеряла (по крайней мере отчасти) столько мужей, не закончила предложение. Но выражение ее лица сделало умолчание красноречивым.

Джеральд несколько не сомневался, что не будь он богом, неподвластным ее чарам, Прекрасногрудая Майя уже давно бы, из чистой доброты и нежности, превратила его в барана, быка или какое-нибудь другое полезное четвероногое, и таким образом помешала бы ему получить ожидавшее его в Антане наследство. Но он не винил ее. Мирная, глупая, симпатичная женщина просто-напросто не понимала, что быть довольным – это еще не все. Она не могла уразуметь лежащей на божестве обязанности вести исполненную величественной красоты жизнь и совершать потрясающие подвиги на пути героизма и великодушия.

Разумеется, как сказала она, подвиги воителя, который приходит просветить и улучшить ту или иную страну, – и даже избавить ее от того, что по меркам Соединенных Штатов Америки является недостойным, отсталым и, возможно, недемократичным, – с необходимостью нарушили бы обычный порядок вещей, к которому местные жители успели привыкнуть. Антан, как мог видеть Джеральд с крыльца домика Майи, был мирным и спокойным городом. И по каким бы не американским стандартам ни жили его обитатели, освободить город от этих стандартов означало бы принести смуту и беспорядок.

– А это досадно, – сказала Майя, – беспокоить людей, которые были вполне довольны, когда ты и сам был доволен... Но даже если и так, у бога были свои обязанности. Быть довольным, не иметь забот днем, ни в чем не нуждаться, и каждую ночь, выполнив супружеские обязанности, погружаться в глубокий и освежающий сон – это было далеко не все, что нужно богу. Была еще третья истина. Предназначенное Джеральду королевство находилось там, а не на Миспекском Болоте. Там боги и человеческие мечты достигали благородной и достойной цели. Там была Фрайдис...

А Джеральд начал все больше и больше думать о Фрайдис. Согласно всем сообщениям, именно она на самом деле правила этими холмами и долинами, которые завтра или, по крайней мере, на следующей неделе, будут холмами и долинами Джеральда. Именно ей во всем подчинялся Магистр Филологии, которого Джеральду было суждено свергнуть с престола. Однако, насколько Джеральду было известно, в пророчестве ничего не говорилось о том, как ему следует поступить с Фрайдис. Это, судя по всему, было оставлено на его божественное усмотрение.

– Во всяком случае, не следует быть слишком суровым с женщиной, о красоте которой ходит молва по всему миру, – в полусне размышлял Джеральд, объевшийся вкусной стряпней Майи и удобно усевшийся на крылечке в очках, пижаме и шлепанцах, которыми снабдила его Майя.

Глава 29

Пение Левкозии

На следующий день, когда Джеральд сидел на обочине под каштаном в ожидании ужина, три путника, странствовавшие вместе, прошли по направлению к Антану. Все они выглядели людьми благородного сословия, и Джеральд приветствовал их знаком, который был известен только великим волшебникам. Они ответили на его приветствие, но их знаки принадлежали к магии более древней, чем та, что была знакома Джеральду.

Потом один из них представился:

– Я – Одиссей, сын Лаэрта.

Так Джеральд понял, что перед ним еще одно из его бывших воплощений. Но он воздержался от комментариев.

Одиссей продолжал:

– Я был мудр. Моя мудрость привлекала внимание людей всех сословий, а слава о ней достигла Небес. Я правил Итакой, островным государством, расположенным на западе. Против своей воли я отправился с другими вооруженными греками осаждать Илион. Предприятие казалось мне безрассудным и едва ли прибыльным. Однако, ввязавшись в это дело, я поступал благоразумно, и в конце концов там, где потерпели неудачу многие храбрецы, благодаря моей мудрости был достигнут успех. Десять лет Илион не поддавался силе Ахиллеса и Аякса; Илион смеялся над потугами рыжеволосого Менелая и божественного Агамемнона, но благодаря хитрости Одиссея Илион был взят за одну ночь. Я забрал свою долю добычи, оставив славу тем, кто к ней стремился. Я пересек весь мир, возвращаясь к тому, чего благоразумно желал – к моему мирному и уютному дому в скалистой Итаке. Вопли ослепленного Циклопа, гнев потрясателя земли Посейдона, белые молнии оскорбленного Зевса, двенадцать ветров Эола – все было против меня. Я победил. Я прошел мимо морского чудища Сциллы, громадины с двенадцатью руками, прожорливого монстра, от которого никто не уходил живым. Харибда, которая пожирала всех, не сожрала меня, так как я благоразумно приник к фиговому дереву.

– Конечно, – сказал Джеральд, – листья этого дерева часто служат хорошей защитой. —...О могучий хитроумный Одиссей, – поспешно добавил Джеральд, так как он в свое время изучал классику.

– Более того, дочь солнца, светловолосая Цирцея и королева Калипсо, самая божественная из богинь, тоже встретили меня более дружелюбно, чем других. Я обнимал их, и они отнюдь не считали, что я плох в постели. Ибо они были богини, скорые как на расправу, так и на любовь. Неблагоразумно отказывать богине. Из объятий этих бессмертных я последовал к моей желанной цели. Но никто не бывает благоразумен всегда. Когда мой корабль приблизился к острову людоедок Сирен, я приказал своим матросам заткнуть уши воском. Но свои уши я не заткнул и поэтому мог слышать, как поет Левкозия, в то время как Партенопа и Лигейя играли сладостную музыку. Я хотел, оставшись невредимым, послушать пение, которое было столь прекрасно, что завлекало менее благоразумных людей в объятия певицы, где, как им было хорошо известно, их ожидала страшная смерть. Я слышал это пение. Мне было безразлично, что пологий берег этих музыкантов сверкал как серебро в тех местах, где солнечный свет падал на усеивающие его кости множества убитых людей. Я вырывался, пытаюсь броситься в море и поплыть к Левкозии. Но путы удерживали меня. Я был связан: мои руки и ноги были стянуты крепкими веревками. Черный корабль шел вперед, вспенивая воду полированными лезвиями еловых весел; а я рыдал, удаляясь прочь от своей гибели и приближаясь к заветной цели, к которой влекло меня благоразумие.

– Воистину, чары ее пения, должно быть, свели вас с ума. Но такова магия великой поэзии, – заметил Джеральд, – вещь, которую даже сам поэт не в силах объяснить... Но несмотря ни на что, о хитроумный Одиссей, вы, как мне известно, достигли своей цели. Вы достигли своей цели, насколько я помню, оказавшись в вашем доме с множеством колонн и с удовольствием перебив женихов, которые докучали вашей супруге, полагая, что она осталась вдовой.

– Естественно, моя цель была достигнута. Ведь я – Одиссей. Естественно, я прикончил расточителей моего имущества, которые девять лет ели и пили за мой счет. Когда я стал разбивать им головы одному за другим, поднялся ужасный крик. Полы были залиты кровью. Стало ясно, что именно Одиссей противостоял этим бесстыжим типам, которые слишком вольно обращались с его стадами, с его кувшинами с вином, с его женой и со всем остальным, что было в его доме. Однако вскоре я узнал, что мне была нужна не скалистая Итака, не нежные объятия Пенелопы, не мой мирный дом. Я издавал законы. Я разрешал судебные тяжбы. Я разбирал склоки между пастухами. Я, придумавший способ сжечь Илион, теперь занимался разведением овец. Войны не беспокоили Итаку, нападать на которую боялись правители других королевств. Ведь я был очень знаменит. Моему благополучию ничто не угрожало. Я жил в мире. Но никто не может услышать пение Левкозии, не заплатив за это большую цену. Я больше не слышал Левкозии. Вместо этого я слышал голоса глупцов, восхвалявших мою силу и хитроумие, и голос моей жены, которая благоразумно рассуждала о чем-то, до чего мне не было дела. У меня в моей уютной, спокойной, благоустроенной Итаке было все, что нужно благоразумному человеку. Но в своих странствиях я видел много существ, более необузданных и непокорных, чем я позволял кому-либо быть в своей Итаке. Я слишком много помнил. Нет, я не жалел ни о Калипсо, ни о Цирцее, ни о той прелестной девушке Навсикае. Я мог бы вернуться к ним, если бы захотел. Но я помнил пение Левкозии, к которой не смел вернуться. Ведь никто не может слышать пение Левкозии, дорого не поплатившись за это.

– Но о чем она пела, о премудрый Одиссей?

– Она пела о том, что преследовало меня, осмеивая достижения моей мудрости. Она пела о том, чего я на самом деле желал.

– Это не совсем внятный ответ, о благородный сын Лаэрта.

Одиссей угрюмо посмотрел на Джеральда и сказал:

– Она пела о том, что тревожит душу мудреца и разрушает его благоразумную жизнь. Я думаю, она пела об Антане. Вот почему я должен совершить путешествие в Антан, где, может быть, я найду то, что мне нужно.

Только тогда Джеральд кое-что припомнил. Он вспомнил об Эвадне, той пернатоногой Эвадне, которую, как говорил Горвендил, во времена ее морской жизни звали Левкозией. Но Джеральд ничего не сказал, ведь в конце концов это было не его дело...

Глава 30

Чего хотел Соломон

Тогда заговорил второй путешественник. Он говорил о том, что было у него в те времена, когда все богатства, все удовольствия и вся власть принадлежали Соломону благодаря его шестикратной мудрости. Никто из обитавших когда-либо среди людей не был наделен таким могуществом, которым обладал Соломон, когда он царствовал над Израилем и правил миром.

Ведь Соломон был в шесть раз мудрее любого человека. Соломон знал шесть слов, неизвестных более никому. Он понимал смысл этих слов.

Слово Зверья. Как только Соломон произносил его, перед ним тотчас же возникала пара любых животных, которые только бегают или ползают по земле, – от слона до ничтожного червя. На шее каждого стояло клеймо Соломона, так что отныне их потомство было подвластно ему. Они открывали Соломону мудрость животных, которые умирают и не заботятся об этом. Он кормил их за столом из серебра и железа, который занимал четыре квадратных мили. За этим столом Соломон прислуживал как официант и собственными руками подавал пищу каждому животному, от слона до ничтожного червя.

Слово Морское. Когда он произносил его, все виды рыб поднимались из морских глубин на поверхность неподалеку от Аскалона. На теле каждой стояло клеймо Соломона. Тогда приходили сто тысяч верблюдов и сто тысяч мулов, груженных зерном. Всех морских тварей кормили, и они служили Соломону, открывая ему мудрость Морского Базара.

Слово Птичье. Когда он произнес его, небо померкло от бесчисленного множества птиц, которые принесли клятву верности и обучили Соломона мудрости Аспарасаса. Не пришел только чибис. Но потом он явился и возвестил:

– Тот, кто не жалеет других, сам не найдет пощады. Именно чибис привел к Соломону мудрую Балкис и научил его видеть сквозь землю как сквозь стекло.

Слово Вражеское. Когда он произносил его, все воинство адское – кроме Сахра и Иблиса – преклоняло колена перед Соломоном. Джинны-женщины выглядели как дромадеры с крыльями летучей мыши, а джинны-мужчины имели обличье павлинов с рогами газели. Приходили также Мазикеи и Шедаим. На шее каждого стояло клеймо Соломона, и они открывали ему черную и серую мудрость.

Слово Аратрона. Когда Соломон произносил его, к нему являлись Семеро Стражей Небесных. Соломон закрывал глаза, а голова его тряслась немного, когда он ставил на шее каждого коленопреклоненного стража свое клеймо, – так страшна была слава великих князей небесных. Из них ужаснее всего были Офиэль и Фул, царствие которых еще не пришло. Но эти Семь Стражей тоже служили Соломону и открывали ему белую мудрость.

Слово Зеркальное. Когда Соломон произносил его, перед ним возникала корзина из прутьев, в которой сидели три голубя. Рядом с корзиной лежало небольшое зеркальце три на три дюйма.

Все шесть слов были известны мудрому царю. Именно могущество этих заклинаний делало его повелителем диких зверей и птиц небесных, владыкой демонов, элементаров и призраков, хозяином глубин морских и херувимов. Все твари земные дрожали перед царем Соломоном из-за этих слов; ни один король не сопротивлялся Соломону и не посылал колесниц своих против армии царя. Ведь солдатами Соломона были дикие звери лесные и полевые, всадниками его были хищные птицы, а маленькие пташки были его хитрыми шпионами. Его адмиралами были гигантские киты и морские змеи, и сам Левиафан служил в военном флоте царя Соломона. Офицерами были адские надсмотрщики; архангелы были его советниками. У него было собственное зеркало. Слила шести слов была чрезвычайно велика.

Однако оставалось еще одно слово – слово, которое было в начале, и которое будет существовать, когда все остальное погибнет. Оставалось тайной слово, которое Магистр Филологии сказал всем человеческим богам. Только этого слова не знал царь Соломон. Его маленькое зеркальце показало ему это слово, но оно было записано символами, которые Соломон не мог прочесть.

– Зачем тебе это слово? – спрашивали женщины, которые его любили и лелеяли.

– Не знаю, – отвечал он им. Тогда жены и наложницы единодушно в девять тысяч голосов заявили, что никогда ранее не слыхивали такой чепухи. И он снова ответил им:

– Я не знаю...

По этой причине царь Соломон отправился в Антан, намереваясь услышать, как произносится слово могущества.

Глава 31

Рыцарство Мерлина

Тогда третий мудрец сказал:

– Я – Мерлин Амброзий. Мудрость, которой я обладал, была сверхчеловеческой, потому что она досталась мне от моего отца. Но я поставил ее на службу Небесам. Страна была поражена голодом, болезнями, страхом. Множество мелких вождей сражались друг с другом на своих диких полях и беспричинно устраивали друг другу засады. Я превратил страну в благоустроенное государство. Я дал стране одного короля, чей меч сверкал так же ярко, как тридцать факелов. Этот меч сверкал по всей стране, устанавливая справедливость и другие небесные добродетели. Так могуществен был Калибурн – меч, от которого отказался Юрген. Теперь, когда Артур Пендрагон и его соратники исполняли мои прихоти, этот меч служил Небесам. Они были моими марионетками... В своей игре я дал глазастому безбородому мальчишке и его неотесанным друзьям в свою очередь поиграть с мыслью о том, что каждый из них, как и любой другой человек, является сыном Божьим и наместником его Отца на земле, и что человеческая жизнь есть дорога домой, путь к нескончаемому счастью, идти по которому следует так, как подобает прямому наследнику Небес. Эти дикари поверили мне. Они были веселы днем и ночью. Они учились никому не завидовать, любить Бога, не чинить зла. Они учились говорить красиво и по делу, быть щедрыми в подаяниях, опрятно одеваться, петь и танцевать, а также бесстрашно воевать со злом. Все это сильно расстроило моего отца... Однако моя идея, я верю в это и ныне, была прекрасна. Она создавала красоту повсюду, потому что, как я говорил, наследник Небес должен по пути домой вести себя достойно. Да, результаты были величественны и живописны. Возник Кэрлеон; и не было на земле города более очаровательного, чем прекрасный Кэрлеон, построенный на Уске, между лесом и чистой рекой. Артур восседал там на помосте под пологом из огненно-красного сатина. Под локтем у него была красная сатиновая подушка. Графы, бароны и рыцари сидели вокруг короля Артура Пендрагона в соответствии со своим званием и положением. Угнетенные и несчастные приходили к Артуру. Для юношей он был отцом, старикам – опорой. Он ненавидел зло, защищал справедливость и ничего не боялся. Мой отец был о нем не лучшего мнения... Но мне нравились мои игрушки, потому что теперь я видел во всех частях страны необычную романтическую красоту. Рыцари в поисках приключений разъезжали на огромных скакунах. Они разъезжали, бряцая оружием. Они были закованы в голубые, багряные и зеленые, отделанные серебром доспехи. На их броне красовались яркие фигурки львов, леопардов, грифонов и морских

коньков, на шлемах часто развевался рукав женского платья. Гиганты, с которыми сражались эти рыцари, были могучими великанами, которые съедали семь свиных туш за один присест; драконы, с которыми они вступали в бой, были чудесными огромными червями со сверкающей чешуей, блестящими гребнями и пышными гривами. Девушки, которых они спасали, были прекраснее, чем весь белый свет. У них были светлые вьющиеся волосы и амулеты из червонного золота на лбу. Их нежные розовые тела были одеты в платья из желтого сатина. На ногах у них были сапожки из окрашенной кожи с позолоченными пряжками... In fine, наследники Небес по пути домой весьма живописным образом исполняли свои моральные и полицейские обязанности. Именно так я, Мерлин Амброзий, играл героическими добродетелями; я, сын своего отца, сделал людей лучше, чем они были, когда вышли из рук Творца. Однако все это основывалось на совершенно возмутительной идее, и вскоре милые, смешные и огорчительные проделки этих родных мне по плоти игрушек перестали удовлетворять мои желания.

Когда пожилой джентльмен сделал паузу в своем задумчивом монологе, Джеральд заметил:

– Насколько я помню, мессир Мерлин, вы испытывали влечение к некой колдунье, которая перехитрила и предала вас.

– Люди, – ответил Мерлин с мрачной улыбкой, – заблуждаются на этот счет. Разве меня можно перехитрить? Нет! Ведь я – Мерлин Амброзий.

И тогда Мерлин рассказал Джеральду о юной Нимюэ, дочери богини Дианы, и о том, как старый, уставший от жизни, ученый Мерлин пришел к ней в обличье молодого дворянина. Он рассказывал о том, как долго они играли со старой магией в весенних лесах у чистого источника, на дне которого галька блестела как начищенное серебро. Чтобы заставить двенадцатилетнюю девочку рассмеяться – а она так восхитительно смеялась, – старый маг поставил все дьявольские приемы на службу шутовству и веселью. В апрельском лесу он сотворил для юной Нимюэ фруктовый сад, где вперемешку и не по сезону одновременно произрастали все самые сладкие и вкусные плоды. Ради этой девчушки, широко раскрывшей глаза от изумления, плясали фантомы в обличье вооруженных рыцарей, архиепископов, принцесс и фавнов с козлиными ногами, и все это было великолепной забавой... Потом Мерлин рассказал Нимюэ – которая, когда капризничала, так смешно надувала губы, – как без камня, дерева или железа построить башню такую прочную, что она простоит столько времени, сколько будет существовать вселенная. А Нимюэ, когда засыпала, положив руку под голову, тихонько повторяла древние руны. Приласкав своего возлюбленного, Нимюэ заключила Мерлина в заколдованной башне, которую она построила из апрельского воздуха над цветущим белым цветком кустом боярышника, чтобы такой удивительный, мудрый и милый возлюбленный полностью принадлежал ей одной.

– И там я очень долго был счастлив, – сказал Мерлин. – Мои игрушки, когда я перестал с ними играть, принялись уничтожать друг друга. Среди них возникли раздоры, ревность и ненависть. Они забыли прекрасную идею, которую я подбросил им для игры. Страна больше не была благоустроенным государством. Мои игрушки сражались на опустошенных полях и коварно устраивали друг другу засады в древних лесах. Артур принял смерть от рук своего собственного незаконнорожденного сына, зачатого в кровосмесительном союзе. Для прямого наследника Небес это был ужасный конец. Круглый Стол перестал существовать. Страна была поражена голодом, болезнями, страхом.

Мерлин, старый поэт, который больше не играл в куклы, умолк. Он сидел, устремив в никуда задумчивый взгляд своих спокойных, утомленных глаз. Потом он сказал:

– Я слышал об этом. Но это неважно. Я был счастлив. Да, полагаю, я был счастлив. Я стал домоседом, и это продолжалось довольно долго... Не было никакого разнообразия. В этом маленьком раю, который был создан ребенком из волшебного апрельского воздуха, не было никакого разнообразия. Не было ни врага, ни противника, которого я мог бы победить каким-нибудь хитроумным приемом. Было только счастье... Нимюэ всегда оставалась юной, доброй и довольной просто потому, что я был там. Дитя любило меня. Но не было никакого разнообразия. Ни один сын моего отца не остается навечно домашним животным. И в конце концов я, Мерлин Амброзий, понял, что мои желания не ограничивались этой башней из апрельского воздуха. Там был только рай. Там было только вечное и неизменное счастье, о котором я когда-то рассказывал глазастому безбородому мальчишке и его неотесанным друзьям.

– Но как же вы могли сбежать от блаженства счастливой семейной жизни, мессир Мерлин, если

башня была и в самом деле заколдована?

– С моей стороны было бы неблагоразумно открывать тебе все секреты, – сухо ответил Мерлин, – так же как неблагоразумно было для сына моего отца открывать все тайны Нимюэ. Но дитя любило меня всем сердцем. И я ее любил. Да, я любил Нимюэ как ни одно другое существо на земле. Казалось, она не хотела уходить... Но я был Мерлин Амброзий. Поэтому в конце концов я оставил мою юную повелительницу. Я покинул маленький рай, созданный бедным воображением ребенка. И я отправился в Антан, чтобы, может быть, получить то, чего я хочу.

Когда маги закончили свои истории, наступила тишина.

Джеральд кивнул головой.

– Вы, джентльмены, говорили с похвальной искренностью. Вы с чистосердечной прямоотой выразили свои мысли в ясных, кратких суждениях. Вы привели веские доводы. Вы показали, что ни жена, ни возлюбленная, ни даже целый гарем не могут удержать мудреца от путешествия к цели всех богов. Я, однако же, прихожу к выводу, что семейная жизнь у вас всех в то время складывалась не лучшим образом. Да, такое, к сожалению, случается чаще, чем хотелось бы, даже в Личфилде, и именно по этой причине я сам отправился в Антан. Я остановился здесь только на выходные. Но я по-прежнему не понимаю, джентльмены, чего же вы, собственно, хотите.

– Что до меня, то в этом мире мне ничего не нужно, – ответил Одиссей.

– Да, но ответьте мне только на этот простой вопрос! Что вы трое рассчитываете найти в Антане? Потому как я могу вас заверить, господа, что после того как в правительстве Антана будут произведены необходимые изменения Князем Третьей Истины, – божеством, обладающим несколькими весьма любопытными ипостасями, божеством, на которого, могу без преувеличения заявить, я имею большое влияние, – так вот, как только все будет приведено в порядок, мне доставит огромное удовольствие, господа, оказать вам любую возможную услугу.

Но на трех магов его слова не произвели никакого впечатления.

– Я был мудр, – сказал Соломон. – Я знал все, за исключением только одной вещи. Я не знал слова, которое было в начале, и которое будет существовать, когда все остальное погибнет. А это слово не может знать ни одно божество, пока не услышит его из уст Магистра Филологии.

– Я желал, – сказал Мерлин, – только Нимюэ и только любви моей юной повелительницы. Когда я имел то, чего хотел, это не удовлетворяло меня. Поэтому я иду в Антан, чтобы найти, возможно, нечто, чего я мог бы желать. Но сыну моего отца не пристало искать покровительства у какого бы то ни было божества.

Тогда Джеральд сказал:

– Однако вы, три мага, прошедшие через предместья Антана, где правят только две истины и господствует только одно учение – что мы совокупляемся и умираем, – не рассчитываете ли вы там, куда стремятся все боги, найти некую третью истину?

Ему показалось, что выражение лиц всех троих стало более хитрым и осторожным.

Но они только строго отвечали:

– Мудрец знает, что его верования и его надежды не влияют ни на какую истину. Мудрец принимает всякую истину такой, какова она есть. Мудрец ничем не рискует, предполагая существование любой истины.

– Однако, джентльмены, вы говорите загадками! Это не ясный ответ на ясный вопрос, и мне ваши изречения непонятны.

– А тебе и не нужно их понимать, – ответили они.

Затем они величаво отправились в сторону заходящего солнца. А Джеральд, глядя им вслед, еще раз потрянул своей рыжей головой. Ему казалось, что эти мудрецы на ложном пути. Трудно было бы удовлетворить более выдающихся мудрецов, которые могут оказаться среди его подданных, поскольку казалось, что даже эти трое, при всей своей мудрости, никогда не поймут, чего же они хотят.

Джеральд пожал плечами. Он, во всяком случае, совершенно отчетливо знал, какое желание вызывает у него этот бодрящий деревенский воздух. И Джеральд тотчас же пошел ужинать к Майе, которая на свой лад была отличной поварихой.

Глава 32

Мальчик, которого, может быть, и не было

— Что тебе еще нужно, — спросила Майя, — чтобы провести последний вечер со мной как можно приятнее?

Ибо это снова был последний день, который Джеральд собирался провести в этом уютном бревенчатом и оштукатуренном домике. Майя без обиняков заявила, что он весело провел время, готовясь к совершению в том малопочтенном месте всяких глупостей, которые он вбил себе в голову, а то, что постоянно откладывал свое путешествие, выглядело как уловки. Что до нее, то она вообще не понимала, почему он до сих пор не покончил с этим ерундовым делом...

— Было бы славно, если бы у нас был сын, — сказал Джеральд.

Но Майя тотчас же возразила ему. Джеральду вообще казалось, что последнее время она отвечала отказом почти на любое его предложение.

— Нет, Джеральд, — сказала Майя. — Ведь ты очень скоро слишком к нему привяжешься. Ты будешь с ума по нему сходить. Тебе не захочется с ним расставаться; ты, возможно, никогда не оставишь его. Кончится тем, что ты будешь всегда стоять у меня на пути, начнешь докучать мне по ночам, будешь путаться у меня под ногами всю оставшуюся жизнь...

— Но я — бог.

— Да, Джеральд, конечно же. Я забыла, прости. Ну не расстраивайся так из-за этого! Перестань дуться! Ты бог, и это вполне понятно. Ты бессмертен, ты переживешь меня на неопределенный срок, ты будешь совершать чудеса в Антане, и все у тебя будет замечательно. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Я только хотела сказать, что для нас было бы лучше не иметь сына.

Но Джеральд ответил:

— Перестань мне перечить! Если ты, Майя, еще раз накинешься на меня вот так, я за себя не отвечаю. Тогда я разозлюсь по-настоящему, стану рычать и, весьма вероятно, взбрыкну. Я буду ругаться и говорить резкости. Я начну орать, топтать ногами и переверну весь дом вверх дном. Потому что я настаиваю, что было бы просто замечательно, если бы у нас был сын.

— Что ж, так и быть, — сказала Майя и с мрачным выражением, которое последнее время постоянно было у нее на лице, она повернулась к волшебной корзине.

— ...Я имею в виду, когда он подрастет. Младенцы ограничены в возможностях общения, слишком громко кричат и постоянно обмачивают пеленки.

Майя достала из янтарного сосуда маленькую блестящую ящерицу. Она поднесла ее ко рту, слегка подула на нее и ответила Джеральду:

— Я и сама думаю, — сказала она, — что раз уж ты так хочешь иметь сына, то пусть он будет сразу лет семи или восьми.

Затем Майя сняла крышку корзины и глубоко засунула в нее руку, в которой держала блестящую ящерицу. Из корзины, цепляясь за руку Майи, выбрался веснушчатый рыжий мальчишка с единственным верхним передним зубом. Мальчик был одет в голубое платье, а лет ему было около восьми.

— Ну вот, теперь у нас есть замечательный сын, — с довольным видом сказал Джеральд. — Но кто окрестит нашего сына? Ведь я, разумеется, назову его Теодориком Квентином, как звали моего отца и старшего брата.

Итак, мальчика назвали Теодориком Квентином Масгрэйвом. Джеральд был в восторге от ребенка, и

Князь Третьей Истины в очередной раз отложил свое восшествие на престол...

– Я предупреждала тебя! – сказала Майя.

– Но в самом деле, дорогая, неужели ты думаешь, что я полностью лишен отцовских чувств? Необходимо, чтобы ребенок получил хороший жизненный старт, и я спрашиваю тебя, может ли родитель надлежащим образом исполнить свой долг менее чем за неделю?

– Но это не совсем то, что я имела в виду. А для взрослого человека говорить такую чушь...

– Займись лучше своими делами! Итак, я покину вас обоих в следующий четверг, и для тебя было бы лучше уговорить меня остаться еще хотя бы на полсекунды дольше. Кроме того, я его очень люблю.

Однако ребенок был со странностями. Например, язык его был не красным, но сформированным из совершенно белой плоти. Когда Джеральд обнаружил этот странный факт, он, впрочем, ничего не сказал, поскольку понимал ограниченность серой магии. С другой стороны, когда на третий день жизни Теодорика Джеральд, играя с сыном, снял розовые очки, мальчик исчез. Джеральд пожал плечами как раз вовремя, чтобы скрыть нервную дрожь. Он снова надел очки, и все стало как прежде, до последней веснушки и до последнего рыжего волоска.

После этого случая Джеральд никогда не снимал очки.

Ведь Теодорик Квентин Масгрэйв стал ему очень дорог. Как и другие отцы, Джеральд не мог объяснить свое чувство или оправдать его логикой здравого смысла. Он знал только, что его отродье вызывало в нем нежность, близкую к тому, чтобы ее можно было назвать бескорыстной; что его беспокоило то, что его отродье остается некрещеным, находясь в столь опасной близости к колдунам и знахарям; что ему по непонятной причине было приятно прикасаться к этому отродью; и что, когда отродье проявляло малейшие признаки интеллекта, оно тут же казалось ему необычайно умным и талантливым, в разы превосходящим всех прочих детей.

Ведь Теодорик замечал все. И Джеральд в особенности восхищался умственными способностями сына и его наблюдательностью, поскольку, так как никакой разумности он не мог унаследовать от милой глупой Майи, все самые замечательные черты его ума, несомненно, были отцовскими.

Например, как-то раз показав пальцем в сторону Антана, Теодорик заявил: «Там тетенька!»

– О да, там полным-полно тетенок, сынок, – согласился Джеральд, думая о множестве прекрасных богинь и мифологических персонажей женского пола, которые (хотя он ни разу не видел, чтобы какая-нибудь женщина шла в Антан), наверное, делают еще более прославленным королевство, коим Джеральд начнет управлять через неделю.

И Джеральд потрепал за плечо веснушчатое отродье, с которым он на следующей неделе должен был расстаться навсегда. Он не мог понять, что за иррациональное удовольствие доставляет ему простое прикосновение к этому ребенку.

– О да, в Антане, без всякого сомнения, много тетенок, – сказал Джеральд, – хотя довольно странно, что я не видел ни одной женщины, которая бы шла в этом направлении.

Но мальчик объяснил, что он имел в виду очень большую тетеньку, которая лежит, как будто она умерла, но она не мертвая, потому что сердце у нее дышит.

Тогда Джеральд увидел, что и в самом деле, холмы на юго-западе, если смотреть с того места, где он находился, напоминали очертания женского тела. Если присмотреться, казалось, что женщина лежит на спине, а ее длинные волосы в беспорядке разметались вокруг головы, профиль которой был ясно и определенно очерчен. Можно было видеть ее шею и высокую грудь, а далее холмы, плавно снижаясь, образовывали контуры плоского живота. В этом месте силуэт громадной, темно-фиолетовой фигуры нарушался близким холмом, который располагался прямо через дорогу, ведущую в Антан, но и те части женского тела, которые можно было разглядеть, были отчетливо и натуралистично сформированы рельефом. Более того, Джеральд заметил, что в том месте, где должно было быть сердце, медленно клубился дым от лесного пожара. Именно это, разумеется, Теодорик Квентин Масгрэйв и имел в виду, говоря, что сердце женщины дышит.

Джеральд очень гордился сообразительностью Теодорика, заметившего странные очертания этих холмов, в которых Джеральд за полные три недели своего пребывания на Миспекском Болоте не нашел ничего необычного. Но когда он указал Майе на это чудо природы, она сказала только, что, разумеется, понимает, что он имеет в виду, но это все-таки всего лишь пара холмов, и на холмы они смахивают больше, чем на что-либо другое.

Часть IX

Книга Миспекского Болота

Чтобы приручить волка, надо его женить

Глава 33

Ограниченность Гастона

Как раз в это время, в середине июня, явился из Личфилда Гастон Балмер. Джеральд по своему обыкновению сидел под каштаном на обочине дороги, ведущей в Антан. Он ожидал там, намереваясь вовлечь в разговор кого-нибудь из своих будущих подданных, которые могли бы по пути в Антан пройти мимо. Джеральд, сидя под каштаном, к этому времени уже успел поговорить с таким количеством неземных путешественников, что если бы записать все, что они ему рассказали, получилась бы книга чудовищных и совершенно невероятных размеров.

При таких обстоятельствах, как раз после того, как мимо прошли два комедианта, нагруженные декорациями к спектаклю о Петрушке, Джеральд заметил, что с востока приближается небольшое облако сернистого цвета. Когда облако приблизилось к Джеральду, оно опустилось вниз и разверзлось. Из его сияющих глубин шагнул, слегка припадая на ногу, Гастон Балмер. Затем он положил на землю кедровую трость с набалдашником из голубого камня.

Само по себе это вовсе не было удивительным, так как Гастон Балмер был знатоком искусства, которое Джеральд изучал в те далекие дни, когда он еще не знал о своем божественном происхождении. Удивительно было то, как состарился Гастон за последнюю неделю. Но Джеральд все равно был очень рад видеть своего старого друга и наставника – человека, который так долго был, в сущности, его тестем.

Однако Гастон не пожелал зайти в дом отобедать, потому что, как он признался, ему не хотелось бы встречаться с Майей. Более того, его желанием и целью его приезда было освободить Джеральда от того, что Гастон Балмер, удивительным образом, называл губительной магией умной женщины.

– Ерунда! – сказал на это Джеральд. – В самом деле, если бы это не было так грустно слышать, это было бы просто уморительно. Я невыразимо удручен твоей галлюцинацией, которая, я уверен, скоро пройдет. Однако давай не будем говорить о моей жене. Расскажи мне лучше, как поживает мое тело.

Итак, они уселись под каштаном, и Гастон Балмер ответил:

– Твое тело, Джеральд, с тех пор, как ты его покинул, стало знаменитым ученым и литератором.

– Ага! – сказал Джеральд. – Так значит, мой роман о Доне Мануэле Пуактесмском был завершен и заслужил всеобщее восхищение!

– Нет, потому что твоё тело стало, как я сказал, ученым. А ученые не пишут романов.

– Однако вы упомянули литератора...

– Теперь твоё тело – знаменитый этнолог. Оно имеет дело с научными и историческими истинами. Твое тело пишет толстые тома in quarto на темы, которым ни один роман, даже самый пошлый, не уделил ни одной фразы.

Джеральд поймал себя на том, что нервно поглаживает свой вытянутый подбородок.

– Однако, как я помню, нынешний владелец моего тела когда-то убеждал меня, что есть только две истины, в которых наука может быть уверена.

– И что это за две истины?

Джеральд назвал их.

Тогда Гастон сказал.

– Демон последователен. Ведь именно эти две истины как раз и являются научной специальностью твоего тела. В настоящее время твое тело пишет бесценные труды, в которых объясняются и систематизируются те странные и интересные обычаи, которыми сопровождается взаимодействие этих двух истин, а также суррогаты этого взаимодействия, так как они существовали во все времена и у всех народов. Современный Личфилд гордится ученостью и растущей славой Джеральда Масгрэйва.

– Я рад, что мое тело так преуспело. И я надеюсь, что у твоей дочери Эвелин тоже все хорошо?

– Джеральд... – ответил пожилой джентльмен, озабоченный более серьезно, чем Джеральд обычно позволял кому-нибудь в своем обществе. – Джеральд, это нехорошо, что твоя кузина Эвелин, не ведая того, сохраняет такую тесную дружбу с одержимым демоном телом.

– А, так значит, дружба продолжается!

– Она продолжается, – ответил Гастон, – и ничего не изменилось. Тебе должно быть интересно узнать, Джеральд, что у твоей кузины Эвелин сейчас есть сын, замечательный рыжий мальчонка, родившийся ровно через год после того, как ты одолжил свое тело этому вероломному Силану.

Джеральд учтиво ответил:

– Ну что ж, это прекрасная новость! Фрэнк всегда хотел мальчика.

– Мой зять действительно очень доволен. Но я беспокоился о моей дочери. Мне кажется, что сложившаяся ситуация едва ли благоприятна для нее.

– Мое тело, – это единственная часть меня, с которой она когда-либо была знакома. Так что я не думаю, чтобы что-нибудь изменилось.

– Но Джеральд, когда я думаю о том, что такая красивая, образованная и целомудренная благородная женщина...

– Ну да, да, разумеется! Ты рассуждаешь в освященных временем терминах Личфилда. И я в самом деле не понимаю, зачем я тебя перебил.

– ...Когда я думаю о том, что, не ведая того, благородная женщина сохраняет такую тесную дружбу с телом, одержимым обыкновенным демоном...

– И она, разумеется, доверяет ему и отдает ему все?

– Всю свою дружбу и естественную для родственницы любовь. Да, это печальное зрелище. Это непристойное зрелище. Поэтому мне кажется, что твой долг как Масгрэйва и как благородного южанина – вернуться к земной жизни и к своим земным обязанностям, и в особенности к твоим обязательствам в отношении твоей кузины Эвелин, с которой ты дружил всю жизнь.

– Вздор! – сказал снова Джеральд.

Ведь образ мысли и благородные предрассудки Гастона Балмера теперь, ввиду его божественного происхождения, казались Джеральду совершенно бессмысленными. Богу не было никакого дела до такой ерунды, как кодекс поведения обыкновенного смертного джентльмена и необходимость соблюдения принятых на Земле правил обыкновенной супружеской измены. Божеству Диргической мифологии не пристало вмешиваться во внутренние дела планеты, которая, согласно протестанско-епископальной вере Джеральда, была сотворена и управлялась Епископальным божеством. Ведь Джеральд предусмотрительно хранил веру, адептом которой он был до того, как узнал что-либо определенное о религии, в которой он сам был богом.

Поэтому Джеральд сказал:

– Милый Гастон, я не сомневаюсь, что твои намерения чисты. И не твоя вина, что ты, будучи обычным человеком, не можешь понять некоторые вещи и, определенно, не можешь смотреть на них с точки зрения божественного всезнания.

Пожилой джентльмен отвечал:

– Я, во всяком случае, понимаю то, что ты все эти годы жил, будучи околдован ужасной полуманией, и что твои глаза ослеплены розовыми очками этой женщины. И я хочу тебя спасти.

– Ты хочешь спасти меня для провинциальной жизни вашего маленького Личфилда! Ты хочешь, чтобы я стал еще одним благородным, тупым, придурковатым Масгрэйвом приятной наружности! Ты отрицаешь мое божественное предназначение и хочешь превратить меня в светского льва. Но с моей стороны это было бы трусостью, Гастон. Ведь, хочу ли я того или нет, на меня возложены определенные божественные обязанности по исполнению одного древнего пророчества.

– Это что еще за пророчество?

– Это Диргическое пророчество. Но не важно, на каком языке сказано пророчество, важно другое... Да, в этом то все и дело! Ведь ты должен знать, что, хотя я вынудил свою жену представить меня местным жителям как странствующего колдуна, но, скажу тебе по секрету, Гастон, на самом деле в пророчестве говорится, что я как Князь Третьей Истины буду править Антаном.

– И кто тебе сказал такую глупость?

– Кое-какие люди, которых я встретил по пути. О, это очень уважаемые люди, Гастон!

– А кто тебе сказал, что ты – Князь Третьей Истины?

– В этом смысле свидетельство безупречно. Оно исходит, Гастон, из уст прекрасной, образованной и целомудренной женщины, которая говорила со всей откровенностью в то время, когда мы вместе с ней лежали в постели.

– Но как ты можешь править Антаном, когда ты даже не пытался туда попасть? Ведь все эти годы, насколько я могу судить, ты валял дурака здесь, на расстоянии вытянутой руки от Антана!

Джеральд, слегка нахмурившись, как человек, находивший неподобающим любое беспокойство, ответил:

– Меня, дорогой друг, несколько смущает то, что ты постоянно ссылаешься на множество истекших лет. Я признаю, что некоторые обстоятельства технически и формально затруднили мое восшествие на престол. Я покину Миспекское Болото, как только покончу с еженедельной стиркой, – после обеда в четверг...

– О мой бедный Джеральд! В четверг после обеда, или как ты это ни назови, ты не отправишься ни вперед, в Антан, ни назад, в Личфилд. Ты здесь потерял всяческое чувство времени. Ты даже не подозреваешь, что за те несколько дней, которые ты провел здесь, в Личфилде минуло четыре года! Я говорю тебе, что умная женщина со своей полумагией и со своими проклятыми очками, совершенно задурила тебе голову. И я теперь начинаю понимать, что тебе, одурманенному самой страшной из всех разновидностей колдовства морщинистой богини, ничем нельзя помочь.

На это Джеральд уже третий раз ответил:

– Вздор! Ни одна колдунья не обладает властью над богом. И ты совершенно ложного мнения о моей жене, Гастон. Ведь не было ни дня, чтобы она не напоминала мне о необходимости поспешить в Антан.

Гастон Балмер все еще разглядывал его со странным и вроде бы ничем не вызванным состраданием.

– Как хорошо она понимает вас, Масгрэйвов! – сказал Гастон. – Да, ты пропал, мой бедный Джеральд.

– Следовательно, твои опасения преждевременны. О, это не твоя вина, мой добрый друг, и я ни на мгновение не осуждаю тебя. С чисто человеческой точки зрения ты ведешь себя совершенно правильно, оправданно и по-дружески. Поэтому твое смехотворное заблуждение не оскорбляет меня. И даже если, как ты говоришь, я, по вашим человеческим меркам, провел здесь четыре года, то что это значит для бессмертного, в чьем распоряжении целая вечность? Ну-ка, Гастон, ответь мне хотя бы только на этот простой вопрос!

Но Гастон сказал только: «Ты доволен. Ты пропал».

Глава 34

Двуличие темнокожего

Гастон больше ничего не сказал об этом, потому что их беседу прервали. Ведь пока они так сидели вдвоем на обочине, к ним присоединился темнокожий человек, одетый во все темное.

– Привет, дружище! И что за дело у тебя в городе всяческих чудес? – спросил Джеральд.

И темнокожий, немного подумав, отвечал, что на самом деле у него было несколько деловых вопросов к королеве Фрайдис. Все боги, сказал он, спешили в Антан, чтобы услышать слово, которое было в начале (именно так он и сказал, совсем как царь Соломон), то есть все боги, кроме одного, который так хитроумно изменял свои догматы, что никто не знал, кто он такой на самом деле.

Темнокожий думал, что именно сейчас, в относительно просвещенном девятнадцатом веке, настало время вывести на чистую воду этого небесного хамелеона. И в любом случае, сказал темнокожий, ему нравилось беседовать с Фрайдис, которая всегда была так мила...

– Так-так! – сказал Джеральд. – Значит, вы, сударь, уже бывали в Антане.

– Да, очень много раз. Потому что я – советник всех человеческих богов.

Джеральд с естественным интересом разглядывал человека, который из первых рук получал сведения о его будущем королевстве. Однако, в любом случае, если этот темнокожий джентльмен, как начинал подозревать Джеральд, был Отцом Всяческой Лжи, не имело смысла его расспрашивать, поскольку все равно нельзя было верить ни одному его слову.

– Полагаю, что ты, идущий по дороге богов и мифологических существ, довольно хорошо известен моей родной Протестантской Епископальной Церкви. Мне кажется, что я, как и предсказывали мне мои ближайшие родственники, имею честь разговаривать с самим Дьяволом.

– Во всякой мифологии у меня, разумеется, есть своя собственная ниша, из которой я могу разными голосами обращаться к интеллигентным людям, – ответил темнокожий.

Тогда поднялся Гастон Балмер и начертал в воздухе знак, неизвестный Джеральду.

– Я подозреваю, сударь, что отец моей матушки, Флориан де Пизанж, когда-то слышал этот голос...

– Весьма вероятно. Я в свое время много говорил.

–...а также его слышал, думаю я, и другой мой предок – великий Юрген, от которого происходит род Пизанжей и который однажды встретил кого-то очень похожего на тебя в лесу друидов.

– Не могу этого отрицать. Друиды тоже знали меня. Я, Князь Мира Сего, как вы понимаете, встречался со многими миллионами людей, которых пытался осчастливить при помощи моей власти, так что я не могу припомнить каждого, кого я облагодетельствовал.

– Однако, – сказал Джеральд, – в значительных исторических событиях вы странным образом играли главную роль; вы встречали великих людей, и вы, должно быть, можете рассказать мне много интересного. Вы, сударь, просто обязаны со мной отобедать, ведь мой друг проявляет в этом вопросе упрямство. Моя жена избегает общения с богами, но я никогда не слышал, чтобы она имела какие-либо возражения против демонов. Так что окажите мне честь и составьте мне компанию в этом моем временном пристанище, в этой хижине...

Но темнокожий улыбнулся и принес свои извинения.

– Я и ваша жена не то чтобы вовсе незнакомы друг с другом. А обстоятельства, при которых мы расстались в прошлый раз, несколько неудобны. Поэтому я думаю, что мне, ради общего блага, лучше было бы не встречаться сейчас с вашей женой. Тем не менее передавайте ей мои заверения в совершеннейшем к ней почтении.

– И от кого же, скажу я ей, исходят таковые заверения?

– Скажите, что мимо проходил друг ее ранней юности, с которым она была близко знакома еще до

того, как впервые стала матерью. Я не сомневаюсь, что Хавва догадается, кто это был.

– Но мою жену зовут Майя, а до замужества ее имя было Эзред...

– Ах да! – сказал темнокожий, в точности, как когда-то говорил Глом, – женщины отличаются одна от другой именами, которые они носят. В таком случае, просто передайте привет вашей *жене*, потому что это слово для всякого мужа означает одно и то же.

– Я передам привет, – пообещал Джеральд, – а вот афоризм пусть лучше передаст кто-нибудь другой.

И он удалился, оставив своих друзей.

Гастон Балмер обнял Джеральда на прощание и не солоно хлебавши отправился назад в Личфилд в своем облаке, которое из-за уныния пожилого джентльмена приобрело черный цвет. А темнокожий неспешно пошел в Антан, легкой походкой человека, который давно привык бродить по свету.

Джеральд отметил, что он не торопился и не оглядывался тревожно по сторонам, подобно другим путешественникам, направлявшимся в город всяческих чудес. Темнокожий единственный из всех тех, которые прошли в сторону Антана, шел хорошо знакомой дорогой к цели, которая ему была хорошо известна.

Глава 35

Калки и его двойник

Итак, Джеральд остался на Миспекском Болоте еще на некоторое время. Июль был небогат событиями. Всякий погожий летний день Джеральд проводил на обочине под каштаном. На дереве появились восхитительные белые цветы, источавшие насыщенный, сладкий аромат. Затем цветы приобрели кремовый оттенок, потом – коричневый. Но сейчас дерево вновь стало зеленым с темно-золотистыми, желтоватыми вкраплениями. А Джеральд, проводивший каждый божий день в тени этих постоянных перемен, был вполне доволен.

Он говорил со многими путешественниками, которые не упоминаются в этой повести. Ведь почти все эти странники рассказывали одну и ту же историю. Девять из десяти прохожих еще вчера были богами, которым служили люди. Каждого люди почитали в той или иной части света. Ныне их дела на земле были окончены, и они направлялись к цели всех богов. Что они ожидали там найти? Джеральд спрашивал их, но на этот простой вопрос все они отвечали уклончиво. Они шли туда, чтобы услышать слово, которое было в начале, и которое будет существовать, когда все остальное погибнет; слово, которое не знал ни один из человеческих богов. Они не могли сказать ничего более, и Джеральд не особенно беспокоился на этот счет: он был вполне доволен, и вскоре должен был сам все разузнать, когда придет в Антан.

И божественный скакун Калки тоже казался довольным, а его внешний вид несколько не изменился из-за вынужденного бездействия. Он сохранял то странное однородное сияние и тот металлический блеск, из-за которых он казался отлитым из чистого серебра. Разумеется, когда он пасся на Миспекском Болоте после дождя, шерсть его казалась темной и лоснящейся, а шерсть на его широких боках сбивалась во вьющиеся маслянистые пряди. Но во всякое другое время он сохранял свой ярко-серебристый цвет, не свойственный ни одной лошади, которую когда-либо видел Джеральд.

Тем временем конь пасся вместе с меринами, которые некогда были любовниками Майи. Поедая траву на пологих склонах неподалеку от хижины, он передвигался так же, как и они, поднимая каждое копыто с какой-то забавной осторожностью. Джеральд часто наблюдал, как он пасся. И ему казалось, что эти лошади, которые в беспорядке медленно и осторожно бродили по пастбищу, поднимают и ставят на землю свои копыта так, как будто бы они думали, что их копыта сделаны из какого-то очень хрупкого материала. Их раскачивающиеся, вытянутые, тяжеловесные головы, склонившиеся рядами параллельно друг другу, казались ему слишком тяжелыми для того, чтобы их можно было бы снова когда-нибудь поднять. Когда Джеральд сонными летними вечерами размышлял о том, как им это все-таки удастся, у него возникали неприятные ощущения в ключицах.

Так Калки пасся целый день вместе с меринами, а в ненастную ночь прятался вместе с ними от ветра

за стеной хижины. Каждый день этот божественный скакун, пасшийся на Миспекском болоте, ходил с опущенной вниз головой, беспрестанно пощипывая редкую траву и никогда не прекращая ритмично шевелить своими темными, влажными, цепкими губами. Ему, так же как и меринам, приходилось жадно вытягивать губы и изгибать шею в попытках достать более сочную и длинную траву, которая росла в почти недоступных местах вокруг столбов ограды. Если подумать, то это было довольно нелепое зрелище: божественный скакун, всецело поглощенный разрешением такой задачи.

Снова и снова, замечал Джеральд, серебристый жеребец Калки поднимал голову и глубокомысленно глядел в сторону Антана. Но вскоре он снова возвращался к щипанию травы. В целом, он казался вполне удовлетворенным теми радостями, которые подобают простым лошадям. И Джеральду казалось также, что теперь Калки реже поглядывал в сторону цели всех богов.

Однако, как выяснилось, Калки не был совершенно уникален. Однажды утром, когда Джеральд по обыкновению направлялся к каштану, он заметил, что издали приближается всадник верхом на коне, очень похожем на Калки. А когда Джеральд вышел на обочину, он увидел, что пришелец сидел верхом на коне, который вполне мог бы быть близнецом Калки.

– Привет, дружище! – сказал Джеральд. – И что за дело ведет тебя в город всяческих чудес?

Но тут случилось неприятное происшествие. Юный всадник сделал вид, что он не расслышал Джеральда. Проезжая мимо, он внимательно оглядел пространства Миспекского Болота, словно бы не замечая Джеральда, который стоял в нескольких футах от него.

Он был тоже молодым человеком весьма приятной наружности. На нем был голубой кафтан и плащ золотисто-желтого цвета, такого же, как и пятна пожелтевшей листвы над ним. У него был высокий стоячий воротник с кружевами. Волосы у него были рыжие. Более того, Джеральд отметил тот ленивый, насмешливый, иронический взгляд, которым молодой человек окинул Миспекское Болото, когда он неспешно и не останавливаясь проехал в сторону Антана. А в особенности его внимание привлекла приятная улыбка красиво изогнутых, женственных губ юноши, который проехал мимо верхом на коне, удивительно похожем на Калки.

Да, он выглядел как благородный человек. Какая жалость, что этот наглый мальчишка не обладал также и благородными манерами, подумал Джеральд, который вдруг почувствовал себя незаслуженно униженным и от обиды зажмурил свои спрятанные за розовыми стеклами глаза.

Глава 36

Встревоженный взгляд Таннгейзера

На следующий день Джеральд разговорился с миловидным, хотя и сильно постаревшим Таннгейзером, когда этот знаменитый рыцарь в полном вооружении проезжал мимо, направляясь в Антан.

– Там я смогу снова встретить прекрасную даму Венеру и всех отважных и мужественных грешников, которые бескомпромиссно боролись с узколобыми и жестокими правилами респектабельных людей.

– Друг мой, – мягко возразил Джеральд, – у респектабельных людей тоже бывают достоинства. Умение идти на компромисс – тоже достоинство.

– Не согласен! – воскликнул Таннгейзер. – Вся моя жизнь отрицает это, и покуда будет жить мое имя, я останусь в памяти людей борцом против этой лжи! Потому что именно добропорядочные и респектабельные предали меня. В среде буржуазии и даже профессиональных церковников, которые должны были бы первыми поддержать раскаявшегося грешника и наставить его на путь истинный, я нашел много гордыни, мирской суеты и слишком мало радушия. И я снова вернулся к языческой красоте, которая так ненавистна благочестивым и скудоумным людям.

И тогда этот блистательный герой начал с жаром рассказывать историю своей жизни и о том, как любовь к этой вольной языческой красоте привела его в недра полой горы Гёрзельберг, где он в качестве возлюбленного прекрасной дамы Венеры вел жизнь в духе вольной языческой погони за удовольствиями. Он поведал о том, как после семи лет языческой вольницы недруги среднего возраста побудили его к

раскаянию, но именно среди высших церковных иерархов он нашел менее всего сочувствия. Поэтому Таннгейзер вернулся к наслаждениям языческой вольницы, насколько они были совместимы с его преклонным возрастом, потому что у него вызывали отвращение эти хнычущие, лицемерные и жестокие церковники.

Джеральд слушал. Он помнил, как в Зеркале Кэр Омна он некоторое время был Таннгейзером. Но в силу странных обстоятельств Джеральд стал подозревать, что время каким-то образом изменяет его, в прошлом такого убежденного иконоборца, потому что сейчас этот воинственный герой – который был одним из прошлых воплощений Джеральда – казался Джеральду слишком картинным и до прискорбия глупым. Ведь вся эта история вела к ложным заключениям. Из нее следовало, что Бог находится в ссоре с главой собственной Церкви. Она неизбежно порождала громкие насмешки над буржуазными добродетелями и обвинения в адрес людей, которые, в конце концов, не сделали ничего хуже того, что провели спокойно и в согласии со здравым смыслом свои жизни, – жизни, которые Таннгейзер сейчас порицал, что казалось Джеральду пустым ребячеством. Не было никакой разумной причины, по которой достопочтенный римский папа должен был цацкаться и нянчиться со старым, закоренелым грешником, только что покинувшим первоклассный бордель. По мнению Джеральда, Небеса, публично унизив папу Урбана, поступили нетактично и нарушили *esprit de corps*, который должен существовать между духовными лицами всех церквей как между товарищами по работе. И в любом случае рассуждения Таннгейзера о религии были не того сорта, чтобы Джеральд, который был теперь богом, мог слушать их с одобрением.

Но Джеральд все-таки слушал и довольно дружелюбно улыбался.

– Знаю, знаю! – сказал Джеральд. – Я все о вас знаю, мессир Таннгейзер. Когда вы раскаялись в дурных поступках – а вы действительно совершили их предостаточно, – вы с надеждой обратились к религии. Но – *alas!* Ее служители вас оттолкнули. Вы обнаружили, что они – тоже люди, подверженные человеческим слабостям. Вы обнаружили, что перед лицом Небес даже папа может совершать ошибки. Поэтому, вполне естественно, вы решили утопить удивление и ужас от этого открытия в безудержном пьянстве и язвительных упреках в адрес всех добропорядочных прихожан. Ведь ваше открытие было революционным: звезды сошли со своих мест, чтобы посмотреть, как человек совершает ошибку. Ты тоже, должно быть, нашел это зрелище исключительно тягостным. Однако в этом смысле ты оказался полезен для романтического искусства.

– Да, черт возьми, приятель – зато какие у тебя были последователи! Сколько людей получало невинное удовольствие, развивая открытие, которое первым сделал Таннгейзер. Открытие, которое состояло в том, что среди духовенства и прихожан встречается лицемерие и подлость! Я не сомневаюсь, что ты на протяжении веков будешь благодетелем для своих потомков. Я, однако же, нахожу, что лицемерие и подлость встречаются также и среди признанных негодяев, которые вовсе не ходят в церковь. Я полагаю, что всякая религия заставляет определенное число своих приверженцев благоразумно практиковать некоторые добродетели, которые обычно считаются полезными. Удельный вес желательных качеств среди паствы любой церкви, как мне представляется, ощутимо выше, чем в среде посетителей борделя или клиентов палача. Не стану отрицать, что мое открытие с эстетической точки зрения тоже революционно. Согласен, что оно еще не было представлено в художественной литературе, и что ни один разумный реалист не сможет рассматривать такую замечательную выдумку без отвращения. Но я верю, что в один прекрасный день смелая обработка этой скандальной темы чудесным образом вознаградит своего автора и принесет пользу литературному искусству.

И Джеральд добавил:

– Более того, твоя история предоставляет прекрасный предлог и отговорку всегда, когда молодость требует своего. Хотя, осмелюсь заметить, дорогой друг, что лучшие из людей с неизбежностью сочли ваш второй загул, длиною в столетие, слишком продолжительным. У всех у нас есть свои грехи – у кого больше, у кого меньше. Но даже разгул должен быть правильно организован и проходить с определенными ограничениями. Он должен быть отважным и во всех отношениях лиричным; а в особенности обладать краткостью лирического жанра. И он не должен, ни в коем случае не должен проходить в Гёрзельберге. У меня тоже, например, был загул. Но он происходил спокойно, благородно, при полном самоконтроле и не доходил до крайностей. Поэтому я поселился – хотя и временно, но все-таки поселился, – не в порочном и

беспокойном Гёрзельберге, но здесь, в месте, где довольный муж не рискует когда-либо представить интерес для беллетристики.

– Здесь некоторые могут существовать, но никто не может жить! – презрительно бросил Таннгейзер, озирая своим диким взглядом пространства Миспекского Болота.

– Позвольте мне! – сказал Джеральд с самой умильной улыбкой и водрузил свои розовые очки на длинный крючковатый нос Таннгейзера.

Последовала пауза. И Таннгейзер вздохнул.

– Я вижу, – сказал рыцарь, – ваш тихий маленький загородный дом и, полагаю, вашу жену с детишками. И свежие овощи, разумеется, прямо с грядки.

– Такой вот дом, мессир Таннгейзер, есть краеугольный камень всякой нации, колыбель всяческих добродетелей и путеводная звезда забыл чего именно. Это также ярчайший бриллиант в короне сам не знаю чего, а еще он служит бастионом, оплотом и якорем для целого ряда прекрасных абстракций. Это, можете быть уверены, самое подходящее место, чтобы окончить с загулом.

– Но и у меня – если бы я только женился на той чудесной, замечательной и прекрасной девушке Элизабет, – и у меня тоже мог бы быть такой дом! Ведь в конце концов что может быть лучше, чем женитьба и любовь хорошей женщины? Бесконечный бег по кругу в вечной погоне за удовольствиями оказывается тщетным, и по-настоящему человеку нужны только скромные и святые радости семейной жизни. Я должен – о, определенно должен остепениться. У меня тоже должен быть такой же дом.

Но мысль о том, как много он потерял, так поразила Таннгейзера, что он снял очки и стал тереть глаза. После этого престарелый рыцарь сидел какое-то время в молчании и с довольно испуганным видом. Он снова начал таращиться на хижину и болото, а потом уставился на Джеральда.

– И ты живешь в эдакой дыре вместе с этим грязным вырожденком и туповатой, немолодой, не очень привлекательной женщиной, которые составляют все твое общество! Удивительно, что за проклятье лежит на тебе. Дама Венера, по крайней мере, удерживала меня при помощи вполне понятной разновидности колдовства.

– Это безумие, – заявил Джеральд, с довольным видом возвращая себе на нос свои розовые очки.

– Нет, мессир, жизнь, которую вы ведете здесь – вот это безумие. Это разрушающее душу и одурманивающее безумие, от которого я бегу прочь к гораздо менее ужасным чарам Гёрзельберга.

Тогда Джеральд задал вопрос.

– Вы, прошедший через окрестности Антана, где существуют только две истины и только одно учение – что мы совокупляемся и умираем, – не рассчитываете ли вы обнаружить в прибежище всех богов некую третью истину?

Но рыцарь, казалось, так испугался прелестей семейной жизни, что не расслышал вопроса. Таннгейзер вскочил на коня и как сумасшедший галопом поскакал в Антан.

Глава 37

Довольство заблудшего бога

Теперь, поставив свою божественную карьеру в скобки, Джеральд был доволен жизнью. Очень скоро этот маленький эпизод, связанный с его остановкой на Миспекском Болоте, должен был подойти к концу. Возможно, под грузом царских и сверхчеловеческих забот, он вовсе о нем забудет. Тем временем он жил вполне спокойно. Ему было не о чем беспокоиться. Едва ли было хоть одно утро, когда он не встречал какого-нибудь божественного изгоя, чтобы поболтать с ним под каштаном. Майя по-своему оставалась отличной, хотя и непритязательной, поварихой; она следила за тем, чтобы дом содержался в порядке, а хозяйство велось во всех отношениях экономно.

Майя была ему дорога. Теперь она критиковала фактически все, что делал Джеральд. И как только он

делал какое-либо предположение насчет Теодорика, по поводу ведения хозяйства или касательно их общественных обязательств в Туруане – даже если Джеральд просто предлагал открыть или закрыть окно, – Майя тотчас же приводила по меньшей мере девять доводов, из которых следовало, что его предложение было совершенно идиотским, и что ни одному разумному человеку такое и в голову не могло прийти. Она лелеяла совершенно фантастические представления о масштабах эгоизма Джеральда, о том, насколько он не считается с другими людьми, и о том, как ему не хочется сделать хотя бы что-нибудь, чтобы доставить ей удовольствие.

Хотя иногда она могла провести час, не распространяясь насчет того, какой обузой был для нее Джеральд. И во всех отношениях она была способной женщиной, которая сумела стать ему прекрасной женой и относилась к нему гораздо лучше, чем могла бы, если бы действительно думала о нем то, что говорила.

И еще Джеральд любил Теодорика Квентина Масгрэйва со страстью, которая его сильно беспокоила. Ребенок, как он знал, не проявлял ни чрезвычайного обаяния, ни таланта. Никакой ход размышлений не мог оправдать слишком большую нежность к Теодорику на основании его физических или умственных качеств. Теодорик Квентин Масгрэйв не был умен, не был красив, он не был особенно симпатичен. Он был необычайно эгоистичным маленьким тираном, вечно устраивал в доме беспорядок, оскорблял утонченную педантичность Джеральда, требовал от родителей постоянного внимания и все время задавал им трудные задания, просто потому что ему нравилось смотреть, как родители суетятся и бегают вокруг него.

Однако, когда бы Джеральд не дотронулся до этого маленького, теплого, упругого, сильного, но такого беспомощного тела, он чувствовал, что его собственное тело плавится в огне того, что можно было бы назвать разновидностью панического страха. Он любил это веснушчатое, хрупкое создание неразумной любовью, которая сулила в будущем неудобства и, может быть, мучения человеку, который на самом деле не любил никаких волнений. С тех пор как был создан ребенок, Джеральд больше не мог надеяться контролировать и хотя бы защищать свое благосостояние; его счастье теперь зависело от того, что могло бы случиться с этим чертенком. Беспомощность ребенка пугала Джеральда, как будто бы это он сам был беспомощен. Жизнь была так жестока по отношению к детям. Жизнь неизбежно причиняла детям вред и боль самыми разными способами. И все несчастья этого ребенка теперь причиняли страдания самому Джеральду, и он не мог ничего с этим поделать. Он не мог даже по всем правилам окрестить ребенка, и это в таком опасном соседстве с колдунами и знахарями, которые, как всем известно, использовали некрещеных детей такими ужасными способами, что не хотелось даже думать об этом...

К тому же, Джеральд не был уверен, что Теодорик Квентин Масгрэйв на самом деле существует. Джеральд не мог забыть то ужасное мгновение, когда он снял свои очки и обнаружил, что ребенок исчез. Джеральд уверял себя, что причиной тому было легкое недомогание, и что временное помрачение сознания было вызвано расстройством желудка. Но он соблюдал все предосторожности, чтобы невзначай не взглянуть на Теодорика иначе, как сквозь розовые очки, которые делали видимыми результаты колдовства Майи. Он решительно выкинул из головы мысль о том, что Теодорик мог быть иллюзией, которую сотворила Майя. И он стал привыкать к этому необычному молочно-белому языку, который, когда ребенок смеялся, показывался в глубине его красного маленького рта.

Иногда Джеральд задумывался: а не решила ли Майя, слишком много о себе возомнив, сделать вечным этот временный перерыв в его карьере? Но она определенно не пыталась использовать ту магию, при помощи которой она заколдовала его предшественников. Ни одна колдунья не осмелилась бы покуситься на бога... Напротив, Джеральд знал, что целомудренная простота Майи и прозаический человеческий комфорт – это все, что он получил от сожительства с немолодой, ворчливой и не самой красивой женщиной, которая удерживала его в течение этого краткого перерыва в его карьере. Вскоре он, разумеется, снова продолжит свое путешествие. И не было никаких разумных причин торопиться сейчас, когда его путешествие в Антан было практически закончено и он мог, как только бы пожелал, за полчаса или около того получить царство и все могущество Магистра Филологии.

Тем не менее Джеральд время от времени задумывался над тем, не натолкнулась ли случайно милая глупая Майя на способ удержать его, не используя вообще никакой магии; не тешила ли она себя втайне мыслью о том, что этот способ действует; и не обманывала ли она сама себя, полагая, что может обвести вокруг пальца всезнающего Светловолосого Ху, Помощника и Хранителя, Князя Третьей Истины,

Возлюбленного Небожителей.

Так или иначе, такая жизнь его пока что вполне удовлетворяла. Общество местных колдунов и знахарей было довольно приятным, и только навязчивые мысли о том, как они используют некрещеных детей, несколько отравляли ему удовольствие.

Джеральд и Майя не часто выходили в свет, они находились в приятельских отношениях с соседями, иногда ходили на Шабаш и обычно были в курсе того, что происходит в Туруане. В остальном, мелких происшествий их семейной жизни временно было вполне достаточно для Князя Третьей Истины.

Он начал думать о том, что когда он станет царем, Антан, весьма вероятно, разочарует его. Отсюда Антан всегда казался чудесным. На удивление приятно было сидеть на западном крылечке маленькой хижины, – особенно ближе к вечеру, когда, положив ноги на перила, вы могли наблюдать, как на глянцевой поверхности ваших туфель пляшут розоватые отблески заката, – и воображать себе, что происходит там, на широких просторах еще невиданных полей и холмов, которые постепенно погружались в серую и фиолетовую дымку прямо под золотым и багряным сиянием заходящего солнца. Проблема заключалась в том, что вы, наделенный фантазией бога, наверняка воображали себе, что в этом таинственном театре разыгрываются представления более чудесные, чем на самом деле.

Например, с наступлением темноты, в Антане всегда появлялись восемь огней, шесть из которых располагались все вместе, в центре, образуя крестообразную фигуру, а другие загорались далее к северо-западу. Джеральд придумал по меньшей мере двадцать теорий, объяснявших природу этих восьми ярких источников света, и пока вы оставались на Миспекском Болоте, все эти теории оставались в равной степени привлекательны. Но если бы вы пришли в Антан, только одна из них оказалась бы истинной.

Таким образом, прийти в Антан означало бы разрушить девятнадцать прекрасных гипотез, и это только в том, что касается огней. Однако, как понимал Джеральд, с этим ничего нельзя было поделать, и он искренне собирался принять свое королевство таким, как оно есть, не привередничая, со всеми недостатками, которые могут у него обнаружиться вскоре. В то же время, спешить было некуда, и с его стороны было бы благоразумно и предусмотрительно задержаться здесь, чтобы насладиться этими прекрасными декорациями, потому что вскоре у него не будет возможности еще раз увидеть Антан с такого расстояния.

С наступлением темноты эти восемь огней оставались неизменны. Однако днем эти округлые, освещенные солнцем, слегка подсвеченные холмы, испещренные более темными полосами – которые, несомненно, были фруктовыми садами, – выглядели каждый раз иначе и, казалось, еще прекраснее. Еще дальше виднелось множество гор с плоскими вершинами, похожих на заснувшее стадо гигантских голубых крокодилов, разлегшихся на западе лицом на север. А над всеми этими земными красотами безостановочно двигалась пышная процессия облаков. Эти облака были ничуть не похожи на те плоские облака, которые можно было наблюдать в Личфилде. Облака, которые нависали над Антаном, с Миспекского Болота, где находился Джеральд, выглядели так, как будто они находились на одном уровне с вами. Когда вы смотрели на них как бы сбоку, они напоминали движущиеся стены, утесы и колышущиеся на сквозняке занавески, сквозь которые наклонными, гигантскими, светлыми и почти осязаемыми колоннами пробивался солнечный свет.

Вы также всегда могли наблюдать огромную, подернутую фиолетовой пеленой, фигуру женщины с высокой грудью, которая неподвижно лежала лицом вверх, с вечно пылающим сердцем; и странная фантазия посещала вас. Вам казалось, что эта женщина была подобием королевы Фрайдис – непобежденной королевы обещанного вам королевства. И хотя вы ясно понимали нелепость этой фантазии, она от этого не посещала вас реже.

– Да ладно! – сказал Джеральд. – Повелительница таких размеров была бы бесполезна. Обаяние такого масштаба даже у бога порождает чувство несоразмерности. Тем не менее я страстно влюбился в эту пару холмов. Я начинаю восхищаться случайной игрой света и тени на этих горах земли, которые, посмотри я на них с другого места, ни в малейшей степени не были бы похожи на женщину. И вообще, такие амурные мысли, помимо того, что они безумны, не подобают человеку, состоящему в счастливом, хотя и временном, браке.

Временный характер его удобств делал их очень дорогими. Они стоили того, чтобы спать в очках (что

Джеральд делал по своим соображениям). Так что в ночную пору он мог проснуться и увидеть неподвижную темную голову Майи рядом с маленькой, растрепанной и ярко-рыжей головкой Теодорика Квентина Масгрэйва – обе были хорошо заметны, потому что ребенок требовал оставлять лампу на ночь и настаивал, чтобы мама спала с ним, а не с папой.

Джеральд мог слышать, как снаружи те его преображенные предшественники, которые превратились в лошадей, фыркают, беспокойно бьют копытами, а иногда храпят и ржут в холодной внешней тьме; или как вдалеке мычит обманутый джентльмен, который стал волком, и как с мрачной и едкой издевкой, свойственной баранам, блеет еще один из бывших мужей Майи. И тогда различие между положением предшественников Джеральда и теплым уютом его такой удобной, мягкой постели, а также ощущением нерушимого телесного покоя, который был у него теперь каждый день и час, начинало беспокоить Джеральда, потому что он знал, как это все приятно и как непостоянно.

Часть X

Книга концов

Не верь никому, кроме себя самого, и никто другой не предаст тебя

Глава 38

О прошлом епископа

Все эти приятные летние дни Джеральд оставался вполне доволен. Странно было думать, что за эти несколько дней в Личфилде минуло неизвестное ему количество лет. Он снова и снова сравнивал со своим великим предком Доном Мануэлем Пуактесмским – тем самым, о котором Джеральд, в то далекое время, когда он считал себя обычным человеком и интересовался всякой человеческой чепухой, собирался написать роман, – потому что Спаситель Пуактесма, как помнил Джеральд, провел месяц в компании, полностью состоящей из духов зла, у лесного демона Беды в лесу Дун Влехлан, где каждый день стоил ему года жизни.

Джеральд думал о том, насколько более благоразумным и приятным был его нынешний образ жизни, когда он каждый день был окружен домашним уютом и дни для него ничего не значили. Ведь Джеральд был доволен, и, определенно, ничуть не состарился. Он привык к жизни на Миспекском Болоте. Он иногда сомневался в том, что Антан может предложить ему прелести, которые бы ему лично более пришлись по вкусу, и он чувствовал, что будет скучать по простым и целомудренным порядкам бревенчатого оштукатуренного домика Майи, когда – может быть, через неделю, но во всяком случае, не позднее сентября, – вступит под своды королевского дворца с красными колоннами, и будет вечно царствовать в своем королевстве по ту сторону добра и зла.

Ему было по-прежнему интересно беседовать с людьми, которые, направляясь к цели всех богов, проходили мимо Миспекского Болота. Один из этих путешественников оказался строгим, седобородым джентльменом в облачении епископа. При виде его Джеральд пришел в восторг. Ведь перед ним наконец-то стоял тот, кто, наверное, сможет окрестить Теодорика Квентина Масгрэйва.

Тем временем путешественник обратился к Майе с просьбой приютить его. И она, так ненавидевшая гостей, приготовила белое, нежное мясо телят, замесила тесто из лучшей муки, испекла в печке пироги, достала молоко и масло. Все это она радушно выставила перед мнимым епископом на парадном крыльце. Ведь этот старый джентльмен, как оказалось, знал Прекрасногрудую Майю очень давно, в самом начале ее карьеры, которая была так откровенно богата на мужей, что Джеральд всегда несколько стеснялся задавать вопросы об этом.

– С тобой всегда было трудно поладить, дорогая моя, – сказал пожилой джентльмен, когда они все мирно обедали на крыльце. – Так значит, ты разрушила мои планы и предпочла вознаградить твоего первого мужчину за утрату слишком своенравной красоты и воинственной мудрости твоей предшественницы...

– Возьми-ка еще один пирожок, – отвечала ему Майя, – ведь я сама их приготовила, точно такие же, как ты любил вкушать в роще Мамрё, когда у тебя было что-то с Сарой. Да, я думаю, что девушке – то есть, по-настоящему хорошей девушке – следовало бы поберечь свои ласки для мужа. О, я не намекаю ни на какую из твоих подружек. Это каждая женщина должна сама для себя решать. Я просто хочу сказать, что заводить любовные шашни с богом, когда он еще в силе, это слишком нарочито и может привести только к несчастью...

– Однако!.. – с возмущением сказал Джеральд.

Она потрепала его по плечу.

– Нет, Джеральд, я не тебя имела в виду. Могущество твоё безгранично, ты сильно отличаешься от других богов, и никто не знает это лучше меня. Пожалуйста, не начинай дуться, ведь у нас гость! Он считает, что он тоже бог – пояснила Майя, обращаясь к посетителю. – Вот почему это его задело. Он думает, что он – Светловолосый Худу, Притворщик и Хулитель или что-то в этом роде... А что до этой женщины, то Адам был счастлив от неё избавиться.

– Неужели он всегда был такого мнения? – спросил седобородый джентльмен, улыбаясь своим воспоминаниям.

– Ах, мой старый, добрый друг! И тебе и мне хорошо известно, каковы эти тварные существа! Разумеется, он остаток жизни хранил память о ней, долго ещё после того, как, фигурально выражаясь, худший кусок достался дьяволу. Она была недурна собой, это все, что можно сказать в её пользу. Поэтому бедный парень навсегда запомнил ту красоту, которую он когда-то узнал. Он обычно говорил, что она была слишком красива, чтобы принадлежать какому бы то ни было мужчине. И я с ним согласна. Ни у одного мужчины не было ни малейшего шанса, и лучшие специалисты преисподней это подтвердят... И его сыновья, – продолжала Майя, в задумчивости потирая нос, – каким-то образом сохранили эти воспоминания. Ни один из них, ни тогда, ни теперь не находит моих дочерей вполне подходящими для себя. Каждый из них смутно помнит ту женщину, и томно по ней сохнет. Совсем другое дело с тварями, которых мои дочери приручили.

– Мне сказали, что она тоже там, – и пожилой джентльмен кивнул в сторону Антана. Затем он продолжил:

– И я подозреваю, что все твои дочери завидуют вечной памяти об этой Лилит, которая всегда будет первой и незабвенной любовью каждого сына Адама, и которая не позволяет большему их количеству, чем ты можешь себе представить, полностью отдать свои сердца твоим дочерям.

– В определенных пределах мы ревнивы, – ответила Майя, гостеприимно наполняя его бокал свежим молоком. – Ни одна женщина не любит быть второй скрипкой, даже в больном мозгу поэта. Однако моим дочерям известно, что большого вреда от этого нет. Ведь у мужчины на уме если не одно, так другое. Кроме того, это позволяет им сходить с ума в одиночку, не заставляя бедных подруг и жен разделять их романтическое безумие, что, конечно же, ни одной нормальной женщине не пришлось бы по вкусу...

Но пожилой джентльмен вздохнул.

– Ты затронула горестную тему. Мне кажется, что ни одно существо не угождало переменчивым нуждам этого романа так ревностно и так разнообразно, как я.

Майя сияла от радости, с нежностью глядя на него.

– И как остроумно ты это делал! Я на самом деле считаю, что никто и нигде не делал такой замечательной карьеры. И кажется, что только вчера – не правда ли? – мы оба были молоды в Раю, а твоя известность не выходила далеко за его пределы. Но вы, евреи, так умеете приспосабливаться.

– Начнем с того, дорогая, что я даже не еврей. Наверное, именно поэтому я никогда с ними не ладил. Я был богом грозы у Мидян. Но евреи похитили меня когда я был еще маленьким божком, весело игравшим со своими молниями на горе Синай.

– Все равно, когда я думаю о том, какое положение ты завоевал в высших кругах христиан, о высокой репутации Церкви, к которой ты принадлежишь, обо всех прекрасных поэтических произведениях, для которых ты послужил источником вдохновения, и о том, как знаменит ты стал повсюду, я горжусь, что когда-то – когда мы оба были молоды – ты имел на меня другие планы. – Тут Джеральд заметил, что Майя очень мило зарделась.

– Ты была первым моим разочарованием, – сказал пожилой джентльмен, – у которого, как теперь видел Джеральд, была и в самом деле вполне еврейская внешность.

– Согласен, моя карьера во многих отношениях необычна. Но закончилась она тем, что я попал в очень неловкое положение, а мои замыслы так и не осуществились.

Затем пожилой джентльмен, одетый как епископ, стал рассказывать о своей первой семье и о том, как его потомки, начиная с его сына Исаака, сошли с пути истинного. Он говорил о том, как пытался он

жесткими методами, подобающими богу бури, завоевать любовь своего семейства. Но ничего не получалось. Чего он только ни делал: и эпидемии, и потопа, и плен, и казни, и опустошительные чудеса. Он наслал на них вавилонян, филистимлян и десятки их вассалов, чтобы они убивали их; огромных псов, чтобы они терзали их трупы; хищных птиц и диких зверей, чтобы они рвали и пожирали их. Но это не пробудило в них даже искорки любви. Он опустошил их города; он сделал так, что вдов у них было, как песчинок в пустыне; он поражал их голодом и проказой, жег их молниями, посылал им самых речистых и мрачных пророков. Короче говоря, он сделал абсолютно все, что, как он думал, могло бы оживить их увядающую любовь. Но чем больше он докучал своим потомкам, тем меньше они его любили. Сразу же, как только он предупреждал их, и немедленно после каждого отеческого наставления оставшиеся в живых еще более склонялись к тому, чтобы поискать себе другого покровителя. Все это приводило его в уныние.

Он говорил и о своем втором сыне. Здесь он стал очень рассеян, как будто вся эта затея приводила его в замешательство. Это была великая жертва и искупление, смысла которого пожилой джентльмен не понимал и не притворялся, что понимает. Он даже не мог сказать, кто выиграл от этого искупления, потому что сам он лично полагал, что любой отец счел бы его отвратительным и ужасным. Так или иначе, дело закончилось образованием Церкви, которую он счел своим долгом возглавить. Но странным образом, после того как его убедили формально посвятить себя делу мира, прощения и любви, его непонятливые служители продолжали драться и убивать еще пуще прежнего, потому что теперь они это делали по высоконравственным причинам. Они боролись за пресуществление и за греческие дифтонги, за относительные достоинства полного окунания или смачивания лба при крещении и за первородный грех младенцев, за спасение одной верой и за прочие малодоступные для понимания вещи, в которых аравийский бог бури – получивший только начальное образование и не обладающий академической подготовкой, – едва ли мог разобраться. И все это обескураживало.

И сегодня его положение было не лучше. В церкви, к которой он принадлежал по профессии, его ранг был очень высок. Да, с очевидным смущением признавал пожилой джентльмен, его имя читали. Однако все его деяния – даже такие достопримечательные деяния, как беседа с учениками в раскаленной печи, изобретение кита как средства междугородного сообщения, остановка солнца – все эти чудесные подвиги, вкупе с проявлениями подобающей богу грозы вспыльчивости и свирепости, были сведены до уровня поэтических выдумок. Само его существование было усложнено догматом троичности, который, поскольку уму он был непостижим, препятствовал тому, чтобы в такое существование хоть кто-нибудь на самом деле поверил. Даже ему самому было трудно с этим согласиться после того, как много тысяч лет в обычной обрядовой практике он был неделимым божеством. Восемнадцать столетий зависимости от доктрины триединства, которую он вынужден был признать в силу своего официального положения, показали, что этот невразумительный и сбивающий с толку догмат находится далеко за пределами понимания воспитанного в пустыне аравийского бога бури, как бы ни развивал он свой ум при дворах христианских монархов и в крупных монастырях с тех пор, как получил начальное религиозное образование у земледельцев Сирии и Сина. Также не мог он искренне признать, что когда-либо ему нравилась идея, что его существование должно быть тайной, недоступной для понимания даже окончивших лучшие семинарии прелатов, и что все его подвиги суть поэтические метафоры. Ведь от него, насколько мог судить простодушный аравийский бог бури, не осталось ничего, что человеческий ум мог бы постигнуть как нечто реальное. Это привело к тому, что все его ревностные служители, которые полностью принимали догматы его Церкви, превратились, насколько он мог судить, в поклонников пустоты. И все это приводило в уныние.

– В общем, я чувствую, – сказал пожилой джентльмен в облачении епископа, – что мое настоящее положение в Христианской Церкви является неудобным и, в некотором смысле, ложным для аравийского бога бури. Я для этого слишком старомоден. Нет, я пытался с этим смириться! Иногда я даже заходил так далеко, что признавал, что один человек, который никогда не видел другого, может, весьма вероятно, поверить, что тот человек на самом деле не один, а три человека, деяния которых являются поэтическими метафорами. У людей богатое воображение. Однако, друзья мои, я должен подчеркнуть, что никто не может поверить в это, когда речь идет о нем самом. Таким образом, эти любопытные теории о моем существовании предполагают существование по меньшей мере одного скептика и, разумеется, зависят от этого скептика, то есть от меня. Но я инстинктивно чувствую, что их логика ошибочна. Я считаю неподобающим, что я единственный из всех, принадлежащих моей церкви, с неизбежностью обречен оставаться атеистом. От несправедливости и безумия всего этого я преждевременно состарился. А не то,

если бы я сохранил силу своей молодости, я нашел бы способ очистить доску по-свойски – при помощи смерча, например, или молнии, потопа и тому подобного, – чтобы начать все сначала. Но, увы, я состарился, моя дорогая Хавва, с тех пор, как мы впервые встретились. Негативное богословие и рационализация, как они это называют, которым со все возрастающим рвением подчиняли меня мои непонятливые слуги на протяжении восемнадцати столетий, довели меня до того, что я не могу логически убедить себя в своем собственном существовании. У догм, которые они мне внушали, концы с концами не сходятся. И вот...

Тут Джеральд, лучезарно улыбаясь, сказал:

– Вы, прошедший через окрестности Антана, где существуют только две истины и только одно учение – что мы совокупляемся и умираем, – вы, я уверен, как глава Протестантской Епископальной Церкви, наверняка рассчитываете найти в месте упокоения всех богов третью истину. Это придает мне храбрости, чтобы попросить вас ответить мне на один простой вопрос...

– Увы, мой друг, – сказал пожилой джентльмен с таким видом, будто его шантажируют, – в профессиональном смысле моя вера такова, каковой она должна быть. Но частным образом, как прямотушный арабийский бог бури, отошедший от активной церковной работы, я подозреваю, что когда кто-нибудь где-нибудь познает сущность этих двух истин, у него остается достаточно времени, чтобы поупражнять свой разум в поисках третьей.

– Этот трюизм, сударь, невозможно оспорить, – сказал изрядно упавший духом Джеральд. – Однако это звучит как отговорка.

– В самом деле, – сказал смущенный пожилой джентльмен, печально покачивая своей седой головой, – в самом деле, с тех пор, как мне приписали троичность, меня также начали обвинять и в двуличии. Гностики, насколько я помню, рассказывали об этом ужасные вещи. Валентиниане были не более милосердны. Я уже не говорю о том, что утверждали присциллиане.

– В любом случае, – настойчиво повторил Джеральд, – хоть вы и можете игнорировать меня лично, вы не можете игнорировать ваши обязанности по отношению к Протестантской Епископальной Церкви. Мир все еще нуждается в епископах и во всем, что они олицетворяют. Хочу вам заметить, сударь, что неистовые речи епископов все еще пугают многих людей, принуждая их благоразумно блюсти добродетельный образ жизни. Епископы, сударь, по своему воздействию на людей напоминают мне хлористую ртуть, потому что их эффект в конце концов оказывается благотворным. Есть и другие сходные черты. И если вас расстраивает то, к каким способам воздействия прибегают епископы, то вы должны помнить, что они стараются ради общего блага. Более того, я хотел бы подчеркнуть, что вам негоже жить в Антане и быть моих подданных...

– Он думает, – снова вставила Майя мимоходом, – что он – бог, понимаешь?

– Но я и есть бог! – воскликнул Джеральд. – Твои постоянные замечания, дорогая, решительно неуместны. И нынешнее стечение обстоятельств тоже ставит меня в неловкое положение, ввиду моего протестантско-епископального воспитания. Данной ситуации надо избежать любой ценой. Этому джентльмену просто нельзя идти в Антан.

– Но что с этим можно поделать?

– Не волнуйтесь. В вашем возрасте, сударь, часто возникают навязчивые идеи, например, идея отправиться в Антан. Любое достаточно компетентное Диргическое божество может легко излечить такие недуги. С вашей стороны нельзя предпринять ничего лучшего, чем обратиться ко мне за помощью. Поэтому, позвольте мне, сударь...

С этими словами Джеральд смочил лоб пожилого джентльмена оставшейся водой из Океанической Пены.

Глава 39

Крещение Масгрэйва

В результате пожилой седобородый джентльмен превратился в симпатичного молодого человека восточной наружности, который весь лучился огненным сиянием, а вокруг его головы, как маленькие молнии, постоянно вспыхивали маленькие огоньки. Он с одобрением сказал:

– Что за прекрасная магия вернула мне мою молодость и силу, которые были у меня, когда я жил в Мидии, еще до того, как меня похитили эти черствые, грубые евреи?

– И вы собираетесь отправиться в Антан? – с тревогой спросил Джеральд.

– Не сейчас, друг мой, – ответил веселый, сильный, молодой аравийский бог бури. – Определенно, не сейчас! Нет, с меня хватит моего непонятого положения у христиан и опасений, что непонятливые чужестранцы меня рационализируют. Я с благодарностью вернусь к моим мидянам и к спокойной жизни местного божка. Я снова буду слышать здравые и понятные молитвы моего народа, в которых они будут просить у меня ниспослать дождь, и снова буду вдыхать дым от таких разумных жертвоприношений, как младенцы, козлы и несчастные пленники, – так, как я привык в те времена, когда меня должным образом вознаграждали за мои благодеяния, и когда я не слышал никаких неприятных сплетен насчет моей троичности. Тем временем, мой благодетель, не могу ли я, в свою очередь, что-нибудь сделать для вас?

– Разумеется, сударь, раз уж вы сами предложили, – сказал Джеральд, снова возвращаясь к своим тревогам насчет живущих по соседству колдунов и знахарей, мысль о которых никогда не выходила у него из головы. – У нас есть сын, как видите, а сейчас мне впервые представился случай окрестить Теодорика Квентина Масгрэйва по обряду Протестантской Епископальной Церкви...

– Я что, похож на протестантского пастора? – с притворным изумлением спросил у Джеральда бог бури.

– Да, сударь, признаю: ситуация двусмысленная. Тем не менее, насколько я могу судить, вы остаетесь одним из трех главных лиц Христианской Церкви в любой конфессии. А раз так, вы полностью вправе исполнить священный обряд крещения так, как принято у нас, Масгрэйвов.

Тот, кто был одет как епископ, снова рассмеялся и ехидно посмотрел на Майю. Затем бог позвал Теодорика Квентина Масгрэйва. Мальчик безропотно подошел к нему. Джеральду казалось, что от сотворения мира не было еще на свете такого милого мальчугана, как этот крепкий, смешной, рыжий чертенок, который ждал, задрав голову, и с вежливым интересом разглядывал сияющее лицо бога бури и вспыхивающие вокруг него маленькие молнии. Джеральд лучился от самой идиотской гордости за отличное поведение Теодорика. Теперь, когда трудной проблемой крещения Теодорика занимался высочайший авторитет, Джеральд сиял от радости. Джеральд с улыбкой кивнул своей милой глупой Майе, чтобы она тоже обратила внимание на то, как замечательно ведет себя Теодорик. Мальчик выказывал сдержанность и прекрасные манеры настоящего Масгрэйва.

Бог бури обмакнул пальцы в недопитом молоке и на приподнятом лбу Теодорика изобразил знак. Джеральд, правда, был не совсем уверен, что это был знак креста.

– Это не то крещение, которое возвратило мне молодость. Ведь молодость у этого ребенка, очевидно, и так есть, – несколько загадочно сказал бог. – Поэтому я освобождаю этого ребенка, которого я не творил. Я освобождаю его от власти женщины и Врага, который был виновником его появления на свет. Я отпускаю ему семь грехов и освобождаю от семи казней.

– Должна сказать, ты слишком долго с этим возился, – спокойно заметила Майя.

Когда церемония была окончена, Джеральд с неподдельной радостью сжимал сына в объятьях и объяснял ему, что он уже большой мальчик, чтобы целоваться, а прильнувший к отцу Теодорик оправдывался: «Ты же первый начал, папа...»

А бог бури обратился к Майе:

– Ты не забыла, Майя, что я освободил его от твоей власти?

Майя ответила ему:

– Ну что ж, чертенок заслужил выходной. Да и не так уж я от него зависима. Но признаюсь, я уже не первый раз задаю себе вопрос: на что ты еще способен?

Глава 40

Листонад

Итак, арабийский бог бури вернулся в мир повседневности, присматривать за своими святилищами на Синае и в Хоребе, а Джеральд благополучно избавился от будущего подданного, которого, как он чувствовал, было бы несколько неудобно иметь в числе своих подчиненных. Вечер прошел спокойно, хотя Джеральду казалось, что после крещения Теодорик немного приуныл и впал в задумчивость.

Но на следующий день, как раз после завтрака, Теодорик заговорил голосом, который показался Джеральду непохожим на тихий голос ребенка. Теодорик сообщил своим родителям, что он хочет пойти в Антан.

Джеральд был озадачен. Однако, как будто речь шла о чем-то незначительном, он спросил только: «Если?..»

– Если ты разрешишь, папочка, – послушно добавил ухмыляющийся, некрасивый, милый отпрыск.

– Почему бы и нет, раз отец тебе позволил, – сказала Майя. Она прекратила подметать крыльцо и мгновение держала веник на весу, как будто размышляя над словами мальчика. – Не будет большого вреда, если ты немного прогуляешься, ведь я наложу на тебя заклинание-оберег. Но только обещай мне вернуться вовремя, так чтобы ты успел вымыть руки и лицо перед ужином.

– А что это за маленькие желтые штучки, которые ты сметаешь с крыльца, дорогая? – грустно спросил Джеральд.

– Это опавшая листва с сикомора, которую прошлой ночью нанесло ветром, Джеральд. И вообще, не задавай мне дурацких вопросов, когда я о другом говорю.

– Но, Майя, ведь это значит, что лето кончается. Это означает конец всяческого роста. Это значит, что ничто теперь не будет становиться больше или красивее.

– Честное слово, никогда не слышала, чтобы взрослый человек нес такую чушь, какую ты иногда мелешь. Можно подумать, Джеральд, что лето никогда не кончается!

– Да, ты права. Оно всегда заканчивается, а его комфорт и тепло пропадают. Да, смерть витает в воздухе и это не поднимает мне настроение. Вот и все, дорогая.

– Ну что ж, Джеральд, если ты покончил с этой болтовней – которая, разумеется, может быть, очень глубока и умна, вот только я ее не понимаю, и, определенно, не хочу понимать, – так вот, я тебя о совсем другом спрашивала. Впрочем, так всегда и бывает. Ты обращаешь на меня так мало внимания, как будто меня вообще здесь нет, как будто я вообще не подметаю это крыльцо, а ведь куда я ни повернусь – я постоянно спотыкаюсь о твои неуклюжие ноги. Ты бы хоть малейший естественный интерес проявлял к своему собственному ребенку!.

– Ах да, ты говорила о Теодорике! Да, полагаю, мальчики становятся беспокойными, когда у них совсем нет друзей и им не с кем играть. Я поговорю с ним о его решении, пока ты будешь застилать постели.

Ничто не могло бы быть более прозаическим. И все-таки Джеральд был встревожен. Он мог слышать, как в глубине дома Майя взбивала подушки. Все вокруг него казалось реальным, удобным, знакомым и постоянным. Но он каким-то образом ощущал, что все скоро изменится. Когда он увидел первую опавшую листву осени, в нем пробудилась не то чтобы настоящая грусть, но, скорее, легкое беспокойство, смешанное с обидой, и он знал, что бессилён остановить начинающиеся перемены во всем, что окружало

его уютный маленький дом.

Глава 41

Дитя всех отцов

Джеральд проводил сына до обочины. Они поговорили под каштаном, как раз там, где Джеральд беседовал со многими странными существами, которые проходили мимо Миспекского Болота в вечном странствии в Антан.

Для начала Джеральд совершил необходимый ритуал, который должен был открыть истину. Ребенок спокойно наблюдал за ним. Вскоре Теодорик начал улыбаться. Но он не сказал ни слова, пока отец производил эти странные телодвижения.

Затем Джеральд начал задавать своему сынишке вопросы. Теодорик отвечал. Как будто бы обыкновенный ребенок сидел там, его красные губки шевелились, но забавный язык, похожий на белую змейку, рассуждал о вещах, о которых не мог знать ни один ребенок.

Никакие экскурсии в черную магию не подготовили Джеральда к тому, что сейчас ему отчасти открылось. Джеральд знал о пространствах по ту сторону доступного человеческого восприятию мира; он, как человек, в прошлом изучавший магию, знал и о тех областях, которые располагались вне земной орбиты. Но только теперь он понял, из какой глубокой бездны его жена извлекла существо, которое выглядело как его сын. Против своего желания он начал догадываться, при помощи каких заклинаний Майя доставила это подобие человека в счастливый иллюзорный мир, доступный человеческим чувствам.

Джеральд был взволнован. Он, как и многие мужья до и после него, был почти напуган проблеском непоколебимой, самоотверженной и неразборчивой в средствах любви, которую женщины питают к мужчинам, с которыми связали их брачные узы. Он с раскаянием осознал, что недостойн того, чтобы его так обожествляли и баловали такой дорогой ценой, совершая сверхъестественно опрометчивые поступки. Джеральд был искренне тронут, когда понял, как далеко зашла Майя, чтобы вот так, экспромтом, удовлетворить его прихоть, подарив ему сына. Она также предупреждала, что он сам навлекает на себя беду. Да, ее женская интуиция предвидела то, к чему его рассудок был слеп. И все-таки, при всем при этом, Майя не отказалась выполнить его желание, потому что бедная Майя потворствовала ему во всем, какими бы саркастическими комментариями она все это не сопровождала.

Джеральд думал также о том, как с этого момента его худшим кошмаром стала мысль о том, что мальчик был иллюзией. Он посмотрел на любимого сына, осозная теперь, что скрывалось в этом веснушчатом, смешном, крепком маленьком теле. Мальчик внезапно стал чужим; от него исходило ощущение таинственной угрозы; он был существом более страшным, чем само зло, и все-таки Джеральд со смутным удивлением понимал, что он любит Теодорика Квентина Масгрэйва даже сейчас...

Вскоре Джеральд задал еще один вопрос этой жуткой пародии на детскую невинность и беспомощность, этому существу, которое Джеральд теперь называл Абдель-Харефом.

– Но я просто выполнял ее волю, отец, – ответил мальчик со смущенной улыбкой. – Ну да, я знаю! У нее было много мужей. Большинство из них хотели сына. Я всегда и был этим сыном.

Затем, помолчав немного, существо, вещавшее милыми устами ребенка, рассказало об оковах, от которых освободило его прикосновение и благословение аравийского бога бури. Джеральд нашел особенно неприятной эту часть истории. А Теодорик Квентин Масгрэйв, которого Джеральд по-прежнему называл Абдель-Харефом, продолжал рассказывать о том, почему он должен отправиться в Антан и встретиться не с Магистром Филологии, а с королевой Фрайдис.

– И что же тебе нужно от королевы Фрайдис? – спросил Джеральд. Ребенок объяснил ему, и Джеральд содрогнулся. На мгновение он ощутил холод во всем теле и тошноту. Однако то, что это создание хотело вернуться в свой небесный дом, было вполне естественно.

– Понимаю, – сказал Джеральд. – Теперь я знаю многое, что было неизвестно мне еще десять минут назад. Признаюсь, я удивлен, что узнал это от тебя. Тем не менее, сын мой, – если только вы, сударь,

простите меня за то, что сила привычки и любовь, которую я питал к моему милому маленькому сынишке, заставляет меня называть вас так... Впрочем, во мне сейчас говорят эмоции, которые в данной ситуации совершенно неуместны. Мой голос, к моему величайшему сожалению, изменяет мне...

Джеральд запнулся и всхлипнул. Существо, внешне напоминавшее ребенка, смотрело на него холодными и необычайно умными глазами, но язык, похожий на маленькую белую змейку, не вымолвил ни слова. Затем Джеральд снова заговорил тонким, высоким и истерическим голосом.

— In fine, мой милый Абдель-Хареф, я, как видите, едва не расплакался как наказанный ребенок. Я только прошу вас уважить чувства отца, внезапно потерявшего ребенка, и не утруждать себя, пытаясь понять его путанные речи. Нет: вы осуществили мое желание и подарили мне огромное счастье. Часть его умирает ныне. Но все-таки я был счастлив. Я доволен. И я позабочусь о том, сударь, чтобы и вы, в свою очередь, получили то, что вам нужно.

Глава 42

Отъезд Теодорика

Вытерев глаза платком, Джеральд вернулся к Майе. Его не удивило, что она уже приготовила и аккуратно завернула для Теодорика обед, чтобы он мог перекусить днем в Антане.

С беззаботностью, которая давалась ему с трудом, Джеральд сказал:

— Ну что ж, дорогая, я решил, что теперь, когда мы все обсудили, мы можем отпустить мальчика.

— Ну разумеется! — сказала Майя. — А уж сколько шума из ничего было сегодня утром, как будто мне больше нечем заняться!

С этими словами она подозвала заколдованного мерина, самого симпатичного из тех двоих, которые раньше были императорами.

— Мой сын должен путешествовать подобающим образом, — заявила Майя.

Тогда Джеральд возразил:

— Нет. Конь-император хорош, но божественный конь — лучше. Пусть он возьмет Калки.

— В самом деле, Джеральд, даже меня иногда удивляет твое безрассудство! Ведь ты прекрасно знаешь, что Калки — это твой конь, и что он тебе самому понадобится, когда ты поедешь в обещанное тебе королевство, о котором ты постоянно рассказываешь всякую чепуху.

Некоторое время Джеральд смотрел на нее... Он чувствовал смутное возбуждение при мысли о том, что в мире, где все было сомнительным и непостоянным, он каким-то образом, благодаря слепой удаче, встретил Майю, с ее ворчливостью и с ее непоколебимой, самоотверженной, неразборчивой в средствах любовью. Она не была красива, у нее не было блестящего ума, с ней даже жить было нелегко. Но Джеральд знал, что теперь он и Майя были одной личностью; а в Антане, возможно, нет ничего, что могло бы вознаградить его за потерю этой милой, крикливой, глуповатой Майи. Его зависимость от этой женщины почти пугала его...

Джеральд сказал:

— В пророчестве сказано, что власть над Антаном перейдет к тому, кто приедет верхом на коне Калки. С тем, кто сидит верхом на Калки, не может приключиться ничего плохого. Потому мы позволим, мы должны позволить нашему сыну взять Калки. Потому что таким образом мы обеспечим его безопасность и лишим меня последнего шанса когда-либо покинуть тебя, дорогая, которая для меня дороже всех королевств на свете.

— Но... — ответила Майя.

— Никаких «но», — улыбаясь, возразил Джеральд.

После этого Джеральд посадил иллюзию по имени Теодорик Квентин Масгрэйв на спину Калки и

собственноручно поправил стремяна для своего преемника и нового владельца божественного скакуна. И это подобие ребенка отправилось к цели всех богов – трогательная маленькая фигурка, расположившаяся на страшной высоте на спине огромного сияющего жеребца.

Джеральд провожал взглядом этих двоих, пока они не скрылись из виду. Его руки невольно тянулись вслед за ними. Его руки начинали болеть, когда он вспоминал ощущение этого маленького тела, его теплоту и податливость, потерянные ныне навсегда. Теодорик Квентин Масгрэйв был всего лишь иллюзией, созданной силами, о которых не хотелось даже думать. Теперь Джеральд точно это знал. Но это не имело значения. И его не утешала мысль о том, что ему было сейчас не хуже, чем другим отцам, никто из которых не мог вечно удерживать свое дитя: маленькое, беспомощное и любимое непонятно за что, так же как никто не может вполне полюбить неуклюжего долговязого школьника или даже достойного молодого человека, в которого превращается это маленькое, теплое, упругое, крепкое и такое маленькое тело...

Потом Джеральд обернулся к Майе.

– У меня есть только ты. Но мне достаточно того, что у меня есть. Мне повезло, моя дорогая, ведь я тебя не заслужил.

Она разглядывала его с выражением нежной заботы, и из ее голоса совершенно исчезли ворчливые нотки.

– В самом деле, Джеральд, ты совсем помешался из-за этого ребенка! Ты говоришь так, как будто он никогда не вернется, а он должен вернуться к ужину вовремя, если не хочет получить хорошей порки.

Тут Джеральд поднял руку в протестующем жесте.

– Не надо внушать мне ложную надежду! Большие амбиции, высокие мечты и то, что, возможно, было во мне божественного, ушли навсегда. Но осталась привычка, традиции и искренняя любовь. Я не хочу сказать, что это – героизм. Я хочу сказать, что этого достаточно. Поэтому пусть крепкие узы, которыми ты связала меня, доставляют тебе удовольствие сами по себе, и не надо украшать их бумажными цветами и оптимизмом.

– Но сам-то ты доволен? – спросила Майя.

Джеральд ответил:

– Я вполне доволен. Пусть каждый день будем мы хранить друг другу верность, любить друг друга и помогать друг другу. И давай не расставаться никогда, о дорогая моя! Я вполне доволен и полностью раскаиваюсь. Я знаю, что моя жизнь без тебя была бы убогой. Я знаю, что хочу только одного – спокойно жить вместе с тобой на Миспекском Болоте. Потому что лучше всего – золотая середина. Зачем мне нужно быть богом или разыскивать неизвестные страны, чтобы править ими? Это хлопотно, в этом много шума и суеты. Лучше быть довольным. Лучше находить удовольствие в милых, обыкновенных событиях человеческой жизни, которую ты проводишь вместе с единственной женщиной, чья любовь к тебе безгранична и неизменна, хотя от ее придирчивого взгляда не ускользает ни один из твоих промахов. Это часть мудрости – знать, что эти вещи вполне достаточны и даже превосходят твои запросы. Честный муж обязан отказаться от поисков более возвышенного образа жизни, жажды того, что ему недоступно, и чего, во всяком случае, можно достичь только ценой усилий, которых оно вовсе не стоит. В уютном и теплом свете домашнего очага каждый из нас рано или поздно видит, что лучше всего – золотая середина.

– Приятно слышать, – сказала Майя, – что ты наконец начал говорить разумные вещи.

С этими словами она протянула руку и с мрачной, но все-таки нежной улыбкой на милом, некрасивом лице, сняла с глаз Джеральда розовые стекла.

– И вот, женщина сделала свое дело, – сказал мужской голос.

Глава 43

Домостроительство Искупления

Ведь к ним, на обратном пути из Антана, заглянул темнокожий. Он сообщил, что явился, чтобы дать Майе задание превратить еще нескольких мужчин в домашних животных.

– Ведь для женщины, – сказал он, – всегда найдется нежный и благодетельный труд. В данном случае, я повторяю, женщина сделала свое дело. Но там еще гуляет множество неприрученных и несклонных к компромиссам мужчин.

Майя спрятала розовые очки до следующего раза и с несколько отсутствующим видом согласилась, что в случае с Джеральдом она сделала все, что было в ее силах, хотя никто на самом деле не знает, какой мукой он был для нее.

Джеральд на мгновение бросил взгляд на свою жену. В ее лице он обнаружил то, что всякий муж обречен рано или поздно найти. Это вызвало у него смех.

– Несмотря ни на что, – спокойно сказал он, – я – Светловолосый Ху, Помощник и Спаситель, Возлюбленный Небожителей. Я – Князь Третьей Истины в мире, и мне известны только две истины и те компромиссы, которые они порождают.

Темнокожий ответил на это ухмылкой.

– Вас долго ждали. О, как долго скептицизм и отчаяние на разные лады призывали ваше имя, повторяя: «Кто же свергнет Магистра Филологии?!»

– Ну что же, – сказал Джеральд с важным видом, так как он уже сумел взять себя в руки, – это пророчество вот-вот исполнится, ведь я – Кто, и никто иной.

– Но в самом деле, дружище, я не понимаю, как ты можешь быть вопросительным местоимением.

– Для бога, и в особенности для Диргического бога, возможны любые воплощения. Нет никакой причины, по которой я не могу быть вопросительным местоимением. Это вопрос божественного предпочтения.

Темнокожий кивнул тяжелой черной головой и сказал:

– Как тебе угодно! Мой народ частенько извлекал своих божеств и не из таких многообещающих мест, как страницы учебника по грамматике. А в целом, твоя епифания очень кстати. Ведь для меня главное, чтобы мой народ был доволен. Однако они с самого начала жаловались, что ни в одной мифологии нет бога, способного ответить на вопрос, который Магистр Филологии задает всем человеческим богам. И так, мечась между скептицизмом и отчаянием, те представители моего народа, которым не хватало благоразумия не размышлять над вопросами, при решении которых ум не приносит счастья, с давних пор спрашивали: «Кто освободит цель всех богов людских от власти Магистра Филологии?». Ныне, кажется, это слово стало плотью, и вопросительное местоимение «Кто?» стоит сейчас перед нами. Да, признаюсь, это внушает надежду. Ведь скептики и отчаявшиеся тоже должны быть удовлетворены тем, что их вера не оказалась тщетной.

Джеральд ответил:

– Вы сыплете фривольными софизмами и натянутыми каламбурами перед лицом божества, который вскоре получит предназначенное ему королевство и провозгласит во всеуслышание Третью Истину, которая неведома никому на Миспекском Болоте, где только две истины существуют и только одно учение – что мы совокупаемся и умираем.

– Ну, земной здравый смысл всегда был моим слабым местом. Так что, должен сказать тебе, дружище, мне кажется, что теперь, когда ты подарил своего божественного скакуна маленькому веснушчатому призраку, Антану нечего ждать даже от внушающего благоговейный трепет вопросительного местоимения. И хотя я покинул Антан как раз тогда, когда туда прибыл твой карлик-посыльный...

– Вы поступили мудро, сударь, – ответил Джеральд с достоинством. – Неважно, насколько

могущественны может быть, нечестивые заклинания Магистра Филологии, ведь этот мальчик вступил в свое царство, не боясь никого и любя всех. Тот факт, что против такого сочетания силы зла ничего не могут поделать, хорошо известен каждому гражданину Соединенных Штатов Америки.

Но темнокожий все еще казался погруженным в размышления.

– Не могу сказать точно... Нет, вы и мой друг Яхве выпустили против Антана силу, которая не принадлежит моему царству. Поэтому я не могу сказать, что из этого выйдет. Просто я с живым интересом и на безопасном расстоянии буду ждать результатов эксперимента – сейчас, когда из всех существ, обитающих вне сферы Земли, именно Абдель-Харефу выпало отправиться в Антан верхом на коне Искупителя.

– И в любом случае, дорогой, – сказала Майя. – Совершенно определенно, что из таких глупых мыслей, от которых я тебя постепенно излечила, не вышло бы ничего путного. В обмен на эти возвышенные мечтания я доверилась тебе настолько, насколько это было необходимо, и дала тебе все, что действительно было тебе нужно. Я дала тебе целое лето довольства и радостей домашнего очага, которое длилось тридцать земных лет. Ни один мужчина не получал от жизни большего, мой милый. Все, кто старался достичь большего, получали лишь разочарование и досаду. Поэтому ни один разумный мужчина и не пытается получить больше, чем было у тебя. И в конце концов каждому сыну Адама, даже самому мудрому и благоразумному, если он только благоразумно проживет все эти тридцать счастливых лет, достается такая жена, как я, как бы она ни выглядела в начале.

Джеральд увидел, – и это не вызвало у него ни ужаса, ни печали, – что он потерял не только сына, но и жену. Ибо Майя состарилась. Она снова стала красным, безобразным, дряблым и морщинистым созданием с растрепанными космами, как раз такой, какой она была, когда он встретил ее впервые. И он мгновенно понял, что она сказала ему правду: все женщины, как бы миловидны и красивы они ни были, со временем становятся такими, если только они не умрут еще раньше и не превратятся в еще более отвратительную падаль... Но у Джеральда не оставалось времени, чтобы обсуждать сейчас общие вопросы. Его взгляд был устремлен в сторону Антана...

– На все эти разглагольствования насчет домашнего уюта, пессимизма и довольства, – строго сказал Джеральд, – я отвечу, что Возлюбленный Небожителей выше всяческих определений. Я отвечу, что я – Кто, Князь Третьей Истины, сущность которой вам неизвестна. Теперь Третья Истина открылась. Взгляните на Антан!

Женщина и Враг обернулись и посмотрели туда, куда Джеральд указывал так величественно, как будто он знал, о чем говорит. Они, как и Джеральд, увидели, что из самого центра Антана поднимается столб зеленого огня. Потоки пламени стекали на землю, как опадающие струи фонтана. Пламя равномерно растекалось во все стороны, постоянно концентрически расширяясь вовне. Теперь пламя было уже не зеленым, а красным и сияющим. Они увидели, что когда потоки огня, равномерно и быстро распространяясь, достигли горизонта, горы тотчас же обрушились и исчезли. Все, что осталось, выглядело плоским и голым пространством. Антана больше не было.

После того, как Князь Третьей Истины устроил такое представление, женщина и Враг обернулись и посмотрели на Джеральда, всем своим видом выражая искреннее уважение.

Но Джеральд испытывал еще большее недоумение, чем они. Он мог только предположить, что жуткое существо, которому он отдал Калки, осуществило свой план, о котором поведали ему уста ребенка, и высвободило силу стихийного огня, природа которого была непонятна Джеральду, так как он происходил из областей, лежащих за пределами сферы Земли. Однако Джеральд не хотел портить произведенное им благоприятное впечатление и ударить в грязь лицом перед женщиной и Врагом. Может быть, его и обманули; но это вовсе не то же самое, что публичное признание в том, что тебя провели. По крайней мере, Джеральд знал, что призрак, который казался его сыном, оказался, возможно, в не менее иллюзорном месте, куда Джеральд никогда не смог бы войти; и что бы там ни произошло с самой любимой из его иллюзий, Джеральд знал, что всадник на серебристом жеребце уничтожил Антан. Совершенно очевидным было и то, что Абдель-Хареф вернулся домой...

Поэтому Джеральд совершенно осознанно заявил права на чудо, которое он же, фактически, и явил. И он решительно задрал вверх свой вытянутый подбородок...

– Итак, – тихо сказал темнокожий, – Антану конец. Я не жалею об этом.

– Я забыла... – сказала морщинистая старуха, которая когда-то была Прекрасногрудой Майей. – Я забыла, насколько своенравен этот Абдель-Хареф, который обязан мне своей земной жизнью. Чего-то в этом роде следовало ожидать с того самого момента, как упрямый негодник вышел из-под моего контроля. Однако Яхве от своего вмешательства получил меньше, чем мы. Абдель-Хареф оказал мне услугу уже тем, что убрал Антан с горизонта. Теперь на Земле будет поспокойней, а моим дочерям будет не так трудно держать мужчин в узде.

– Зато я ничего не забыл, – сухо заметил темнокожий. – Поэтому я не стал дожидаться появления твоего первенца в детском обличье, бесстрашная невинность которого побеждает всяческое зло. Ведь я увидел ребенка, который приближался к Антану, всем своим видом выражая веру, перед которой бессильны заклинания всех колдунов и чары девяти из десяти женщин. Такая невинность – опасный противник. Что до меня, то я не связываюсь с такими и со всеми прочими неземными феноменами. У меня есть мое царство. И мне его достаточно.

– Но, Яникот, как ты думаешь, что же случилось?

– Как можем мы это узнать, дорогая Хавва, когда, очевидно, ни одного свидетеля в живых не осталось? В любом случае, Антан для нас – невелика потеря.

Тут Джеральд величаво тряхнул своей рыжей головой и вступил в их беседу:

– Вы, ничтожные существа, напрасно пытаетесь понять методы, которые я использовал. И вы напрасно надеетесь, что я открою вам эти методы. Потому что я ничего вам не скажу. Достаточно того, что Возлюбленный Небожителей выполнил миссию своего десятого воплощения с точностью, которую трудно ожидать от вопросительного местоимения. Я пришел, чтобы освободить свое королевство от власти узурпаторов. Я пришел как Князь Третьей Истины, которая недоступна тем, кто знает только, что мы совокупляемся и умираем. Третья Истина была открыта. Нет, я не скажу вам, в чем она состоит, потому что вы не способны это понять. Но ее могущество вы видели собственными глазами. Теперь, Антан освобожден...

Тут его голос дрогнул. Но Джеральд тотчас же продолжил:

– Антан был выкуплен дорогой ценой. Женщина и ребенок, которым принадлежало мое сердце, погибли. Остался я. Я знаю, что они были лишь иллюзией. Но я остался. Князю Третьей Истины необязательно быть счастливым. Его долг в том, чтобы не уклониться от выполнения своей задачи. В чем, спросите вы меня, состоит задача Князя Третьей Истины? И я отвечу вам при помощи моей божественной мудрости. Задача Князя Третьей Истины, как бы он ни хитрил и не боролся против своей судьбы, состоит в том, чтобы уничтожать тех, кого он любит больше всего на свете.

Глава 44

Домостроительство здравого смысла

Джеральд сидел, понутив голову. Он прислушивался к разговору между женщиной, которая когда-то была его Майей, и темнокожим, который был Врагом всех человеческих богов.

– Что нужно мужчинам? – спрашивала женщина. – Мои дочери готовят для них прекрасную еду и питье, мои дочери следят за тем, чтобы в их домах было чисто, а в конце каждого дня мои дочери старательно занимаются с ними любовью. Все, чего бы ни попросили мужчины, мои дочери предоставляют им. Почему мужчины лелеют странные желания, которые не имеют смысла? Как мои дочери могут выполнить такие желания?

– Меня тоже удивляют желания мужчин, – ответил Враг. – Я тоже готов предоставить все, о чем меня может попросить мужчина ясными и понятными словами. Я, Князь Мира Сего, великодушный и щедрый монарх. Я хочу сделать свой народ счастливым. Все сокровища всегда у меня под рукой, чтобы снабдить моих подданных всем, о чем бы они меня ни попросили. Но мужчины хотят большего. Они хотят того, чего никогда не было в моем царстве. Они молятся неосязаемым богам, они влюбляются в призраков. Они

верили, что им необходимо попасть в Антан, отчасти из-за того, что они не знали в точности, что же им нужно, а отчасти потому, что не знали, что такое Антан. Да, это великое благо для моего народа, что Антана больше нет.

– Этот мир вполне хорош, – сказала женщина. Хорошо родиться в этом мире от вечно любящей матери. Хорошо быть молодым человеком в этом мире, где можно ухаживать за молодыми женщинами и быть любимым ими. Легко живется в этом мире, когда у вас столько свободы, сколько может быть у человека, и достаточно ума, чтобы найти себе жену, которая будет о тебе заботиться. Хорошо уйти из жизни тихо и незаметно, когда у вас есть умелая женщина, которая будет тебя кормить и омоет твоё тело, когда ты умрешь. Но мужчины хотят большего.

– Этот мир очень хорош. Царство мое самодостаточно, – согласился Враг. – Мудрый человек, насколько простирается человеческая мудрость, будет довольствоваться неистощимой красотой материальных вещей, которые все принадлежат мне. Ведь пять чувств доставляют бесконечное удовольствие. Пять чувств – это бездонная аптечка с болеутоляющими средствами. Человек при помощи пяти чувств может купить телесный покой и духовное опьянение. Но мужчины хотят большего.

– Поэтому они бросают моих дочерей, – сказала женщина. – Один за другим они уходили, жестоко отвергая все, что мои дочери изобретали, чтобы доставить им удовольствие. Один за другим, эти безумные романтики толпами устремлялись в Антан, к тому, что ожидало там всех смертных и бессмертных. Да, очень хорошо, что Антана больше нет.

– Один за другим, – вторил ей Враг, – они подвергали осмеянию мое царство. Они следовали за своими неосознанными богами. Эти боги бесследно исчезли. Но они забрали с собой множество моих подданных, которые были навсегда потеряны для меня в этом чарующем Антане.

– Мужчины – большие глупцы, – сказала женщина, – а мои дочери не могут контролировать глупость всех мужчин. То, что мои дочери могут делать, они делают охотно. Но не всех мужчин смогли мои дочери спасти от безумия, которое влекло их в Антан и вызывало в них губительное желание увидеть цель всех богов. Наконец-то Антан пал, и это очень хорошо.

Враг выражался более мягко:

– Мужчины, без сомнения, большие глупцы. Но это мой народ, и я спасаю тех, кого могу спасти. Но многие избегают меня. Их беспокойные мечтания – это мое царство, и меня они тоже беспокоили тогда и продолжают волновать сейчас. Но Антан пал, и по крайней мере, после этой глупости мужчинам не придет в голову иная.

Женщина ответила ему:

– Дочери Евы не тревожатся время от времени, они тревожатся всегда, и их тревожат мужские мечты. Некоторых мужчин, которых может спасти их нежный и вечный труд, они отвлекают от возвышенных мечтаний. Но это тяжелый труд, это бесконечный труд, и мы несем большие потери.

Тогда Враг сказал:

– Мы вдвоем начали в Раю этот труд ради блага и счастья мужчин. Наша работа тяжела и не имеет конца. Ведь мужчины остаются романтическими существами, стремящимися к тому, что лежит за пределами моего царства. Но мы не отчаиваемся.

Глава 45

Конец иллюзий

Тогда Джеральд поднял голову, он был один посреди унылого болота, так как темнокожий удалился, и Майя тоже ушла вместе со своим первым возлюбленным, а ее иллюзии, включая уютный бревенчатый и оштукатуренный домик, исчезли. Над разрушенным королевством поднимался сгущавшийся серый дым – след большого пожара.

Тогда Джеральд сказал:

– Я покинул мой родной дом и отправился в бесцельное путешествие, от которого не получил никакой выгоды. И все-таки в нем были приятные моменты. Я не жалею об этом. Пусть всякий человек, которому суждено странствовать, не зная зачем, от темного чрева матери до темной могилы своей, берет пример с меня!

Ведь хотя я потерял все, я все-таки был счастлив. Я не горюю из-за того, что ничего не получил от своего путешествия. Величайшие и лучшие слова Магистра Филологии остались тайной. Я не могу даже предположить, какое слово было в начале и будет существовать, когда все погибнет. Но мне довелось поиграть со множеством слов, которые были весьма неплохи. В искусстве магии, которое я сделал своим призванием, я не совершил революции, но в небольших чудесах я имел успех. Я не доскакал на божественном коне до конца моего путешествия, но часть пути я проехал по-царски.

В результате своего неудачного путешествия я не получил того, о чем слышал от других. Поэтому я говорю «прощай» королеве Фрайдис, которую я, наверное, мог бы полюбить великой любовью, если бы менее достойная женщина не прельстила меня. Я говорю «прощай» Зеркалу Пропавших Детей, в котором, наверное, я мог бы увидеть себя таким, какой я есть на самом деле, и узнать Третью Истину. Я говорю «прощай» Антану, этой недостижимой цели всех богов, который, наверное, был обещанным мне королевством. Я мечтал о возвышенных вещах. Я не получил ничего. Моя судьба – судьба маленького человека. И я ею доволен.

Я могу быть доволен, потому что у меня было все, о чем может мечтать человек; потому что я, по крайней мере, понял, что жребий человека надежнее, чем удел божества. Я благодарен тебе, о достопочтенная и утонченная Эзред, за то, что ты обманула меня. У меня было подобие дома, женщины, которая нежно любила меня и ребенка. Я не могу выразить свою любовь к этим иллюзиям. Ныне они исчезли. Но мои воспоминания остались, и они мне дороже любой реальности.

Все, все погибло! Может быть, я оскорбил две истины, к которым не отнесся с подобающим уважением. Я, стремившийся стать Князем Третьей Истины, нигде не нашел этой третьей правды. Я нашел только приятно раскрашенные иллюзии. Но я доволен тем, что нашел здесь, на Миспекском Болоте.

Пока Джеральд рассуждал таким образом, дым над разрушенным Антаном становился все гуще и гуще. Говоря с самим собой, он наблюдал за тем, как первые тонкие струйки дыма украдкой ползли вниз по холмам и вдоль дороги, стелясь по земле, под склонившимися ветвями деревьев, двигаясь медленно, как будто замышляя кражу. А обнаружив, что путь свободен, дым как будто бы набрался храбрости и стал все быстрее и быстрее подниматься над поверхностью земли, пока не поглотил все вокруг. Теперь, когда Джеральд закончил свою речь, он не мог различить ничего, кроме небольшого клочка земли под ногами, покрытого травой и камнями. Повсюду вокруг него был холодный туман, светящийся размытым серым сиянием, приходившим со всех сторон.

Часть XI

Книга останков

Работа кончается тогда, когда вы получаете жалованье

Глава 46

Серая спокойная дорога среди развалин

Теперь Джеральд путешествовал в сером, светящемся тумане, по серой дороге, которая шла сквозь бесконечное пространство. Она привела его к потрепанной непогодой, покрытой грязными пятнами палатке.

В палатке сидел скелет в маске. Целый костяк сидел прямо, на позолоченном троне. На коленях мертвеца лежал веер, расписанный сценками веселых амурных походов Арлекина и Коломбины, за которыми сквозь щели в тисовой ограде наблюдал Пьеро. Скелет носил небольшую вельветовую карнавальную маску черного цвета, которая закрывала верхнюю часть черепа, оставляя открытыми глазницы.

Позади палатки находился замок, фасад которого был покрыт облупившимся и поблекшим лаком черного и желтого цвета. Замок был совершенно пуст. Джеральд пересек двор, прошел через множество комнат и коридоров, увешанных старыми выцветшими гобеленами. Он никого не встретил. Затем он подошел к центральной башне, вырезанной из рога, и вошел в комнату, которая некогда была спальней владельца этого замка. Тут он понял, почему ни мыши, ни пауки не осмеливались жить в этом замке.

Тогда Джеральд подошел к логову дракона. Но дракон умер уже давно, и в его буфете не было ничего, кроме солонки и переноски, сделанных из черненого серебра, а также легкой золотой полукруглой короны, какие любили носить светловолосые принцессы в ту пору, когда сам дракон находился в расцвете сил.

Оттуда Джеральд перешел в оружейную, которая тоже была запущена и пришла в упадок. На мощеной площадке, на которой выясняли отношения рыцари, валялись девятнадцать сломанных копий и три ржавых щита. На женской половине Джеральд обнаружил только печь для обжига. Все гобелены в этой галерее выцвели и превратились в лохмотья.

Потом Джеральд вышел на зеленое пастбище, через которое протекал тихий глубокий ручей. Пастбище было усеяно множеством странных предметов. Он заметил епископский жезл, колесо, рубашку из конского волоса, огромную решетку для пытки огнем и медное блюдо, на котором лежали груди молодой женщины. Он также нашел на пастбище фарфоровую шкатулку с елеем, большую пилу, голубую шляпу, большой железный гребень, зубцы которого, как и зубцы пилы, были покрыты пятнами засохшей крови, а также пальмовую ветвь и два огромных, очень ржавых ключа, помеченных монограммой «S. P.»

Джеральд направился к трем опрокинутым крестам.

Там путь стал еще темнее. По обе стороны от дороги Джеральд мог с трудом угадать в густой мгле очертания разрушенных портиков, куполов и колонн невероятно древних зданий. Казалось, будто он идет среди обелисков и многоэтажных, квадратных в сечении башен. Но все было очень серым и смутным. В таком тумане он не мог быть уверен в реальности того, что открывалось его взору.

По узкому мосту он перешел через темную, медленно текущую реку. На том берегу реки сидел кто-то, окруженный стадом свиней, и глаза всех этих свиней глядели на Джеральда сквозь белые, клочковатые ресницы. Человек встал, и Джеральд увидел, что свинопасом был тот самый рыжий Горвендил, Князь Антанских Предместий.

И Горвендил начал свой рассказ.

Глава 47

Горвендил сдается

Горвендил рассказывал о потомках Мануэля, и о том, сколько радости и неприятностей доставили ему выходы представителей этого непредсказуемого рода. И Джеральд вспомнил о Мерлине, так как теперь перед ним, казалось, стоял еще один поэт, которому надоело играть в куклы, так как Горвендил заявил следующее:

– Я покидаю это племя, потребности которого невозможно удовлетворить. Ведь долговязый Мануэль провел всю жизнь в поисках того, что никак не мог найти, и он никогда не мог вполне понять, что же он, собственно, ищет и без чего он не может спокойно жить. И Юрген, когда Небеса сделали все от них зависящее, чтобы вознаградить его, смог сказать только, что он – Юрген, и что он сам не знает, чего он хочет. И все их потомки были похожи на этих двух безумцев, так как не могли сказать, что они ищут. Никто не может ничего сделать для этого племени. Ведь его потребности невозможно удовлетворить. Все их странствия, всегда и везде, оказывались тщетными, и в конце концов каждый из вас неизменно идет по этой тихой дороге среди руин, которая ведет только сюда и ни в какое другое место.

– Ну если так, – сказал Джеральд, – то, кажется, и у тебя есть свой интерес на этом свином выгоне.

– Я прихожу в эту область чистилища, когда хочу, чтобы обо мне забыли.

– А я, в свою очередь, пришел сюда по своей воле в поисках убежища. Должен сказать тебе, Горвендил, что с тех пор, как мы виделись в последний раз, я не часто предавался покою.

Затем Джеральд (не обращая внимания на окружавших его свиней, на вид весьма голодных) рассказал историю своего путешествия. Теперь, когда он говорил с собратом, он мог без ложной скромности рассказать все. Он поведал о том, как он спустился в подводный дворец принцессы Эвашерах, и об оргиях, в которых он принимал участие. С некоторым раскаянием он говорил о любовных забавах, которым он предавался с женами и с тремястами пятьюдесятью с лишним наложницами Глома в отсутствие их мужа и хозяина. С нескрываемым смущением он рассказал о том, как народ Литрейи пытался уговорить его остаться в их храме в качестве племенного бога, потому что жители этой страны нашли его нос более выдающимся, чем нос идола, которому они поклонялись. Он признался в том, что приятно проводил время с влюбленной в него Лисицей. Он чистосердечно признал, что нехорошо поступил с Эварван, когда соблазнил ее, а потом бросил, потому что ее необычайная красота стала напоминать ему прошлое. Он рассказал о том, как королева Фрайдис несколько раз приходила к нему, предлагая различные части своего королевства и себя саму. Он говорил об этом с заметным сожалением, так как не мог отрицать, что после трех-четырех свиданий он в грубой форме отверг бедную, несчастную женщину.

In fine, сказал Джеральд, раз уж всякий мужчина должен честно признаваться в своей слабости, оставаться на Миспекском Болоте было для него небезопасно. Поэтому он скрылся в этом тихом, сером, спокойном месте по собственной воле, чтобы избавиться от множества людей, которые злоупотребили его дружелюбием и доверчивостью...

Когда Джеральд закончил каяться, Горвендил заметил:

– Все ясно. Короче говоря, ты был храбрым малым и большим повесой.

– О нет! Ты превратно истолковал мои слова! Какое ужасное и несправедливое подозрение! Нет, я просто хотел сказать, что даже Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Возлюбленный Небожителей и Князь Третьей Истины, подвержен соблазнам, когда они возникают слишком часто.

В ответ на это Горвендил только пожал плечами.

– С богом, у которого такое количество титулов, не спорят. Но в любом случае, не теряй надежды, потому что даже после всех этих прискорбных амурных походов по ту сторону лужи, в которой валяются мои свиньи, тебя ожидает принцесса.

– Но где именно? И как ее зовут? – спросил Джеральд.

– Она ожидает тебя в любом месте, пока ты еще молод...

– Честное слово, Горвендил, так оно и есть, и это страшная правда!

– Так вот, эту принцессу зовут Эвангелина...

– Ох, дружище, да ну тебя...

– И ты полюбишь ее с первого взгляда. Ведь принцесса Эвангелина так прекрасна, что превосходит красотой всех женщин, которых ты когда-либо видел...

– Знаю, – сказал Джеральд. – Ее лицо имеет подобающую форму, везде равномерно окрашено, а сверху его украшает соответствующее количество волос.

– В ее чертах невозможно усмотреть никакого дефекта... – продолжал Горвендил.

– Разумеется, потому что цвета ее глаз прекрасно сочетаются друг с другом, а нос располагается прямо между ними. Под ним находится рот, а еще у нее есть пара ушей.

– In fine, – сказал Горвендил, размахивая руками над головами пасущихся рядом свиней, – принцесса молода, у нее нет никаких физических недостатков, и твой влюбленный взгляд не обнаружит в ней никакого изъяна благодаря той магии, которая воздействует на всех здоровых молодых людей на Миспекском Болоте.

– Ты очень живо описываешь мне женщину, обладающую исключительным и – в этом у меня нет никаких сомнений – неоценимым очарованием. Тем не менее я не могу долее оставаться в месте, где существуют только две истины, и где волшебство этих двух Истин постоянно воздействует на мое юное тело, потому что меня не удовлетворяют боги предместий Антана.

Горвендил ответил:

– Люди нашли себе множество богов. Но эти боги не вечны. Они уходят в Антан и не возвращаются. Остается только один бог и только одна богиня. Они остаются всегда, разве что на время наводя туман на зрение и мышление юных, тем самым охраняя спокойное существование других молодых людей в течение месяца или двух.

– Я неоднократно наблюдал этот эффект, – ответил Джеральд. – Но давай покончим с этим! Сейчас ты, прямо в этом грязном свинарнике, начнешь приводить пространные рассуждения, подтверждающие тот факт, что время беспощадно разрушает любую органическую материю. Потом ты, как я полагаю, подведешь итог всей философии антанских предместий. Возможно, это истинная философия. Тем не менее эта философия – болезненный материализм, который мне, уважающему себя гражданину Соединенных Штатов Америки, не по вкусу. Нет, я лучше буду играть с прекрасной идеей, чем с мыслью, напроочь лишенной привлекательности. Поэтому я предпочитаю думать, что боги и человеческие мечты стремятся к благородной и достойной цели...

Тут Горвендил печально вздохнул.

– Ах, Джеральд, как ты, никогда так и не побывавший в Антане, можешь это утверждать?

– Друг мой, – спокойно ответил Джеральд. – Я слишком мудр, чтобы совершить такой опрометчивый поступок. Нет, я не вошел в обещанное мне королевство. Я разрушил его. Поэтому оно будет существовать, куда существует я, и оно будет таким, каким я его себе представляю. Я сохраняю за собой привилегию, находясь в таком покаянном настроении, которое порождает самые роскошные фантазии, играть с этой прекрасной идеей...

– Но... – начал было Горвендил.

– Нет, дорогой друг, вы ошибаетесь.

– И все-таки... – сказал Горвендил.

– Да, на первый взгляд, в этом что-то есть, но это на самом деле не затрагивает сути вопроса.

– Я только хотел сказать... – возразил Горвендил.

– Знаю! Я прекрасно понимаю твою мысль. И я признаю, что ты хорошо ее сформулировал. Проблема

в том, что принцип, из которого ты исходишь, ошибочен.

– Однако... – сказал Горвендил.

– Да, но не всегда, – заявил Джеральд. – Для поэта единственный способ по достоинству оценить красоту какого-нибудь места состоит в том, чтобы никогда не посещать его. Нет, Горвендил, факты не должны сбивать поэта с толку. Не важно, что говорят факты: все поэты, от Прометея до Юргена, предпочитали играть с прекрасными идеями. Поэтому последовательный поэт всегда разрушает предназначенное ему царство, потому что только так он может превратить его в прекрасную идею. Поэтому для меня, первоклассного поэта, войти в мое королевство было бы непростительной ошибкой. Ведь тогда у меня было бы только одно королевство. Но теперь я могу несколько раз на дню воссоздавать разрушенный город, и с каждым разом он будет становиться все более великолепным. Таким образом, у меня тысячи королевств, одно прекраснее другого. Сегодня Эвашерах будет ждать меня там, среди красот, благовоний и неприкрытой порочности древнего Востока. Завтра сладкоголосое пение пернатоногой Эвадны позовет меня в совершенно другой Антан, который на этот раз будет окруженным морем, небольшим тропическим островом. А послезавтра еще более идиллические картины будут манить меня в пасторальный, написанный в пастельных тонах, гораздо более многолюдный Антан, где будут обитать мечты моей юности, а сладкие губы Эварван сделают его моим персональным раем. В то время как в других обстоятельствах, когда я приду в более схоластическое умонастроение, я буду знать, что в Антане меня ожидает глубокая мудрость и широкая эрудиция Эвайны, вплоть до последнего параграфа. Но чаще всего, Горвендил, я буду вспоминать о другой женщине и о мальчике, в которых не было ничего примечательного, но которые какое-то время, казалось, принадлежали мне. И я буду верить, что эти двое ожидают меня в гораздо более прозаическом Антане; и я буду знать, что никакая магия, как бы она ни превосходила своим могуществом гораздо менее привлекательные мечты моей зрелости, не может дать мне ничего более дорогого... Ведь у меня, Горвендил, было все, что нужно мужчине. Антан не может предложить мне ничего более желанного, чем то, что у меня уже было. И никакая сила не может поколебать мою благодарность за те иллюзии, которые украшали мою жизнь в то время. И здесь, в этой серой стране, где все течет, среди этих твоих свиней, я отчаянно воскликну: «Я счастлив!..»

– С дураком, особенно с таким, у которого на языке вертится множество прекрасных слов, тоже не спорят. Ведь это неопишуемая глупость – возомнить, что Антан может быть разрушен тобой или кем-либо другим. Нет! Обещанное тебе царство ждало тебя, Джеральд. Но ты допустил промах, ты поддался соблазнам семейной жизни, и ты слишком много говорил! Теперь Магистр Филологии силой слова, которое было в начале, и которое будет существовать, когда все остальное исчезнет, навечно спрятал от тебя твое королевство так, что ты не можешь его ни достигнуть, ни увидеть, ни даже верить в него. Теперь тебе остается только лечить боль за свою ошибку бессмысленными оправданиями, словно припарками. И я теперь говорю тебе, что на такой промах, на такую неудачу и на такие оправдания есть только один ответ.

Затем Горвендил сообщил Джеральду слово силы и вынул из кармана небольшое зеркальце в три квадратных дюйма. Во мгле послышался шум маленьких сильных крыльев. У ног Горвендила, среди свиней, появились три белых голубя. Он сделал все, что от него требовалось, и Джеральд очутился в месте, которое было ему знакомо.

Часть XII

Книга согласия

*Откровенность не более приятна, чем скрытность, когда
она неуместна*

Глава 48

Плоды трудов Силана

Итак, Джеральд снова очутился в библиотеке, в которой, как ему казалось, не ранее чем четыре месяца тому назад он покинул свое материальное тело. Свет горел, но в комнате никого не было.

Не было заметно и никаких существенных перемен. Большинство его книг стояли так, как он их оставил. На книжных полках все еще были расставлены фигурки птиц, зверей и рептилий из фарфора и бронзы. Более тщательное исследование, однако, показало, что к его небольшому зверинцу прибавилась очаровательная китайская кошечка – полусонная черная кошечка с красной лентой на шее – и маленький слон из кости, тоже черный, но с белыми бивнями.

Стулья, насколько он мог заметить, были покрыты, но материал был подобран под цвет обивки. Ковер, который когда-то принадлежал его матери, все еще был под ногами, а занавески, хоть и новые на вид, были все того же отвратительного зеленоватого цвета, который при свете свечей отдавал желтизной.

– Что за мерзкий цвет! Я всегда хотел при первой же возможности заменить эти занавески на другие, по-настоящему зеленые. Я должен признать, что все эти тридцать лет, которые для меня пролетели, как два месяца, мое тело отличалось удивительным консерватизмом. А еще оно обладало похвальным трудолюбием, потому что здесь полно книг, написанных Джеральдом Масгрэйвом.

Странно было видеть такое количество незнакомых трудов, выполненных твоим собственным телом, выдуманных клеточками твоего собственного мозга и написанных твоей собственной рукой за то время, пока всем этим движимым имуществом владел Силан. Однако результаты были налицо.

Среди них не было фривольных романов, которые он мог бы, возможно, сочинять при помощи этих клеточек и этих рук, романов, которые в лучшем случае были бы для читателя пустой тратой времени, а в худшем – вызывали бы у него нехорошие и непотребные мысли. Напротив, все эти тома in quarto были серьезными, учеными, схоластическими трудами. Поэтому Джеральд разглядывал эти тома с оправданной гордостью и глубоким уважением. Сами их переплеты были несовместимы ни с чем фривольным, а их содержание – ни с чем двусмысленным и ненаучным. Более того, восхищенный взгляд Джеральда обнаружил, что почти каждая страница покоилась, словно на пьедестале, на внушительных ссылок: на ссылок, напечатанных самым мелким, почти нечитаемым шрифтом; на огромных многоязычных ссылок, пестрящих римскими и арабскими цифрами, постскриптумами с длинными периодами после них, а также словечками вроде «Ibid.» и «op.cit.»; на ссылок, которые мимоходом давали понять, что вам известны все человеческие языки и все когда-либо напечатанные книги, и которые легко отсылали читателя к такой-то и такой-то странице специального издания; и на ссылок, которые, казалось, цитировали книги на всех языках, предварительно сократив название каждого процитированного труда до нечитаемости.

Джеральд с одобрением отнесся к тому, что эти труды не имели ничего общего с романтической дребеденью, которая разлагала умы и души читателей. В них шла речь о действительно стоящих проблемах этнологии, таких как брачные обычаи разных стран, виды мужской и женской проституции у различных народов, история педерастии – для каждой страны в отдельности, – а также история лесбийской любви, зоофилии, некрофилии, кровосмешения, содомии, онанизма и всех проявлений сексуальности во все времена. Здесь были представлены и другие, еще более оригинальные его работы, такие как «Попытка восстановления утраченных книг Элефантины», «Семя Миноса» с прекрасными иллюстрациями, тезисы докторской диссертации на тему «Култ Лингама», «Шабаш и ритуалы плодородия», опубликованная за

счет автора книга «Миф об Аништар и Кальмуре», «Штудии о Приапе», а также множество других монументальных трудов, которые, хотя Джеральд этого не знал, заставили имя Джеральда Масгрэйва зазвучать в лекционных залах, университетских аудиториях и на страницах научных журналов.

In fine, эти тома сделали Джеральда Масгрэйва самым уважаемым и самым читаемым из американских этнологов, и Джеральд был весьма впечатлен трудолюбием, эрудицией и широтой взглядов своего тела. Среди этих книг был и один ученый трактат, посвященный историческому развитию, механике и отражению в литературе всех известных проявлений великих сил, которые создали все живое.

– Да, очень поучительно видеть, какое рвение и здравый смысл выказало мое тело при фиксации исторических и научных истин, в то время как я, словно цыган, бродил неизвестно где с головой, забитой всякими глупостями.

Затем на следующей полке Джеральд обнаружил еще четырнадцать томов с вырезками. Они были наполнены напечатанными в газетах похвалами и положительными отзывами критиков о книгах Джеральда Масгрэйва. Они содержали также отзывы ученых о его книгах. Внутрь были вложены письма, адресованные Джеральду Масгрэйву и написанные, в большинстве своем, теми странными людьми, которые постоянно пишут авторам, хотя многие из них принадлежали перу людей довольно почтенных.

– В мое отсутствие мое тело, благодаря своим книгам, стало уважаемым и даже видным гражданином. Мое тело, судя по его образу жизни, стало важной персоной. Проявляя также естественный интерес к слабостям великих людей, я также замечаю, что мое тело стало чем-то вроде старой сороки, которая в течение тридцати лет собирала все клочки бумаги, на которых было написано мое имя.

Затем Джеральд открыл черную шкатулку с серебряными уголками, в которой лежала пожелтевшая от времени рукопись. Ее Джеральд отнес на письменный стол. Оказалось, что его роман о героическом предке, Доне Мануэле Пуактесмском, остался таким, каким он его оставил: на его девяносто трех страницах не было изменено ни одного слова.

– Моему телу не хватило сил, чтобы подхватить порыв высокого вдохновения моей юности. Поэтому оно, понятно, нашло себе другие занятия и благодаря им стало личностью. Я не жалею об этом. Не всякое тело становится личностью. Но все-таки обидно, что миру не дано насладиться этим прекрасным отрывком.

Но тут дверь открылась. В дверном проеме стоял мужчина средних лет. И Джеральд тотчас же узнал свое физическое тело и увидел все следы, которые время наложило на него.

И Джеральд каким-то образом понял, какой уединенной, бедной событиями, самоотверженной и трудной жизнью знаменитого ученого все эти годы жило его тело. Эта старая сорока, сидя в этой пыльной комнате, в окружении этой детской коллекции маленьких кошечек, слоников, собачек, зайчиков, курочек, фарфоровых верблюдов и прочих дурацких игрушек, день за днем собирала ценные и интересные сведения в этих томах in quarto, а велеречивые славословия складывала в те альбомы. Вот, собственно, и все, чем он занимался. Так он жил в мире, в котором было такое изобилие возможностей, в мире, который можно было видеть, слышать, осязать, обонять и пробовать на вкус по своему усмотрению; в таком богатом мире, где каждый мог жить по-царски и никогда не унывать, обладая только тем наследством, которое достается всякому человеку – пятью чувствами.

В то же время такая самоотверженность не прошла бесследно: время заставило за нее дорого заплатить. Ослабленное тело выглядело нездоровым. Под слезящимися, мутными глазами набрякли белые мешки. Кожа у знаменитого ученого была одутловатая и казалась жирной. У него почти не осталось волос, кроме нескольких седых прядей. Он был сморщенным и худым, однако у него был на удивление большой, выпуклый живот. У него, очевидно, были больные почки, нездоровое сердце, испорченные зубы и разрушенная печень, а также почти все остальные последствия сидячего образа жизни в пожилом возрасте.

Тело этого украшения науки и литературы было, in fine, отвратительной грудой отбросов и повсюду нуждалось в заплатах. Павшее божество, увидев это совместное произведение времени, большой учености и жизни, проведенной в четырех стенах, могло только тряхнуть своей рыжей шевелюрой в знак презрения к этому единственному убежищу, которое теперь оставалось у низверженного бога.

Тем не менее Джеральд произнес слово силы, которое дал ему Горвендил. Затем у Джеральда помутилось сознание, он на мгновение испытал тошноту и почти ослеп...

Потом Джеральд обнаружил, что он стоит в дверях библиотеки, разглядывая тихую освещенную комнату. Перед ним стоял рыжеволосый, стройный молодой человек в синем кафтане, золотисто-желтом плаще и в высоком кружевном воротнике. Молодой человек улыбался Джеральду Масгрэйву своим женственным ртом, а в глазах мальчишки была ленивая, пренебрежительная усмешка.

Старый Джеральд Масгрэйв восхищался им с восторгом, который он почти ненавидел. Но потом понял, что мальчишка не имеет значения, и что он заключил выгодную сделку.

Глава 49

Торжество двух истин

– Странное и славное слово ты сказал мне, – начал паренек. – Ты заключил страшную сделку. Ведь ты по своей собственной воле произнес слово, которое выкупило назад твоё изношенное, больное тело теперь, когда оно ничего не стоит.

Джеральд ответил:

– Я, навсегда покинув Миспекское Болото, купил свободу от вездесущей магии Двух Истин. Я больше не влюблюсь с первого взгляда в лишенное изъянов женское тело. Я купил ноги, которые слишком стары, чтобы странствовать, уши, глухие к зову богов, к возбуждающей музыке великих мифов и к женской лести; я купил глаза слишком слабые, чтобы различить на горизонте огни Антана. Это хорошая сделка.

Затем он снова взял страницы романа тридцатилетней давности. «Он тоже остался неоконченным», – думал Джеральд, – как и все, за что я брался...

– Когда-нибудь он будет дописан, но уже не моей тонкой морщинистой рукой. Кто-либо другой – кто, может быть, еще не появился на свет – завершит как-нибудь историю Пуактесма, биографию Спасителя Пуактесма и его потомков и последователей, но сделает это далеко не так изящно, как мог бы написать ее я. Кто-нибудь другой вскоре при помощи незначительного, но отнюдь не презренного литературного искусства войдет в эту населенную чудесами провинцию, которая, все-таки, тоже была частью моего королевства... Кто-нибудь другой будет проходить по дорогам Беллегарда, Амнерана и Сторизенда и открывать эти пути для каждого. И таким образом, при помощи этого малого литературного волшебства, Пуактесм, возможно, станет новым Антаном – не таким красивым, но зато легкодоступным...

Но даже такие небольшие победы уже не под силу старым ногам, притупленному слуху, слабому зрению и сердцу, которое уже никогда не будет биться так воинственно.

Одну за другой он разрывал страницы, точно так же, как Эвайна в Литрейе рвала фиговые листки. Глом говорил, что фиговый листок был подлинным символом романа. Джеральд задумчиво опустил разорванные страницы своего романа в мусорную корзину.

Затем он спросил, но без особой надежды:

– Удавалось ли моему телу, пока ты обитал в нем, избегать Эвелин Таунсенд и оставаться свободным от любви доброй женщины?

– Твое тело и тело Эвелин Таунсенд всегда были такими хорошими друзьями! – осторожно ответил паренек, стоявший перед ним.

Джеральд улыбнулся.

– Узнаю эту фразу. Так значит за тридцать лет Личфилд не забыл свои вежливые заклинания, посредством которых изгонялось недопустимое!

– Всегда было заметно, – ответил молодой человек, – насколько выдающийся литератор был внимателен к своей подруге. До последнего времени ваша дружба не была такой тесной и не проявлялась так часто. Но появилось нечто, что помогло упрочить ваш союз – мальчик, зачатый твоим телом в ее теле.

Долгое время вы держались вместе, и ваша дружба от этого только окрепла.

– Я совсем забыл про мальчишку, – сказал Джеральд. – Да, я помню, что ты предусмотрительно обеспечил меня потомством в мое отсутствие.

Джеральд откинулся на спинку кресла. Он сцепил пальцы и с улыбкой разглядывал их взглядом старческих глаз.

– Итак, я, в конце концов, остался верен одной женщине. Я оказался образцовым американским гражданином. Я строго соблюдал кодекс поведения джентльмена. В своей частной жизни я следовал всем правилам таинства прелюбодеяния, совершаемого равными по социальному статусу. На профессиональном поприще я создавал не детские слащавые романы, но только серьезные научные труды. Короче говоря, я стал гордостью не только Личфилда, но и всех Соединенных Штатов Америки.

Он пожал плечами и опустил свои старые, слабые руки.

– Ну что ж, я не собираюсь портить такое чудо. Я сдаюсь. Я уважаю законы собственности. Я принимаю правильный образ жизни. Я признаю свой успех. И я принимаю свою долю славы.

Потом Джеральд сказал:

– Поэтому я должен, пока остаюсь в живых, продолжать твои труды по фиксации исторических и религиозных истин, потому что именно эти истины сделали мое имя известным. О, можете на меня положиться, я буду чтить эти истины в той мере, насколько это возможно для человека в возрасте шестидесяти лет. Я буду служить им скорее пером, чем другими инструментами, которые сейчас слишком вялые. Ведь развитый ум известного ученого не может отрицать их особую важность для тех научных и исторических истин, которые сделали его знаменитым, да и мои поклонники, наверное, не захотят, чтобы я оставил свои труды.

И еще Джеральд сказал:

– Даже в личных отношениях, дорогой друг, которые вы так благородно уладили для меня, нельзя просить слишком многого. Ведь куда ни кинь – всюду клин, и я думаю, что смогу достойно продолжить эту затянувшуюся любовную интригу, тем более что мой преклонный возраст удержит меня от опрометчивых и чреватых далеко идущими последствиями поступков. В то же время легенда о незаконной любви длиною в жизнь замечательно предохраняет творчество писателя от забвения. Было бы еще лучше, если бы спрягая глагол «любить», вы сделали бы несколько ошибок в роде. Это еще более пикантно. Это безупречно. Но, повторяю, нельзя просить слишком многого. У меня есть вполне удовлетворительная история личного бессмертия, созданная без малейшего моего участия. Люди будут помнить ее. Так что, все кончилось хорошо. Я доволен тем, что нашел на Миспекском Болоте. Я доволен тем, что нашел в Личфилде. И я больше не буду думать об Антане, в котором, по тем или иным причинам, я не нашел ничего.

– Не следует легкомысленно говорить об Антане! Потому что я, – неужели вы не понимаете? – я призван царствовать над Антаном. Вы передали мне тайное слово и властный зов Горвендила. Антан – это обещанное мне королевство, в которое я вступлю верхом на серебристом жеребце, воспетом в древних пророчествах!

– Ах, так вот оно что! – сказал Джеральд. Все снова заканчивается опостылевшим возвращением da sarò. А вечные поиски Антана продолжаются, хотя и без моего участия...

Однако радость и гордая убежденность мальчишки казались Джеральду немыслимо жалкими. Джеральд теперь, когда ему было пятьдесят восемь, был не особенно взволнован этой жалостью, потому что всякое сочувствие и сострадание к другим давно угасли в нем вместе с другими сильными страстями молодости. Кроме того, Джеральд понимал, что логически, с точки зрения арифметики, мальчишка равным счетом ничего не значит. Миллионы таких же молодых парней в это самое мгновение стояли на пороге точно такого же краха. Вскоре и они станут равнодушно относиться к своей незначительности.

Поэтому Джеральд сказал только:

– Вы молоды. По крайней мере, у вас молодое тело. Поэтому берегитесь! Потому что когда вы будете блуждать по Миспекскому Болоту, совершая столь опасное путешествие, ваше тело будет одержимо коварной полуманией Двух Истин, и за каждым поворотом вас будет поджидать принцесса. Она будет

встречаться вам под множеством имен, ибо, как вы сказали, женщины отличаются друг от друга именами. Она будет встречаться вам во многих обликах. Она, как прекрасное, привлекательное и заманчивое препятствие, везде поджидает юных романтиков. Поэтому считаю очень маловероятным, что вам удастся закончить ваше путешествие в Антан. Я, во всяком случае, уже пожилой человек. И я говорю свое личное «прощай» полумагии скачущего пульса и трепещущих нервов...

Некоторое время Джеральд хранил молчание. В его старых глазах появился огонек, который всякий, кто был знаком с Джеральдом, сразу же узнал бы.

– Видите ли, – продолжал он дружелюбным тоном, пока вы занимались теорией, мой дорогой друг – о, весьма обстоятельно и с усердием, которое делает вам честь, – мои собственные исследования приняли более практический оборот. Я, разумеется, не могу говорить о своих любовных похождениях во время путешествия в Антан с большой откровенностью. Нет, это, так сказать, *noblesse oblige*. Но если бы вы только знали! Если бы вы только знали хотя бы половину того, что знаю я о веселых проделках леди Зигид из Аудирны и ее кузины Аббесс! А о том, что случилось со мною в гареме Халифа Мицраим! А о Беатриче, Генриетте, мадам Памеле, Виттории и Эльзбет! А о трех дочерях кожевника! А если бы вы знали, как однажды ночью меня и Ее Величество чуть не застукали вдвоем!..

– Я погляжу, – глубокомысленно сказал паренек, – вы были храбрым малым и большим повесой.

– Нет, не совсем! – ответил Джеральд, и лицо старика приобрело выражение, которое у людей помоложе обычно сопровождается появлением краски стыда. – Я просто рассуждал об этом несколько фривольно. Мой язык мне плохо повинуется. Поэтому я прошу тебя забыть все, что я здесь наговорил. Великих людей нельзя обсуждать с такой откровенностью, которой я часто злоупотребляю. Я это признаю и прошу прощения. Поэтому я не скажу ничего о восьми других королевах, в связи с которыми часто упоминают мое имя, – и я буду последним, кто признает, что для этого есть какие-то основания, – и ни слова об императрицах. На самом деле, скандал вокруг моих интимных отношений с одной из них был несколько преувеличен. Нет, я определенно не стану распространяться о своих небольших шалостях с Каролиной. Я просто подчеркну, не упоминая, однако, никаких имен, что у меня богатый опыт. И я уверяю вас, дорогой друг, что, в конце концов, эта магия не производит больших чудес.

– Но... – сказал мальчик.

– Нет, не стоит так красноречиво уговаривать меня! Достаточно того, что пока ты сидел здесь тридцать лет, занимаясь теорией и сочиняя все эти восхитительные книжки, эта полумагия влекла меня от одной интрижки к другой, и все они были похожи, как близнецы. Она влекла меня в более или менее ревностно охраняемые равнины, которые не сильно отличались друг от друга. Она вела меня из одной долины в другую, которая выглядела и даже пахла точно так же. Наконец, она привела меня к Прекрасногрудой Майе. Я подпал под влияние домашнего уюта и больше никуда уже не шел. Но там я был совершенно счастлив... Поэтому я не жалею. Из-за этой полумагии я потерял свое королевство, свой Антан – так, по крайней мере, кажется мне в этом мире, в котором ничто не бесспорно, кроме, разве что, исторических и научных истин. И все-таки потерять свое королевство было приятно. Под воздействием этой полумагии я – в общем и целом – неплохо проводил время. Сейчас эта полумагия, цель которой заключается в том, чтобы помешать нам, романтикам, достичь Антана, больше не действует на меня. С этого дня я более не опасен. Теперь, когда мне уже почти шестьдесят, я почти старик. Следовательно, Антан больше меня не касается. Я больше не буду думать об Антане, где я, по той или иной причине, ничего не нашел.

С этими словами седой Джеральд Масгрэйв обмакнул перо в чернильницу. Он выкинул мальчишку из головы.

Глава 50

Исход Глома

Мальчик ждал, глядя на старика, который сидел и старательно покрывал бумагу маленькими закорючками, большую часть которых он немедленно замарывал другими закорючками, все это время сохраняя вид человека, занимающегося чем-то умным и действительно важным. И мальчик пожал

плечами. Ведь, как всегда, для постороннего наблюдателя движения творческого письма являли тот налет гротеска, который накладывается на любую разновидность процесса порождения.

Кроме того, ему, которого снаружи ожидал серебристый жеребец и предназначенное для него королевство, такое времяпрепровождение казалось бессмысленным. Он, молодой, сохранявший беззаботную веру всякого мальчишки в свои силы и в свою значимость и не способный предвидеть, какая судьба ожидает его в объятиях Эвадны, не мог спокойно относиться к такой пустой трате времени. Хуже всего было то, что эти разрушенные временем человеческие останки были, очевидно, довольны собой. Он писал, причмокивая губами; он находил самоочевидным тот факт, что ему пришла в голову прекрасная идея, так как теперь он склонил набок свою почти полностью лысую, старую голову и с неподдельным восхищением разглядывал своими мутными, подслеповатыми глазами то, что он только что написал. Для юных глаз наблюдателя это было печальное зрелище.

Ему казалось невозможным, что кто-то может сидеть взаперти в четырех стенах, не находя себе лучшего занятия, чем эта писанина, в то время как снаружи, как известно всем молодым, лежит открытый путь к невообразимым красотам Антана. Юноше, который наблюдал за Джеральдом Масгрэйвом, казалось просто преступным торчать здесь, в безмолвной компании книг и фарфоровых зверушек, когда там (как знают все юные), на приятной дороге в Антан, его ожидает такое множество милых, нежных, любящих женщин, готовых его лелеять, вдохновлять и отдать ему все, чтобы подбодрить отважного любителя приключений в его славном путешествии к предназначенному для него королевству. Решительно, старик пропал. Ведь теперь он страстно желал когда-нибудь закончить свою писанину, подобно тому, как некогда он был одержим идеей расстаться с домашним уютом. Для престарелого, обреченного, несуразного Джеральда Масгрэйва не оставалось никакой надежды. Отныне у него всегда будет новая прекрасная идея, с которой можно будет поиграть, и он навсегда, до конца своей жизни, останется поэтом-бездельником, единственным развлечением для которого будет изготовление кукол и игра с ними...

Для того, кто был без пяти минут царствующим монархом, очень мало значило то, что все, принадлежащее Джеральду Масгрэйву, было смешным и нелепым. Так решил рыжеволосый мальчишка и направился в сторону Эвадны, а почти полностью облысевшая, седая голова, склонившаяся над беспрестанно скрежещущим пером, вскоре скрылась из виду.